

И. Г. Попруженно.

**КЪ ИСТОРИИ
„БЕЗУМНАГО ГОДА“.**

(1848).

ВАРШАВА, ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ 1907 г.

И. Г. Попруженно.

КЪ ИСТОРИИ „БЕЗУМНАГО ГОДА“.

(1848).

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 26-68-68

ВАРШАВА, ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ 1907 Г.

<http://rcin.org.pl>

18.275

Предлагаемые вниманию читателя очерки первоначально были напечатаны: „Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства (1846—1848 г.г.)“—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1894 годъ, а „Общественно-политическія броженія въ Царствѣ Польскомъ въ 1848 году“—въ варшавской еженедѣльной газетѣ „Недѣля Окраины“ за 1906 годъ.

Здѣсь они являются въ болѣе обработанномъ видѣ, дополненные нѣкоторыми новыми данными, почерпнутыми частью изъ тѣхъ же архивныхъ источниковъ, частью изъ печатныхъ.

Авторъ далекъ отъ мысли, что ему удалось использовать весь имѣющійся по этому предмету матеріалъ и смотреть на свой трудъ лишь какъ на скромную попытку прибавить нѣсколько новыхъ штриховъ къ исторіи „безумнаго года“, преемственная связь котораго съ событіями переживаемой нами эпохи не подлежитъ никакому сомнѣнію...

Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства.

(1846—1848 гг.)

I.

„ . . . Возстановленіе Польши писалъ въ 1835 году одинъ изъ сподвижниковъ императора Александра I¹⁾—могло быть прекраснымъ движеніемъ души Александра; но въ смыслѣ политическомъ—это была огромная ошибка. Вѣнскій конгрессъ, созванный по желанію Россіи, долженъ былъ, повидимому, быть могилою притязаній польскихъ, подобно тому какъ Вестфальскій миръ могилою притязаній другихъ государствъ. Этого императоръ Александръ не сознавалъ; онъ увлекся ложнымъ великодушіемъ и долго въ томъ раскаивался. Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила въ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ посѣялъ вѣтры, а преемникъ его пожиналъ бурю. Правъ былъ Шамфоръ: „съ добрымъ сердцемъ—говорилъ онъ—нельзя выиграть и шахматной партіи“²⁾ . . .

Императоръ Александръ, мечтавшій о введеніи въ Россіи конституціонныхъ формъ правленія, даровалъ новообра-

---

¹⁾ Мих. Фед. Орловъ, полк., флигель-адъютантъ императора Александра I. На долю Орлова выпала честь составленія проекта акта капитуляціи Парижа въ 1814 году, и изъ его же рукъ государь принялъ этотъ актъ („Капитуляція Парижа въ 1814 г.“ и „Возстановленіе Польши въ 1815 году.“ Русская Старина, 1877 г. декабрь).

²⁾ Шамфоръ, Севастьявъ-Рохъ-Николай (1741—1794), членъ франц. академіи и одинъ изъ благороднѣйшихъ умовъ, честно работавшихъ для блага Франціи. Но когда онъ увидѣлъ, къ чему идетъ революціонное броженіе и внимательно приглядѣлся къ закулисной сторонѣ „Великой революціи“, то тотчасъ же отвернулся отъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ и сталъ осыпать ихъ сарказмами; во время террора кончилъ жизнь самоубійствомъ. („Chamfort“). Avec une notice et un portrait. Paris, 1905). Тѣмъ, въ своей исторіи „Франц. революціи“, превосходно охарактеризовалъ эту эпоху, сказавъ, что Франція, подпавшая подъ власть революціоннаго правительствa, напоминала собою чловѣка, котораго заставляютъ ходить на головѣ и думать ногами.

зованному Царству Польскому весьма либеральную конституцію. напоминавшую собою хартію Людовика XVIII; у поляковъ появился свой сеймъ, свой сенатъ, свои министры, чиновники, своя армія. . . Само собою разумѣется, что официальнымъ, господствующимъ языкомъ сдѣлался польскій. Русскій элементъ почти отсутствовалъ и представлялся, главнымъ образомъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, весьма благосклонно относившимся къ полякамъ и даже женатымъ на польской княжнѣ.

Великій князь льстилъ себя надеждою, что имя его будетъ всегда памятно въ исторіи—„взаимнымъ примиреніемъ между собою и русскихъ и поляковъ“. Но поляки никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что Польша не была восстановлена въ границахъ 1772 года и, забывая о томъ, что старая Польша, какъ самостоятельное государство, уже умерла, принялись за „одбудованіе ойчизны“. Началось это посредствомъ тайныхъ обществъ.

Въ Варшавѣ еще въ 1814 году было основано „общество истинныхъ поляковъ“, къ которому принадлежали профессора и студенты варшавскаго университета. Затѣмъ, появились общества „косиньеровъ“, „польскихъ карбонаріевъ“, „филаретовъ“. . . Маіоръ польской службы Лукашинскій завелъ „народное общество свободныхъ масоновъ“. Въ Литовскомъ корпусѣ образовалось „общество военныхъ друзей“. Одинъ изъ офицеровъ, Крыжановскій сталъ учреждать тайныя общества въ разныхъ полкахъ съ цѣлью распространенія неудовольствія противъ русскаго правительства и подготовленія возстанія... Очень скоро все польское общество и армія были, какъ паутиной, покрыты заговорами и конспираціями. . . Когда же въ 1822 году эти конспираціи были обнаружены и началось разслѣдованіе, продолжавшееся два года, то одному изъ тайныхъ обществъ, именно „Патріотическому союзу“ удалось ускользнуть отъ вниманія слѣдственной комиссіи и войти затѣмъ въ переговоры съ русскими заговорщиками, принадлежавшими къ извѣстному „Южному обществу“¹⁾. . .

Разразившееся въ 1830 году польское возстаніе и подавленіе его генер.-фельдмаршаломъ, кн. Паскевичемъ,²⁾ вступившимъ затѣмъ въ управленіе Царствомъ Польскимъ, направило общественно-политическую жизнь края по новому руслу—къ полному объединенію съ центромъ Россіи...

---

¹⁾ Е. П. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Русская Старина, 1877 г., сентябрь.

²⁾ Паскевичъ Иванъ Федоровичъ родился въ Могилевѣ-губернскомъ въ 1777 году, умеръ въ Варшавѣ въ 1856 году.

Но еще не успѣли изгладиться первые слѣды возстанія 1830 года, какъ въ Царствѣ Польскомъ уже начались новыя броженія, душою которыхъ сдѣлалась такъ называемая польская эмиграція, образовавшаяся, главнымъ образомъ, изъ разсѣявшихся по Европѣ остатковъ польской арміи,—той самой арміи, которую такъ любилъ и которой такъ довѣрялъ в. к. Константинъ Павловичъ. . .

Главные дѣятели эмиграціи—князь Адамъ Чарторыжскій,¹⁾ Лелевель²⁾ и другіе, основавшіеся въ Парижѣ, только что пережившемъ іюльскую революцію и сочувственно относившимся къ мысли о возстановленіи Польши, съ лихорадочною поспѣшностью принялись за подготовленіе новаго возстанія.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была попытка возжечь мятежъ въ Царствѣ Польскомъ при помощи партизанскихъ отрядовъ, дѣятельно формировавшихся въ Галиціи князьями Любомирскими, графомъ Реемъ и другими лицами.³⁾

Дѣйствительно, въ началѣ 1833 года нѣсколькимъ бандамъ подъ начальствомъ Заливскаго, Бялковскаго, Лубинскаго и другихъ удалось вторгнуться въ воеводства Люблинское, Калишское и Подляское; но всѣ онѣ были тогда же разсѣяны или совершенно уничтожены нашими войсками. Впрочемъ, эмиграція и не особенно рассчитывала на успѣхъ этихъ вторженій, такъ какъ въ это же самое время рабо-

---

1) Кн. Адамъ Чарторыжскій (1770—1861), другъ императора Александра I; принадлежалъ къ тому „негласному комитету“, съ которымъ императоръ совѣщался о задуманныхъ преобразованіяхъ. Былъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Въ 1823 году виленскій генераль-губернаторъ Римскій-Корсаковъ, донося в. к. Константину Павловичу по дѣлу „о неприличныхъ надписяхъ, найденныхъ въ V классѣ Виленской гимназіи“, выражалъ свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ въ краѣ „антиправительственныхъ“ волненій, которыя,—какъ полагалъ генераль-губернаторъ,—неминуемо въ немъ возникнутъ въ слѣдствіе новаго направленія, усвоеннаго начальствомъ Виленскаго учебнаго округа. Строгое разслѣдованіе, произведенное по этому дѣлу, съ устраненіемъ кн. Чарторыжскаго отъ всякаго участія въ немъ обнаружило восемь тайныхъ обществъ, составленныхъ преимущественно изъ студентовъ Виленскаго университета и учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ задачей возстановленіе прежней Польши въ предѣлахъ 1772 года (Е. П. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ).

2) Лелевель, Іоachimъ (1786—1861), польскій историкъ.

3) Дѣла собств. канцеляріи Намѣстника Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ, 1844 года, № 38 (арх. № 8775)—„По секретнымъ запискамъ“; 1845 г., № 45 (арх. № 9212)—„По донесеніямъ о возмущеніяхъ въ Позенскомъ княжествѣ, Краковской области и Галиціи“; № 46 (арх. № 9213)—„По донесеніямъ Резидента нашего въ Краковѣ относительно возстанія крестьянъ въ Польшѣ и Галиціи“; „Acta Komisji Rządowej Spraw Wewnętrznych i Duchownych. Zabezpieczenia porządku publicznego“. Vol. I—IV. 1846 г. № 132 (архив. № 9829—31)—„О на-

тала уже надъ другимъ проектомъ, предложеннымъ польскимъ демократическимъ обществомъ, которое было открыто въ Парижѣ 5-го (17-го) марта 1832 года и уже успѣло приобрести большое вліяніе среди эмигрантовъ.

Исходя изъ той мысли, что причиною неудачи возстанія 1831 года было участіе въ немъ одного только привилегированнаго класса, и до тѣхъ поръ, пока весь народъ польскій не возьмется за оружіе, всѣ возстанія будутъ безуспѣшны, демократическое общество въ изданной имъ прокламаціи къ польскому народу требовало радикальнаго измѣненія существовавшихъ до того времени ненормальныхъ отношеній между „паномъ“ и „хлопомъ“ и призывало ко всеобщему возстанію во имя свободы, равенства и братства.

„Развѣ угнетенная масса народа,—говорилось въ этой прокламаціи,—составлявшая, точно вещь или животное, собственность дворянства, развѣ она могла, подобно вольнымъ людямъ, дохнуть святымъ восторгомъ независимости?! Убийственное, ненавистное неравенство сословій раздѣлило народъ на два класса: на привилегированный, или дворянство, у котораго были свои земли, и на подвластный, т. е. крестьянъ, у которыхъ не было ни клочка своей земли, бѣдныхъ и угнетенныхъ“.

Указавъ затѣмъ, что въ этомъ неестественномъ отношеніи между собою двухъ сословій и кроется упадокъ Польши, демократическое общество убѣждаетъ польскій „народъ“ уничтожить всѣ сословныя различія и слиться въ одно цѣлое. „Только заслуги головы или рукъ должны давать преимущества однимъ передъ другими. Крѣпостная же зависимость (poddaństwo) должна быть во что бы то ни стало уничтожена, съ надѣленіемъ крестьянъ землею въ неотъемлемую ихъ собственность, безъ всякаго кому бы то ни было вознагражденія“.

Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ въ Европѣ крѣпостное право не было столь ужасно, какъ въ Польшѣ и особенно въ литовско-русскихъ областяхъ ея, входящихъ нынѣ въ составъ губерній Сѣверо и Юго-Западнаго края Шляхетское государство смотрѣло на крестьянъ, какъ на рабочій екотъ, и не даромъ за польскимъ хлопомъ издавна установилось презрительное названіе „быдла“. Жизнь, честь, имущество, однимъ словомъ, все, что только могло быть у крестьянина,—принадлежало пану. А за паномъ стоялъ ржондца (упра-

паденіи бунтовщиковъ на г. Сѣдльцы, ночью съ 9 на 10 число февраля 1846 года“, № 136 (арх. № 9835—37)—„Распоряженія, по случаю обнаруженныхъ въ княжествѣ Познанскомъ и другихъ мѣстахъ Пруссіи мятежническихъ замысловъ“; Acta Rady Administracyjnej Królestwa Polskiego: Sek. V, 29. A. vol. 5849a—„O nieposłuszeństwie włościan“, Sek. V, 29, C. vol. 4879—„Zaskarżenia włościan przeciwko dziedzicom zanoszone“ и др.

вляющий), а за ржондцей—кссндзъ, владѣвшій душою крестьянина и исправно отбиравшій у него десятину, подъ угрозю, что десятая курица у него непременно издохнетъ, если не будетъ отдана духовному пастырю, десятый снопь сгнѣтъ и т. д. Наконецъ, позади всѣхъ этихъ господъ стоялъ жидъ, сумѣвшій въ концѣ концовъ прибрать къ своимъ рукамъ не только хлопа, но и пана. Не даромъ въ старинныхъ виршахъ какого-то польскаго латиниста сказано, что „свѣтлое царство поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ и адъ для крестьянъ“:

„Clarum regnum Polonorum
Est coelum nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et infernus rusticorum“.

Конечно, въ польскомъ обществѣ встрѣчались благородныя личности, выступавшія въ защиту человѣческихъ и социальныхъ правъ польскаго крестьянина, но ихъ голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Извѣстно, на примѣръ, что въ числѣ многихъ проектов и соображеній, присланныхъ королю Станиславу-Августу разными лицами до „четырехлѣтняго сейма“, открытаго 5-го ноября 1788 г., а также во время самаго сейма, были такіе, въ которыхъ развивалась мысль о необходимости освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землею. Между прочимъ, хелмскій каштелянъ Полетилло, излагая свой взглядъ по этому предмету, писалъ королю: „главнѣйшая забота наша должна состоять въ томъ, чтобы оказать справедливость нашимъ кормильцамъ, съ которыми ни одинъ народъ не поступаетъ такъ безжалостно (niemiłosiernie), какъ поступаемъ мы съ ними“¹⁾.

Костюшко, на котораго ойчизна возлагала всѣ свои надежды, также напрасно ратовалъ за „братевъ, кровавымъ потомъ которыхъ, обдѣланная земля зиждетъ народъ“ (których krwawym potem uprawiona gola ożywia naród).²⁾ Его универсалъ отъ 7 мая 1794 года объ освобожденіи крестьянъ, съ надѣленіемъ ихъ землею, былъ встрѣченъ злбнымъ шипѣніемъ шляхты и, конечно, ни къ чему не привелъ. . .

Наконецъ, четверть вѣка спустя послѣ перваго раздѣла Польши, наполеоновская конституція, данная 22 июля 1807 года герцогству Варшавскому, уничтожила крѣпостное

¹⁾ „Korrespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1794. Poznań, 1872.

²⁾ Архивъ Виленскаго генераль-губернаторства, изд. А. Энгельмъ, Вильно, 1870 г., т. 2, ч. I.

состояніе ¹⁾. Но это было только на бумагѣ; на самомъ же дѣлѣ конституція еще болѣе ухудшила положеніе крестьянъ, такъ какъ они получили свободу безъ земли и, продолжая нести барщину, попрежнему оставались въ административной и судебной зависимости отъ помѣщиковъ. Помѣщикъ, какъ войтъ гмины и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ дѣлать съ послѣднимъ все, что хотѣлъ,—и такимъ образомъ полноправность, дарованная крестьянамъ наполеоновскою конституціею, оказывалась не чѣмъ инымъ, какъ законодательною фикціею.

Матеріальное положеніе крестьянъ съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Земли, которыя они обрабатывали прежде, отнимались отъ нихъ помѣщиками и присоединялись къ фольварочнымъ (помѣщичьимъ) землямъ, или же отдавались нѣмецкимъ колонистамъ, являвшимся преимущественно изъ Пруссіи и предлагавшимъ за нихъ болѣе высшіе чинши, чѣмъ платили крестьяне. Безчисленные поборы, какъ денежные, такъ и натуральные, а также произвольно налагаемая повинности, совершенно разорали крестьянъ. Обезземеленные крестьяне, называвшіеся коморниками, халупниками, загородниками и т. п., представляли собою многочисленный крестьянскій пролетаріатъ, ютившійся по задворкамъ помѣщичьихъ фольварковъ и, какъ особою милостію, пользовавшійся правомъ засѣвать небольшую полоску въ помѣщичьемъ полѣ, или же содержать на дворѣ помѣщика корову или свинью, съ обязанностію за это постоянно работать на владѣльца ²⁾. И если прибавить къ этому тотъ ужасный гнетъ, который крестьяне испытывали отъ своихъ помѣщиковъ, ихъ управителей, экономовъ, приказчиковъ и т. п. лицъ, то не трудно будетъ догадаться, какія именно чувства должны были таиться въ груди крестьянъ. И шляхта это хорошо понимала. Призракъ хлопскаго возстанія постоянно тревожилъ воображеніе ея, рисуя ей всѣ ужасы гайдамачины, уманьской рѣзни и коліивуины...

Какимъ же образомъ между этими двумя сословіями могло состояться примиреніе, и было ли хотя малѣйшее основаніе надѣяться, чтобы они слились въ одно цѣлое, когда интересы ихъ были діаметрально противоположны другъ другу, и вѣковая вражда, какъ пропасть, разъединяла ихъ? Понимали ли это демократы, когда обращались

---

¹⁾ „L'esclavage est aboli. Tous les citoyens sont égaux devant la loi l'état des personnes est sous la protection des tribunaux (art. 4). Dziennik praw. X. Warsz., 1810, 1.

²⁾ И. Л. Горемыкинъ, Очеркъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ, Свб., 1869 г. Также Сборникъ правит. расп. по Учредит. Комитету Царства Польскаго, т. I. (1864 г.).

къ „народу“ съ извѣстнымъ воззваніемъ, или же громкія фразы прокламаціи прикрывали собою нѣчто другое,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующій фактъ. На общемъ собраніи польскихъ эмигрантовъ въ г. Руанѣ, 2 марта 1845 года, эмигрантъ Анджейковичъ высказалъ, что ему стоитъ только увѣрить крестьянъ въ возможности для нихъ свободы и для примѣра повѣсить перваго встрѣчнаго пана, какъ крестьяне тотчасъ же вырѣжутъ всю шляхту. Анджейковичъ видѣлъ въ этомъ единственное спасеніе Польши...

Не вдаваясь въ подробности подготовленія новаго мятежа, постараемся въ краткихъ чертахъ обрисовать главные моменты революціонной дѣятельности демократовъ и затѣмъ перейдемъ къ изложенію обстоятельство, явившихся результатомъ этого „возстанія“ въ Царствѣ Польскомъ, на сколько, конечно, позволятъ имѣющіеся у насъ матеріалы.

Въ Парижѣ или, вѣрнѣе сказать, въ Версали былъ учрежденъ центральный демократическій комитетъ, которому были подчинены всѣ филиальныя отдѣленія его какъ за границею, такъ и въ польскихъ провинціяхъ. Возстающая Польша была раздѣлена въ географическомъ и административномъ отношеніяхъ на пять намѣстничествъ: 1) герцогство Познанское, 2) Галицію съ Краковомъ, 3) Русь (Малоросія), 4) Литву (Сѣверо-Западный край) и 5) Корону (собственно Польшу въ границахъ, присвоенныхъ ей Вѣнскимъ конгрессомъ). Множество агентовъ и эmissаровъ было разслано въ эти провинціи съ самыми радужными надеждами и увѣреніями, а также для того, чтобы узнать, какой именно „духъ“ существуетъ въ этихъ провинціяхъ. Между прочимъ, въ Августовской губерніи, въ числѣ мѣстныхъ жителей, содѣйствовавшихъ „приготовленію умовъ“, особенно усерствовали Фелиціанъ и Іоакимъ Булгарины (послѣдній—отст. поручикъ б. польскихъ войскъ), родственники „знаменитаго“ издателя „Сына Отечества“, Ѳаддея Булгарина.

По словамъ извѣстнаго дѣятеля польскаго возстанія 1831 года, а впоследствии убѣжденнаго русскаго патріота и православнаго архимандрита, о. Владиміра Терлецкаго ¹⁾ вольный городъ Краковъ, задумавшій сдѣлаться центромъ возстановленія Польши, кишѣлъ эмигрантами, специально дѣйствовавшими на Галицію, царство Польское и губерніи Волынскую и Подольскую, и съ свойственнымъ полякамъ легкомысліемъ увлекавшимися несбыточными мечтами о возстановленіи Польши отъ Балтійскаго моря до Чернаго.

¹⁾ См. Записки о. Терлецкаго въ „Русской Старинѣ“ за 1889 г.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ печаталась масса революціонныхъ воззваній и брошюръ, въ которыхъ преобладала одна и та же мысль, что Польша можетъ воскреснуть при помощи общихъ народныхъ силъ, печатались, для возбужденія патріотизма, портреты мучениковъ „за ойчизну“: Конарскаго, Завиши, Воловича и др., разныя патріотическія картины и молитвы объ освобожденіи Польши и Литвы изъ неволи, а также фабриковались разные предметы въ родѣ часовъ, колець, табакерокъ съ польскими и литовскими гербами, всевозможными эмблемами (мертвыя головы, якори, бѣлые орлы) и надписями: „wolność“, „równność“, „niepodległość“, „wiążmy się“, „l'union fait la force“ и т. п. на разныхъ языкахъ.

Въ Бѣловѣжской пушчѣ и другихъ мѣстахъ предполагалось сформировать партизанскіе отряды, которые должны были содиниться съ галиційскими колоннами повстанцевъ. Собирались свѣдѣнія о родахъ оружія, дизлокаціи и численности нашихъ войскъ. Молодежь, подъ предлогомъ охоты и конскихъ скачекъ, съѣзжалась для приготовленія себя и лошадей къ кавалерійской службѣ. Повсюду собирались денежныя складки и заготовлялось оружіе. Эмигранты, разсѣянные по всѣму свѣту, должны были собраться въ назначенный срокъ подъ знамена Мирославскаго и т. д. При этомъ, конечно, большія надежды возлагались на европейскія державы и главнымъ образомъ на Францію...

По плану „военныхъ дѣйствій“, составленному Мѣрославскимъ ¹⁾ повстанческіе отряды должны были сосредоточиться: 1) подъ Плешевымъ и Гнѣзномъ (княж. Познанское); 2) подъ Торунемъ и Гумбиномъ (Запад. Пруссія); 3) въ окрестностяхъ Тошка, подъ Козлимъ (Верхн. Силезія); 4) подъ Краковомъ, Новымъ Мястомъ и Львовомъ, при впаденіи р. Ниды въ Вислу; 5) въ окрестностяхъ Новокопстантинова, Звягеля и Корца (Подольск. и Волынск. губ.) и 6) въ окрестностяхъ Минска, Вильно и Россіенъ. Затѣмъ, путемъ хитроумныхъ соединеній, эти отряды должны были собраться въ Царствѣ Польскомъ и овладѣть недостроенною еще Ивангородскою крѣпостью и г. Сѣдльцомъ. Предполагалось, что изъ этихъ отрядовъ составитя два корпуса. Мирославскій думалъ присоединить къ нимъ еще мятежниковъ съ Украйны и вмѣстѣ съ ними двинуться потомъ вглубь Россіи, гдѣ намѣревался поднять казаковъ. Варшаву и Познань, какъ города укрѣпленные и имѣвшіе

¹⁾ Мирославскій, Людвикъ (1814—1878), сынъ офицера б. польской арміи; принималъ дѣятельное участіе въ мятежѣ 1830 года; въ 1845 году центральнымъ комитетомъ польскихъ эмигрантовъ на него была возложена организація новаго возстанія; во время возстанія 1863 г. принялъ званіе диктатора.

значительныя военныя силы предполагалось пока не трогать. На случай же, еслибы нападеніе на Ивангородъ (Демблинъ) не удалось и, вообще, еслибы пришлось ретироваться, то для этого Мирославскимъ былъ указанъ путь на Завихвостъ (около Сандомира). Оттуда мятежническіе корпуса легко могли уйти въ Галицію, и тамъ же, въ случаѣ полученія подкрѣпленія, снова соединиться на галиційско-й границѣ.

Въ концѣ 1843 года нетерпѣніе демократовъ, желавшихъ скорѣйшаго возстанія, дошло до крайности. Поляки не въ состояніи были уже сдерживать свои патріотическія чувства, которыя проявлялись у нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, на примѣръ, 29 января 1844 года въ Сѣдлецкомъ уѣздномъ управленіи былъ вечеръ, на которомъ молодые кавалеры и дамы были одѣты въ костюмы краковскихъ крестьянъ. Интересно, что въ числѣ этихъ кавалеровъ были и чиновники подляскаго губернскаго правленія. 20 февраля того же года, въ м. Блашкахъ, Калишскаго уѣзда, былъ большой балъ, на который съѣхалось много помѣщиковъ, даже изъ княжества Познанскаго. И здѣсь многіе изъ гостей были одѣты въ крестьянское платье; одинъ шляхтичъ былъ въ „революціонномъ“ мундирѣ, а другой, 70-ти-лѣтній старикъ, въ старо-польскомъ костюмѣ. На балу въ г. Шадкѣ въ такомъ же костюмѣ былъ 85-ти-лѣтній шляхтичъ. Въ томъ же февралѣ, въ г. Калишѣ, одинъ ксендзъ сказалъ проповѣдь о необходимости защищать отечество, потому что „такое теперь наше положеніе“. Другой ксендзъ въ г. Вольбромѣ, Олькушкаго уѣзда придумалъ выразить свой патріотизмъ такимъ образомъ: всякій разъ, какъ былъ высокаторжественный день, ксендзъ, вмѣсто соотвѣтственной случаю церковной службы, старался совершать въ этотъ день какойнибудь обрядъ, который такъ или иначе придавалъ церкви траурный видъ, и т. п.

Наконецъ, въ 1844 году, распространился слухъ о томъ, что Галиція и княжество Познанское совершенно готовы къ возстанію. Нужно замѣтить, что австрійское и прусское правительства весьма снисходительно смотрѣли на революціонную дѣятельность у себя поляковъ, въ полной увѣренности, что она направлена исключительно противъ Россіи¹⁾.

¹⁾ Любопытно, что среди разныхъ слуховъ, циркулировавшихъ по Галиціи, одинъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ вѣчто весьма пріятное для русскаго самолюбія. Дѣло въ томъ, что въ Галиціи вдругъ заговорили о возможности присоединенія ея къ Россіи и сельское населеніе, также какъ и значительная часть помѣщиковъ встрѣтили эту вѣсть съ нескрываемымъ удовольствіемъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ кн. Паскевичемъ, „слухъ на столько былъ вѣроятенъ“, „что въ Лембергѣ, у книгопродавца Миликовскаго въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было раскуплено галиційскими помѣщиками до экземпляровъ русскаго грамматика.

О царствѣ же Польскомъ и Западномъ краѣ нельзя было сказать, что они готовы. Не говоря уже о бдительности властей, большинство поляковъ, напримѣръ, въ Литвѣ, не вѣрило въ успѣхъ возстанія. Что же касается крестьянъ, то они оставались равнодушными ко всѣмъ разглагольствованіямъ демократовъ, хотя мысль о возможности для нихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, несомнѣнно, должна была пустить глубокіе корни въ ихъ умахъ и въ будущемъ дать свои результаты.

Центральный демократическій комитетъ, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, рѣшилъ отсрочить возстаніе еще на нѣкоторое время. Но тутъ на сцену выступилъ ксендзь Сцѣгенный, съ своимъ девизомъ: „Volenti nihil difficile!“.

Происходя изъ крестьянъ Кѣлецкой губерніи, ксендзь Сцѣгенный уже давно распространялъ среди нихъ демократическія идеи, а также вымышленную имъ самимъ папскую буллу (*List Papieža*), объявляющую отпущеніе грѣховъ на 15 лѣтъ каждому, кто приметъ участіе въ освобожденіи отечества. Теперь же, подъ вліяніемъ слуховъ о готовности къ возстанію Галиціи и Познани, Сцѣгенный, въ порывѣ энтузіазма, рѣшился на самостоятельныя дѣйствія, помимо центрального комитета.

Возстаніе должно было послѣдовать 15-го (27-го) октября 1844 года. Сцѣгенный предполагалъ сказать въ этотъ день зажигательную проповѣдь въ Кѣлецкомъ костелѣ и, затѣмъ, предводительствуя воодушевленными слушателями, напасть на мѣстную гауптвахту, обезоружить караульныхъ, арестовать начальство и, наконецъ, учредить демократическое правленіе.

Въ такомъ же духѣ должны были дѣйствовать и другіе ксендзы Кѣлецкой губерніи. Затѣмъ мятежники должны были соединиться съ галиційскими повстанцами и уже совмѣстно съ ними продолжать начатое возстаніе. При этомъ имѣлось въ виду такъ устроить, чтобы въ Варшавѣ ничего не знали о возстаніи въ провинціи, а потомъ окружить ее и кончить дѣло переговорами. Заговоръ, однако же, былъ открытъ. При этомъ обнаружено было, что коморникъ, (судебный приставъ) гражданскаго трибунала Радомской губерніи Заржицкій распространялъ демократическія идеи среди горнозаводскихъ крестьянъ и проектировалъ истребленіе войскъ и занятіе крѣпостей въ тотъ же день, какъ и Сцѣгенный, т. е. 15-го (27-го) октября 1844 г.

Интересно, что истребленіе войскъ и гарнизоновъ предполагалось посредствомъ отправленія пищи и питья. Осеннее время года казалось наиболѣе удобнымъ для этого истребленія, такъ какъ новыя войска не успѣли бы скоро прибыть изъ Россіи, а между тѣмъ мятежники, рассчитывая

захватить въ свои руки 500 орудій и до 50 тысячъ оружія, надѣялись въ двѣ недѣли сформировать изъ бывшихъ польскихъ солдатъ нѣсколько десятковъ тысячъ войска и т. ц.

Тогда же было обнаружено, что въ Варшавѣ существуетъ заговоръ, къ которому принадлежало болѣе 3,000 человекъ, и что заговорщики предполагали взять цитадель, напасть на королевскій замокъ съ цѣлью умерщвленія намѣстника и вырѣзать все войско въ Варшавѣ. Въ Польскомъ же банкѣ, гдѣ обнаружились значительныя хищенія, найденъ былъ складъ революціонныхъ изданій и прокламацій, а всѣ банковскіе чиновники оказались „яркими патриотами“...

Затѣмъ, въ началѣ 1845 года, въ Галиціи и у насъ въ пограничныхъ губерніяхъ начинаются появляться среди крестьянъ эмиссары, переодѣтые ксендзами, и дѣятельно возбуждаютъ крестьянъ къ возстанію.

Въ простомъ народѣ все болѣе и болѣе обнаруживается духъ своеволія и неповиновенія.

Въ ноябрѣ 1845 года австрійскія власти едва успѣваютъ предупредить въ Тарновскомъ округѣ (въ Галиціи) готовый было вспыхнуть крестьянскій бунтъ...

Наконецъ, все это разражается ужасною катастрофой.

9-го (21-го) февраля 1846 года, должно было, по рѣшенію центрального демократическаго общества, послѣдовать всеобщее возстаніе во всѣхъ пяти „намѣстничествахъ“. Это былъ послѣдній карнавальный день, обыкновенно весело заканчивавшійся шумными балами. Въ этотъ разъ онъ долженъ былъ закончиться Варооломеевскою ночью.

Демократы были увѣрены, что одновременно съ Познанью, Краковомъ и Галиціею, возстанутъ также Богемія, Венгрія, Швейцарія, Италія, Пруссія, и что подъ шумъ и трескъ этого всеобщаго кавардака имъ удастся возстановить свое погибшее королевство. Но всѣ эти замыслы, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли никакого успѣха. Въ княжествѣ Познанскомъ правительство напало на слѣдъ заговора и успѣло предупредить бунтъ, а въ Краковѣ бунтъ хотя и вспыхнулъ, но прибывшія войска разогнали бунтовщиковъ, бросившихся въ Галицію и встрѣтившихъ тамъ противъ себя всѣхъ поселянъ ¹⁾. Предусмотрительное австрійское правительство успѣло пустить слухъ среди крестьянъ, что шляхта сопротивляется надѣленію ихъ землею, и, понятно, крестьяне еще болѣе озлобились противъ своихъ господъ. Имѣются также свѣдѣнія, что мѣстныя власти прямо обратились къ галиційскимъ крестьянамъ

¹⁾ Записка кв. И. О. Паскевича о польской смутѣ 1846 года, „Русская Старина“, 1885 г., ноябрь.

за помощью, обѣщая имъ щедрую награду за каждаго уби-
таго или плѣннаго шляхтича ¹⁾.

Трудно себѣ представить, что произошло тогда въ Галиціи, именно въ Тарновскомъ, Бохенскомъ, Ржешовскомъ и другихъ округахъ ея. Возстаніе шляхтичей было буквально потоплено въ потокахъ ихъ собственной крови, въ пожарахъ и всевозможныхъ неистовствахъ разнузданнаго хлостства ²⁾. Между прочимъ, въ числѣ погибшихъ былъ и графъ Рей, о которомъ мы упоминали выше. Одна изъ шаекъ, состоявшая изъ экономовъ, сельскихъ писарей, дѣшниковъ и тому подобнаго сброда, встрѣтивъ графа Рея, ѣхавшаго съ семействомъ, по всей вѣроятности, въ ближайшій городъ, чтобы укрыться тамъ отъ разсвирѣлѣвшихъ мужиковъ, потребовала, чтобы онъ принялъ на себя начальство надъ нею; когда же онъ отказался, то ему сначала отрубили палець, на которомъ былъ перстень, а затѣмъ послѣ разныхъ мученій изрубили всего въ куски...

7-го (19-го) февраля,—говоритъ Шлоссеръ ³⁾,—толпа вооруженныхъ крестьянъ вошла въ Тарновъ и привела съ собою длинный поѣздъ телѣгъ, нагруженныхъ плѣнными дворянами, и представила искаженные мученическою смертью трупы убитыхъ. Чиновники принуждены были принять и тѣхъ и другихъ ⁴⁾...

Деморализація крестьянъ дошла въ это время до самой крайней степени, Крестьяне не хотѣли ничего дѣлать, ни вносить податей и только разбойничали. Въ концѣ концовъ, австрійское правительство вынуждено было во многія деревни послать военныя команды, а въ нѣкоторыхъ, особенно безпокойныхъ мѣстностяхъ поставить для утрашенія висѣлицы...

Что касается Царства Польскаго, то здѣсь возстаніе выразилось въ нападеніи въ ночь съ 8-го на 9-ое февраля

¹⁾ Ниль Поповъ, „Вольный городъ Краковъ“ (1815—1846), „Вѣстникъ Европы“, 1875 г., июнь.

²⁾ Кн. Паскевичъ въ своей „Запискѣ о польской смутѣ 1846 г.“, а также въ письмѣ къ кн. М. С. Воронцову отъ 30 апрѣля 1846 г. („Русская Старина“, 1885 г., октябрь) говоритъ, что, какъ въ Галиціи, такъ и у насъ потомъ, въ волненіи крестьянъ не было идеи политической; „въ немъ были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старинная ненависть русскаго къ поляку и вездѣ сродная, къ несчастію, всему человечеству, зависть бѣднаго къ богатому, мужика къ помѣщику, желаніе, которое увлечетъ вездѣ и едва ли не во всякое смутное время поселянина, желаніе владѣть землею и не платить податей („Записка“)“...

³⁾ „Всемирная исторія“, т. VII, стр. 343.

⁴⁾ По вѣроятнѣйшимъ исчисленіямъ, результатомъ галиційской рѣзни было до 10,000 жертвъ обоюдо пола и всѣхъ возрастовъ; изъ этого числа болѣе 4,000 относится къ одному Тарновскому округу (д-ръ Лоренцъ, „Исторія новѣйшаго времени“, Спб., 1871).

мелкихъ шаекъ на пять или шесть пограничныхъ таможенныхъ постовъ, а также на Иголомійскую и Михаловицкую таможни, при чемъ была захвачена часть оружія и нѣсколько лошадей, и затѣмъ въ ночь на 10-е февраля на городъ Сѣдлецъ. Здѣсь, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и убивъ инвалида, стоявшаго на часахъ у гауптвахты, заговорщики принуждены были разбѣжаться, а черезъ нѣсколько дней всѣ были перехвачены и представлены куда слѣдуетъ тѣми самыми крестьянами, которыхъ такъ старались вовлечь въ заговоръ ¹⁾...

Результатомъ всего этого было объявленіе Царства Польскаго на военномъ положеніи, равно какъ и губерній Волынской, Подольской, Виленской, Ковенской и Гродненской, съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующему дѣйствующею арміею и намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ, князю И. Ѡ. Паскевичу. Краковъ былъ занятъ союзными войсками, а въ Варшавѣ всѣ пушки Александровской цитадели были повернуты на городъ съ угрозою, что, при первомъ выстрѣлѣ на улицахъ, Варшава перестанетъ существовать...

II.

Галиційская рѣзня, явившаяся ужаснымъ эпилогомъ грустной фанфаронады бѣдныхъ мечтателей, не замедлила оказать свое дѣйствіе и у насъ, прежде всего, конечно, въ пограничныхъ съ Галиціею мѣстностяхъ. Польскому крестьянину, озлобленному противъ шляхетскаго сословія, представлялся благоприятный моментъ отомстить за то вѣковое угнетеніе, въ которомъ его держали польскіе паны, и вмѣстѣ съ тѣмъ добыть себѣ болѣе или менѣе независимое положеніе.

Каждый слухъ, шедшій съ „того берега“, подхватывался, что называется, на лету, обсуждался и комментировался крестьянами съ разныхъ сторонъ, причемъ главнымъ мѣстомъ обмѣна новостей и принятія тѣхъ или иныхъ резолюцій была, конечно, корчма.

Извѣстно, что корчма—это своего рода клубъ для

---

¹⁾ Нападеніе на городъ Сѣдлецъ подробно описано Н. В. Вергомъ въ его „Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“ (Москва, 1873).

Евъ прокламаціи, найденной 10-го февраля 1846 года въ Сѣдлецѣ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: „революціонное правленіе, приглашая жителей къ вооруженному возстанію, ручается имъ за свободу, равенство правъ и участіе въ дѣлахъ государственныхъ и жалуетъ всѣмъ поселянамъ земли, нынѣ въ ихъ владѣніи находящіяся, въ потомственное владѣніе, безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы явились на общую защиту народной свободы“, и т. д.

простого народа. По выраженію Крашевскаго (въ повѣсти „Ульяна“) — это „мѣсто сходки, совѣта, веселья“. „Корчма — это сердце деревни, какъ церковь — ея голова, а господскій дворъ — ея желудокъ“. „Нѣтъ такой деревни, — говоритъ польскій писатель, гдѣ бы не было корчмы. Еще можно обойтись безъ господскаго дома, кое-гдѣ безъ церкви, но гдѣ же найдется деревня безъ корчмы? Была бы эта тварь безъ сердца!“...

И какого только народа не перебывало въ описываемое время въ корчмахъ: „венгерцы“ съ товарами, итальянцы съ гипсовыми фигурами, шарманщики, нищие, „друзья“ съ мышеловками. Не мало проскользнуло между ними и эмиссаровъ. А тамъ появились такъ называемые флисы, или флисаки (плотовшики), обыкновенно приплывавшіе къ намъ по Вислѣ съ солью и другими продуктами. Эти стали хватать, что „теперь жены ихъ носятъ золотыя кольца“, что „евреи давали имъ за жемчугъ по тысячѣ и по двѣ золотыхъ“, и что „для приобрѣтенія этихъ драгоценностей они не только убивали самихъ помѣщиковъ, но и разрывали дѣтей ихъ на куски“...

— Перерѣзавъ пановъ, мы теперь сами паны, — съ гордостью говорили гости, стараясь при этомъ склонить своихъ слушателей послѣдовать примѣру ихъ.

За флисами появились горали (крестьяне изъ окрестностей Карпатовъ). Они обыкновенно приходятъ сюда съ наступленіемъ сѣнокоса, для заработковъ. Раздѣлившись на партіи, человѣкъ по 30 и болѣе, горали, вооруженные косами, странствовали по краю, ища работы и также, какъ флисы, рассказывали повсюду о происходившихъ въ Галиціи событіяхъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ выслушивали всѣ эти рассказы разные халупники, коморники, копяржи, загородники. И дѣйствительно вскорѣ и въ Царствѣ Польскомъ заговорило крестьянство: „нашъ де императоръ хочетъ, по примѣру австрійскаго, позволить крестьянамъ перерѣзать помѣщиковъ“, или что „теперь крестьянамъ дозволяется каждаго помѣщика ловить въ петлю и доставлять правительству“, и что „въ награду за это крестьяне получаютъ помѣщичьи земли“... Потомъ откуда-то взялись слухи о близкомъ нашествіи французовъ и неизбежной рѣзнь ими нѣмцевъ, а также о томъ, что „Варшаву имѣютъ (?) разобрать на три части“, или что къ 1-му мая вся шляхта, находившаяся въ Царствѣ Польскомъ, будетъ „взята“ въ Варшаву, гдѣ ей „дадутъ балъ (?)“, и т. п.

Въ концѣ апрѣля 1846 года, въ Галиціи появляется какой-то мужикъ, по имени Шелеха, объявляющій себя „королемъ“ крестьянскимъ, а также множество эмиссаровъ,

переодѣтыхъ въ мужицкое платье. Дѣйствуя главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Галиціи, гдѣ не было бунта, эмиссары стараются возмутить народъ увѣреніями, что жители Тарновскаго, Бохенскаго, Ржешовскаго и другихъ округовъ, въ которыхъ происходила рѣзня пановъ, освобождены правительствомъ отъ всѣхъ податей и, сверхъ того, бесплатно получаютъ отъ казны соль. Рядомъ съ этимъ распространяется слухъ, что папа освободилъ отъ грѣховъ всѣхъ крестьянъ, возстающихъ противъ своихъ помѣщиковъ.

Помѣщики въ ужасѣ бросаютъ свои помѣстья или сдаютъ ихъ въ аренду жидамъ на какихъ угодно условіяхъ. Но скоро и жида отказываются брать помѣщичьи имѣнія. Начинаются поджоги, грабежи, истребленіе лѣсовъ и озимыхъ всходовъ на помѣщичьихъ поляхъ и т. п. Графъ Тарновскій, проживавшій въ двухъ миляхъ отъ города Сандомира, въ деревнѣ Дзиковѣ укрѣпляется въ своемъ замкѣ, избѣгшемъ нападенія крестьянъ въ прошлый разъ. Не увѣренный, однако же, въ безопасности и тревожимый ужасными слухами о новой гайдамачинѣ, графъ собирается бѣжать на лѣвый берегъ Вислы, куда также бѣгутъ и другіе помѣщики.

Помѣщичьи имѣнія совершенно падаютъ въ цѣнѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили беспорядки. Тѣмъ временемъ изъ Германіи, особенно изъ Пруссіи, начинаютъ набѣжать покупщики на имѣнія и первымъ дѣломъ требуютъ отъ правительства командированія военныхъ командъ въ покупаемыя ими имѣнія, для обезпеченія новыхъ владѣльцевъ...

Въ нашихъ пограничныхъ лѣсахъ происходятъ тайныя сборища крестьянъ, подъ руководствомъ какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ, внезапно появляющихся изъ прусскихъ и галиційскихъ лѣсовъ и также внезапно или, лучше сказать, во-время исчезающихъ. Неповиновеніе помѣщикамъ, отказъ отъ отбыванія „панцизны“ и исполненія разныхъ повинностей дѣлаются почти повсемѣснымъ явленіемъ.

Тяжелое положеніе крестьянъ Царства Польскаго на владѣльческихъ земляхъ не ускользнуло отъ вниманія нашего правительства, и первымъ законодательнымъ актомъ, положившимъ основаніе улучшенію быта этихъ крестьянъ и ограниченію произвола помѣщиковъ, былъ Высочайшій указъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 года ¹⁾.

Этимъ указомъ было установлено, что всѣ крестьяне, пользующіеся участками земли не менѣе трехъ морговъ,

¹⁾ „Дневникъ законовъ Царства Польскаго“, т. 38.

должны впредь пользоваться ими, подь условіемъ исполненія разъ навсегда установленной повинности, и затѣмъ владѣльцы не имѣютъ права по своему произволу удалять ихъ изъ своихъ имѣній или отнимать и уменьшать предоставленнаго каждому поселянину участка и угодія, ни увеличивать установленныхъ повинностей. Напротивъ того, крестьяне могутъ оставлять свои усадьбы, предваривъ о томъ владѣльца заблаговременно. На оставленные же крестьянами участки владѣльцы обязаны не позже двухъ лѣтъ прискаты и водворить другихъ поселенцевъ, отнюдь не присоединяя этихъ участковъ и усадебъ къ собственнымъ господскимъ землямъ. Кромѣ того, указъ предписалъ совѣту управления въ Царствѣ Польскомъ уничтожить съ 20-го декабря 1846 года всѣ поборы и произвольно наложенныя повинности, извѣстныя подь названіемъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, которые, по разсмотрѣніи, окажутся не имѣющими законнаго основанія. Затѣмъ, для разбирательства и разрѣшенія взаимныхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, повелѣно было издать соответственные правила, взамѣнъ существовавшихъ „процессныхъ формъ“, признанныхъ тяготительными для крестьянъ. Вообще указъ поручалъ интересы крестьянъ „неусыпному наблюденію административной власти“.

Слухъ объ изданіи закона въ пользу крестьянъ успѣлъ проникнуть въ народъ еще до обнародованія его официальнымъ путемъ и породилъ массу недоразумѣній. У крестьянъ явилось твердое убѣжденіе, что отъ шляхты отберутъ всѣ имѣнія и раздѣлятъ ихъ между ними, а помѣщикамъ оставятъ только по двѣ уволоки земли, которую тѣ и должны будутъ обрабатывать сами, такъ какъ имъ не дозволено будетъ даже слугъ имѣть. Когда же правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ приступила къ обнародованію Высочайшей воли, то со стороны крестьянъ послѣдовало всеобщее разочарованіе. Крестьяне утверждали, что новый законъ не obejmлетъ всѣхъ Всемилостивѣйше дарованныхъ имъ льготъ и милостей, что они кругомъ обмануты и т. п., и что работать они болѣе не будутъ. По ночамъ крестьяне сходились по лѣсамъ и другимъ укромнымъ мѣстамъ на тайныя совѣщанія, собирали денежные складки и затѣмъ посылали въ Варшаву уполномоченныхъ отъ себя лицъ, которымъ поручали хожденіе по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и собираніе справокъ о положеніи своего дѣла. Между прочимъ, крестьяне Замоискаго уѣзда собирали складку на уплату за издаваемое въ м. Щебрешинахъ какимъ-то мѣщаниномъ постановленіе объ улучшеніи быта крестьянъ. По разслѣдованію оказалось, что это была просто афера, такъ какъ мѣщанинъ въ

компаніи съ другими двумя продавалъ крестьянамъ по 12—20 злотыхъ копій съ Высочайшаго указа 26-го мая, увѣряя, что подлинный указъ получилъ изъ Петербурга прямо отъ самого государя, и что по силѣ этого указа крестьянамъ не слѣдуетъ отработывать никакихъ повинностей ¹⁾. Въ Липновскомъ же уѣздѣ мѣстный житель Юзефъ Славинскій уговаривалъ крестьянъ не отработывать барщины, потому что въ противномъ случаѣ всѣ они будутъ наказаны правительствомъ, и при этомъ увѣрялъ, что ему достоверно извѣстно „отъ такого же мудраго человѣка, какъ и чиновники“ ²⁾. Въ то же время крестьяне и сами отъ себя и чрезъ уполномоченныхъ осаждали намѣстника прошеніями, въ которыхъ жаловались на претерпѣваемые ими притѣсненія отъ своихъ владѣльцевъ и на потворство, оказываемое послѣднимъ мѣстными властями. Дѣйствительно, помѣщики, во избѣжаніе исполненія Высочайшаго указа 26-го мая, всѣми способами старались заключать съ крестьянами „добровольныя“ якобы условія, которыми возлагали на нихъ тѣ же самыя повинности, которыя крестьяне несли до восполнѣдованія указа 26-го мая, или же въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, отнимали у крестьянъ земли и луга, запрещали имъ пользоваться угодьями и т. п. Помѣщики тѣмъ болѣе имѣли возможность притѣснять крестьянъ, что указъ 26-го мая распространялся только на тѣхъ крестьянъ, которые во время восполнѣдованія его отбывали барщину натурою; всѣ же очиншеванные до изданія этого указа крестьяне, то-есть откупившіеся отъ личныхъ работъ (денежный оброкъ), остались въ прежнемъ положеніи, и въ облегченіе ихъ ничего не было сдѣлано.

На основаніи Наполеоновскаго кодекса помѣщики могли заключать съ своими крестьянами формальные договоры, безъ всякаго на то согласія со стороны крестьянъ и даже безъ вѣдома ихъ. Отъ крестьянъ не требовалось, чтобы они прикладывали руки къ договорамъ или же поручали росписываткся за себя людямъ, которымъ довѣряли. Помѣщику достаточно было приказать двумъ изъ своихъ оффиціалистовъ ³⁾ росписаться на договорѣ въ качествѣ полноправныхъ свидѣтелей и затѣмъ приказать заступающему его мѣсто по званію гминнаго войта утвердить такой приговоръ, съ приложеніемъ казенной печати, или же попросить о томъ нотариуса ⁴⁾. Уничтожить такой контрактъ

¹⁾ Донесеніе начальника III округа корпуса жандармовъ графа Нессельроде намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ отъ 29-го іюня 1847 г. за № 2363.

²⁾ Донесеніе его же намѣстнику отъ 6-го іюля 1847 г. за № 2463.

³⁾ Слуги вышаго разряда: управляющіе, экононы, камердинеры и др.

⁴⁾ Сборникъ правительственныхъ распоряженій по Учредительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. т. I (1864 г.), Варшава, 1867 г.

можно было только судебнымъ порядкомъ. Но развѣ крестьянинъ могъ воспользоваться судомъ для защиты и восстановленія своихъ правъ? Въ судахъ сидѣла та же самая шляхта, только вооруженная разными кодексами, знаніемъ которыхъ и пользовалась для отстаиванія интересовъ своего же брата-шляхтича, но никакъ не хлопа. Для перваго пускались въ ходъ и изощрялись всѣ *aripes juris*, для втораго же... Но это былъ совсѣмъ не интересный субъектъ... А онъ, этотъ бѣдный хлопьъ, зная, что во всякое время можетъ быть удаленъ изъ своей усадьбы, и стараясь поэтому удержать ее за собою и предупредить заселеніе ея заграничными колонистами (нѣмцами), принималъ на себя всевозможныя обязательства. Какъ примѣръ, можно привести здѣсь очиншеваніе Ренчайскаго имѣнія, принадлежавшаго графу Замойскому. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ по жалобѣ крестьянъ, поданной намѣстнику, оказалось, что, кромѣ платежа денежнаго оброка по 90 коп. серебромъ съ морга земли вообще, не исключая и занятой подъ строенія, а также пустошей, крестьяне приняты на себя еще цѣлый рядъ отяготительныхъ для нихъ условій. Такъ, помѣщикъ оставилъ за собою между крестьянскими землями негодные выселки, заросшіе кустарниками, и за всякое поврежденіе этихъ зарослей, котораго, вслѣдствіе такой чрезполосности земель, избѣгать было трудно, возложилъ отвѣтственность на крестьянъ. Крестьяне же, обязавшись другъ за друга круговою порукою, подчинили себя экзекуціи самого владѣльца, съ предоставленіемъ ему права наказанія ихъ, по его усмотрѣнію. Затѣмъ, изъ отданныхъ крестьянамъ земель помѣщ къ отдѣлили 6 морговъ для содержателя корчмы и для кузнеца, а уплату чинша за эти 6 морговъ возложилъ на крестьянъ. И въ такомъ родѣ цѣлый рядъ условій, „добровольно“ принятыхъ на себя крестьянами. Крестьяне даже не оговорили для себя какой либо помощи со стороны владѣльца въ несчастныхъ случаяхъ, на примѣръ, при неурожаѣ, падежѣ скота и т. п. ¹⁾

Безучастность помѣщиковъ къ нуждамъ своихъ крестьянъ была тѣмъ болѣе прискорбна, что въ описываемое время крестьяне уже второй годъ испытывали большой недостатокъ вслѣдствіе неурожаевъ, особенно въ Радомской, Плоцкой и Варшавской губерніяхъ ²⁾. О размѣрахъ бѣдствія можно судить уже потому, что въ Радомской гу-

¹⁾ Докладная записка намѣстнику главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, сенатора Стороженка, отъ 28-го октября 1847 г., „о положеніи поселянъ въ частныхъ имѣніяхъ, очиншеванныхъ въ прежнее время“.

²⁾ Отношеніе намѣстника къ завѣдующему гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ кн. Горчакову отъ 12 (25) февраля 1848 г. за № 31.

бернии, напимѣрь, дано было въ 1847 году пособіе на по-
сѣвъ въ казенныхъ и подуховныхъ имѣніяхъ болѣе чѣмъ
15 тысячъ хозяевамъ; въ частныхъ же имѣніяхъ болѣе
чѣмъ у 35 тысячъ хозяевъ поля остались незасѣянными, и
затѣмъ около 100 тысячъ лишено было средствъ къ про-
питанію до новаго урожая ¹⁾. Люди болѣли и умирали отъ
голода ²⁾. „Чрезвычайная нужда“, по выраженію кн. Паске-
вича, была причиною „чрезвычайной смертности“ ³⁾. Въ
Стопицкомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, въ дер. Волицы
былъ найденъ мертвый человѣкъ, у котораго въ желудкѣ
оказалась, по вскрытіи, глина, смѣшанная съ пескомъ ⁴⁾.
Въ гминахъ Ганчѣ и Шидловѣ того же уѣзда были слу-
чай, что крестьяне откапывали изъ земли палый скотъ и
ѣли мясо его ⁵⁾. Корець (3 пуд.) ржи стоилъ 40 золотыхъ
(6 р. сер.), корецъ пшеницы—50 золотыхъ (7 р. 50 к. сер.),
ячменя — 36 золотыхъ (5 р. 40 к. с.), гороху — 40 золотыхъ
(6 р. с.), картофеля—11 золотыхъ (1 р. 65 к. с.). Улицы въ
деревняхъ и мѣстечкахъ были наполнены нищими ⁶⁾. Въ
осадѣ Яблонкѣ, гмины Тыборы-Тржциянка, Ломжинскаго
уѣзда показывается холера ⁷⁾, въ гминѣ Щавинѣ, Остро-
ленскаго уѣзда, Плоцкой (нынѣ Ломжинской) губерніи —
тифозная горячка („Tyfus cerebralis“ и „Tyfus abdominalis“) ⁸⁾;
въ Велюнскомъ уѣздѣ (Калишск. губ.), Мѣховскомъ (Кѣ-
лецкой) и Пултусскомъ (Ломжинской)—изнурительный кро-
вавый поносъ. Послѣдній явился результатомъ нездоровой
пищи, приготовлявшейся изъ травы, ягодъ и разной зелени ⁹⁾.

¹⁾ Журналъ совѣта управленія въ Царствѣ Польскомъ отъ 7 (19)
мая 1847 г. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что Государь Императоръ при
чтеніи постановленія совѣта о мѣрахъ, принятыхъ къ обезпеченію про-
 довольствія жителей Радомской губерніи, наиболѣе нуждающихся въ про-
 питаніи (раздача денежныхъ пособій, питательные пункты) и обѣмненіе
 полей, а также въ доставленіи бѣдному классу заработковъ (постройка
 шоссе, осушеніе болотъ, возведеніе валовъ по берегамъ Вислы и др.),
 изволилъ собственноручно начертать: „сообразить, нѣтъ ли возможности
 устроить въ Царствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, на положеніи
 учрежденныхъ въ Россіи“ (Журналъ совѣта управленія отъ 8 (20) іюня
 1847 г.).

²⁾ Канцелярія намѣстника статсъ-секретарю при совѣтѣ управл.
 Ѳ. Ѳ. Лебрену, 24 февраля (8 марта) 1847 г. за № 1380.

³⁾ Намѣстникъ главному директору внутр. дѣлъ 18 (30) октября
 1847 г. за № 6339.

⁴⁾ Донесеніе военн. нач. Радомской губ. ген.-маіора Горлова князю
 Паскевичу отъ 12 (24) апрѣля 1847 г. за № 3692.

⁵⁾ Донесеніе нач. стопницкой жанд. команды начальнику III отдѣла
 III окр. корп. жанд. отъ 10 іюня 1847 г. за № 285.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Донесеніе помощника военн. нач. Августовской губ. ген.-маіора
 Смоляка кн. Паскевичу отъ 28 іюня (10 іюля) 1847 г. за № 3535.

⁸⁾ Сообщеніе военн. нач. Плоцкой губ. ген.-маіора Бурмана въ кан-
 целярію намѣстника отъ 11 (23) и 18 (30) сентября за №№ 6499 и 6680.

⁹⁾ Рапортъ велюнскаго уѣзд. нач. въ канцелярію намѣстника отъ
 12 (24) августа 1847 г. за № 16600.

Единственно полезный суррогатъ хлѣба, картофель, гибнетъ вслѣдствіе какой-то неизвѣстной болѣзни, обнаруживавшейся преимущественно въ низменныхъ мѣстахъ. Листья картофеля, начинали чернѣть, стволъ становился вялымъ, болѣзнь проникала во внутрь плода и дѣлала его совершенно негоднымъ къ употребленію ¹⁾. Скотъ также болѣлъ и падалъ. Въ Велюнскомъ уѣздѣ появляется чума ²⁾, а въ Ломжинскомъ и Калишскомъ—сибирская язва ³⁾...

Казалось бы, всѣ эти бѣдствія должны были сблизить помѣщиковъ съ своими крестьянами и смягчить взаимныя отношенія ихъ, но все оставалось попрежнему. Попрежнему помѣщики угнетали своихъ крестьянъ, сгоняли ихъ съ земель и проч., и всегда оставались правы, благодаря своимъ отношеніямъ къ „подлежащимъ“ властямъ ⁴⁾. Напримѣръ: арендаторъ имѣнія Кошовская воля, Радомской губерніи, Аркушевскій, совершенно безбоязненно раздѣляетъ „наильнымъ образомъ“ между своими крестьянами мясо паншихъ у него во дворѣ воловъ, взимая за него по 3 коп. сер. за фунтъ. Бѣдные крестьяне, хотя въ началѣ и отказывавшіеся брать такое мясо, съ голоду наѣдаются его и, разумѣется, заболѣваютъ ⁵⁾. Крестьянинъ им. Скульска, Конинскаго уѣзда, Кржавинскій бросается въ озеро, чтобы избѣгнуть наказанія розгами. Еле живого его вытаскиваютъ изъ воды и приносятъ домой. Помѣщикъ Жехлинскій, однако же, не унимается: забираетъ у несчастнаго послѣд-

¹⁾ Довесенія нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 16 сентября 1846 г. за № 4004, 26 іюля и 14 августа 1847 г. за №№ 2731 и 2936 и отъ 18 іюля 1848 г. за № 3023.

²⁾ Довесеніе военн. нач. Калишской губ. кн. Голицына управляющему гражд. частью въ Царствѣ Польскомъ кн. Горчакову отъ 6 (18) сентября 1847 г. за № 7729.

³⁾ Нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 8 ноября 1847 г. за № 4039.

⁴⁾ Интересную аттестацію тогдашняго низшаго, а, пожалуй, и средняго чиновничества находимъ въ „Трудахъ этнографической экспедиціи въ Юго-Западный край (матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ, т. VII, стр. 226—230)“. Собственно говоря, эта аттестація сдѣлана для чиновниковъ Западнаго края; но съ полною основательностью можетъ быть примѣнима и къ чиновничеству Царства Польскаго. Чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ внутр. дѣлъ г. Воронинъ пишетъ: „чиновничья орда, имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи и бѣдной необразованной шляхты. Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія признавалась ослушностью, неповиновеніемъ и бунтоизъ и влекла за собою еще большее угнетеніе. Поллицейскіе, да и другіе чиновники, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали“...

⁵⁾ Довесеніе нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 27 января 1846 г. за № 355.

ною корову, нанося при этомъ женѣ его сильныя побои. Въ отчаяніи крестьянинъ кое-какъ сползаетъ съ постели, добирается до чердака и тамъ вѣшается. Когда же вдова его, обезумѣвъ отъ горя, отправляется жаловаться на помѣщика, послѣдній „угрозами и насиліемъ“ заставляеть ее показывать, что мужъ ея лишилъ себя жизни въ состояніи помѣшательства ¹⁾. Другой помѣщикъ, Грубешовскаго уѣзда, Добржелецкій, наноситъ своему крестьянину такіе удары палкою, что тотъ черезъ нѣсколько дней умираетъ, успѣвъ, впрочемъ, заявить свою жалобу уѣздному начальнику. Но послѣдній оставляетъ ее безъ всякихъ послѣдствій ²⁾. Помѣщикъ Бяльскаго уѣзда, Венжикъ, подозрѣвая своего крестьянина въ воровствѣ ягненка, наказываетъ его плетми съ завязанными на концахъ узлами до того жестоко, что разсѣкаетъ несчастному тѣло до костей. Возбужденное по этому поводу дѣло прекращается на томъ же основаніи, что „обиженный“ крестьянинъ призналъ наказаніе справедливымъ, удовлетворенія не требуетъ и вообще отказывается отъ всякихъ претензій къ помѣщику ³⁾. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Немудрено, что рассказы о томъ, какъ въ Галиціи крестьяне избавились отъ своихъ „притѣснителей“, находятъ въ крестьянахъ царства Польскаго и западныхъ губерній самыхъ усердныхъ распространителей, открыто высказывавшихъ, что „убить одного шляхтича значитъ осчастливить сто мужиковъ“...

Въ сел. Кашперовѣ, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губерніи, крестьяне говорятъ, что 13-го іюня 1847 г., во время ярмарки, въ м. Татіевѣ „будутъ выбирать куколъ изъ пшеницы“, т. е. „рѣзать пановъ и ляховъ“, о чемъ будто бы имѣется уже „два указа“ ⁴⁾. Въ Липовецкомъ, Уманьскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ крестьяне собираются истребить не только всѣхъ поляковъ, но и жидовъ. Въ Бердичевскомъ уѣздѣ пономарь Дзюнкковской церкви, Гвяздовскій, повторяя народные толки, утверждаетъ, что „рѣзня“ непременно послѣдуетъ въ самомъ скоромъ времени. Тамъ же у крестьянина Федюка оказывается статья изъ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1846 годъ (№ 13): „О наѣздахъ гайдамаковъ“, которую крестьяне

¹⁾ Нач. III окр. корп. жанд. гр. Пессельроде кн. Паскевичу отъ 24 мая 1846 г. за № 2354.

²⁾ То же отъ 31 августа 1846 г. за № 3246.

³⁾ Главный директоръ правит. комиссіи внутр. дѣлъ директору канцеляріи намѣстника отъ 9 (21) ноября 1847 г. за № 38229—21263.

⁴⁾ Рапортъ кіевскаго генераль-губернатора, ген.-адъют. Бибикова кн. Паскевичу отъ 19-го іюля 1847 г. за № 122.

перетолковываютъ по своему, совершенно въ превратномъ смыслѣ ¹⁾). И такъ далѣе...

III.

Еще при первомъ проявленіи волненія между пограничными крестьянами западныхъ губерній, императоръ Николай повелѣлъ, чтобы приняты были всѣ зависящія мѣры къ прекращенію крестьянскаго волненія, и чтобы было обращено вниманіе и на всѣмъ извѣстную жестокость помѣщиковъ ²⁾).

Для осуществленія этого повелѣнія, князь Паскевичъ, между прочимъ, предложилъ начальнику 4-го округа корпуса жандармовъ, графу Буксгевдену (4-го (16-го) ноября 1846 г. за № 2706), чтобы онъ доносилъ ему „о всякомъ волненіи между крестьянами, какого бы рода оно ни было, ибо даже подъ видомъ обыкновеннаго неповиновенія помѣщичьей власти могутъ скрываться попытки къ распространенію коммунизма“, а также доносилъ бы о жестокостяхъ обращеніи помѣщиковъ или арендаторовъ съ крестьянами ³⁾).

Графъ Буксгевденъ, стараясь выяснитъ причины, происходившаго между крестьянами, броженія, находилъ, что отвѣтственность за это въ значительной степени должна падать на сельское духовенство, которому секретно было предписано имѣть наблюденіе за духомъ жителей, особенно помѣщиковъ, и доносить о всемъ замѣченномъ. Духовенство же, по словамъ графа Буксгевдена, „руководимое не столько благосмысленнымъ участіемъ къ состоянію рабочаго класса людей, сколько личнымъ своимъ неудовольствіемъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, посѣваетъ въ крестьянахъ вредный духъ неповиновенія“, возбуждая ихъ противъ помѣщиковъ.

Однако же князь Паскевичъ взглянулъ на это дѣло такъ: „нѣсколько случаевъ, избличающихъ мѣстныхъ священниковъ въ возбужденіи крестьянъ къ неповиновенію

¹⁾ То же отъ 2-го августа 1847 г. за № 6405.

По этому предмету имѣются интересныя разьясненія въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1885 г. (сентябрь), въ статьѣ г. Петрова: „Общественно-политическія броженія въ Кіевской губ. въ 1846 и 1847 г.г.“

²⁾ Князь Паскевичъ ген.-ад. Вибикову отъ 12-го (24) октября 1846 года за № 2553.

³⁾ Здѣсь не лишне будетъ сказать, что графъ Буксгевденъ, получивъ такое предложеніе, съ своей стороны распорядился, чтобы въ производствѣ „ислѣдованій“ о неповиновеніи крестьянъ или угнетеніи ихъ помѣщиками непременно участвовали и жандармскіе офицеры. Кіевскому генералъ-губернатору это не понравилось, и кн. Паскевичъ готовъ былъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе, но графъ Буксгевденъ отстоялъ его. Въ своемъ объясненіи, представленномъ имъ кн. Паскевичу (отъ 3-го января 1847 г. за № 8), онъ, между прочимъ, говоритъ: „есть высочайшая

владѣльцамъ, не могутъ служить основаніемъ общему обвиненію духовенства въ подстрекательствѣ“, съ каковымъ мнѣніемъ вполнѣ согласился и шефъ жандармовъ, принявшій также во вниманіе то единодушіе, съ какимъ шляхта поддерживаетъ свои интересы и употребляетъ разные извороты для удержанія своихъ правъ, „введеннымъ злоупотребленіемъ въ обычаи“¹⁾.

Выше было замѣчено, что въ Западномъ краѣ положеніе крестьянъ было особенно печально. Несомнѣнно, что главную роль здѣсь играло православное вѣроисповѣданіе западно-русскихъ крестьянъ, дававшее польскимъ или полонизованнымъ помѣщикамъ лишній поводъ къ угнетенію бѣднаго хлопа.

Вотъ что писалъ кievскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Бибииковъ, князю Паскевичу, 23-го октября 1846 г. за № 787, о положеніи крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ: „я обратилъ особенное вниманіе на положеніе здѣшнихъ крестьянъ, и въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ государю императору въ 1839 году довель

воля, въ 1848 г. объявленная, чтобы офицеры корпуса жандармовъ непременно участвовали въ производствѣ слѣдствій объ убійствѣ помѣщиковъ своими крестьянами, или ихъ покушеніи въ томъ, для того, чтобы обнаружить: не было ли поводомъ убійства собственное владѣльцевъ худое обращеніе или угнетеніе крестьянъ“. О возникшемъ пререканіи дѣло вошло даже на высочайшее воззрѣніе. Шефъ жандармовъ ген.-ад. графъ Орловъ, письмомъ отъ 16-го января 1847 г. за № 104, увѣдомилъ кн. Паскевича, что „государь императоръ повелѣтъ соизволить, дабы къ слѣдствіямъ о волненіяхъ и неповиновеніи крестьянъ, отъ какихъ бы причинъ оныя ни происходили, также о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ, арендаторовъ и управителей съ крестьянами, всегда назначаемы были штабъ-офицеры корпуса жандармовъ“.

¹⁾ Ген.-адъют. графъ Орловъ кн. Паскевичу отъ 19-го ноября 1847 г. за № 3094. По этому предмету въ ст. г. Петрова „Общественно-политическія броженія въ Кіевской губерніи въ 1846 и 1847 годахъ“ читаемъ: „въ то самое время, когда священнослужители Кіевской епархіи получили и стали исполнять начальственное предписаніе относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духомъ, въ народѣ распространенномъ, въ это самое время гражданскіе чиновники въ цѣломъ рядѣ доносовъ кievскому генералъ-губернатору Бибиикову старались очернить въ его глазахъ мѣстное духовенство и обвинить многихъ священнослужителей въ разныхъ предосудительныхъ и вредныхъ для общественаго спокойствія поступкахъ: обвиненія противъ духовенства, при некомпетентности обвинителей, часто носятъ такой детальный, бытовой оттѣнокъ, что иногда указываютъ втѣмъ самымъ на болѣе близкій къ духовенству источникъ этихъ доносовъ, именно на польско-шляхетскую среду, имѣвшую возможность слѣдить за священно-служителями на каждомъ шагѣ ихъ жизни. Поэтому можно думать, что доносы на священнослужителей были отместкою имъ со стороны польскаго дворянства и шляхты за наблюденія за ихъ дѣйствіями, сопровождавшіеся иногда доносами политическаго характера“.

до высочайшаго свѣдѣнія, что помѣщики и посессоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.

„Въ 1840 и 1841 годахъ я также всеподданѣйше докладывалъ государю императору, что здѣшніе крестьяне во время мятежа 1830 года не только не измѣнили своему долгу, не смотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ фельдмаршала князя Сакена, въ маѣ 1831 года, читанномъ въ церквахъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ, но по усмиреніи мятежа это обѣщаніе не было исполнено: крестьяне возвращены тѣмъ же самымъ владѣльцамъ, коихъ захватывали, какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ: были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству“.

Въ 1847 году ген.-ад. Бибиковъ снова возбуждаетъ вопросъ о необходимости принятія мѣръ къ охраненію крестьянъ отъ мести помѣщиковъ. Поводомъ къ этому послужилъ доносъ крестьянина Себера на помѣщика Головинскаго, послѣдствіемъ котораго было обнаруженіе въ имѣніи этого помѣщика трехъ заржавленныхъ пикъ, зарытыхъ въ землѣ. Бибиковъ ходатайствовалъ о дарованіи Себеру свободы. Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, предварительно доклада этого государю императору, спросилъ мнѣнія кн. Паскевича, высказавъ при этомъ, что, по его мнѣнію, „доносы крѣпостныхъ людей могутъ быть терпимы, а не поощряемы“ и что вообще „доносы рѣдко совершаются людьми безукоризненной нравственности“. Съ своей стороны, кн. Паскевичъ, сообщая гр. Орлову (отъ 22 янв. (3 февр.) 1847 г., № 666), что вполне раздѣляетъ его мнѣніе, но тѣмъ не менѣе, находить, что „оставлять такихъ крестьянъ въ ихъ прежнемъ состояніи значило бы подвергать ихъ мщенію своихъ господъ“; поэтому, онъ полагалъ бы въ томъ случаѣ, если бы сдѣланный доносъ подтверждался—крестьяне безусловно должны быть освобождаемы отъ крѣпостной зависимости и причисляемы къ казеннымъ крестьянамъ; въ противномъ случаѣ доносчики должны быть сдаваемы въ военную службу, а при неспособности къ ней—въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, съ выдачею владѣльцамъ зачетныхъ квитанцій. При этомъ кн. Паскевичъ

высказалъ, что „въ западныхъ губерніяхъ дворянство не прекращаетъ питать къ правительству ненависть“ и что „ни монаршія милости, ни отличія, къ которымъ это дворянство допускается, наравнѣ съ русскими, не могутъ истребить въ немъ враждебныхъ началъ“. „Пятидесятилѣтній опытъ — продолжаетъ Паскевичъ — и событія 1807, 1812, 1831, а также послѣдняго (1846) года убѣждаютъ, что только стоя на стражѣ можно предупредить непрерывныя тайныя козни шляхты западныхъ губерній. При такомъ положеніи остается разсмотрѣть средства, какіе имѣетъ правительство, чтобы слѣдить за тайными намѣреніями вѣроломныхъ. Если средствомъ считать административныя и полицейскія управленія, то недостаточность оныхъ слишкомъ доказана въ 1831 году, ибо съ этими средствами правительство не только не могло предупредить готовившагося возстанія, но даже не знало о совершившемся заговорѣ, и скорѣе подавленіе мѣстнаго бунта надобно приписать только рѣшительнымъ мѣрамъ, принятымъ покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Сакеномъ, который, давъ приказъ, чтобы крестьяне, въ случаѣ злоумышленныхъ со стороны помѣщиковъ приготовленій, вязали ихъ и доставляли къ мѣстнымъ начальствамъ, тотчасъ положилъ конецъ годовому уже возстанію“. Въ заключеніе, указавъ на то, что шляхта попрежнему продолжаетъ свои ковы, кн. Паскевичъ рѣшительно высказываетъ: „надобно на одно рѣшиться: или терпѣть равнодушно тайныя злоумышленія шляхты, ожидая, когда оныя сдѣлаются явными на самомъ дѣлѣ, или пользоваться всѣми представляющимися средствами, дабы слѣдить за духомъ враждебной касты“...

Здѣсь, кстати, слѣдуетъ указать, что всѣ вообще предположенія объ улучшеніи положенія крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ исходили главнымъ образомъ отъ Бибикова. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуеетъ рапортъ Бибикова на имя кн. Паскевича отъ 27 января 1848 г. за № 782 по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ одномъ помѣщицкѣ имѣніи вслѣдствіе того, что управитель не далъ позволенія двумъ крестьянамъ вступить въ бракъ потому только, что они привезли водку изъ другого мѣста, а не изъ мѣстной (помѣщицкѣй) корчмы. Благодаря этому, молодые люди не могли освятить свой бракъ церковнымъ обрядомъ, и родители сами благословили ихъ на супружество. Управитель далъ знать объ этомъ становаму приставу, который тотчасъ же явился и арестовалъ „виновныхъ“ крестьянъ. Но „толпа“ отбила арестантовъ и произвела такіе безпорядки, что пришлось вызвать эскадронъ гусаръ.

„Поступокъ этого управителя, — писалъ Д. Г. Биби-

ковъ, — есть одинъ изъ тѣхъ притѣснительныхъ и позорныхъ дѣйствій владѣльцевъ противу крестьянъ, которые были столько привычны помѣщикамъ здѣшняго края. Они отличались такими примѣрами жестокостей, такимъ варварствомъ и своеволиемъ надъ своими крестьянами, что я вынужденъ былъ прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ взысканія: предавать виновныхъ военному суду, держать въ крѣпости подъ арестомъ, кромѣ взятыя имѣннй въ опеку и введенія въ нихъ казенныхъ инвентарей ¹⁾. Но когда и эти взысканія не были сильны, чтобы измѣнить старинное направленіе—принимать крестьянъ не за людей, а за вещи, я нашелся въ необходимости всеподданѣйше доложить о всемъ этомъ Государю Императору еще въ 1840 году и испросить Высочайшее соизволеніе на ближайшія опредѣленія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ посредствомъ обязательныхъ инвентарей. Предположеніе это, послѣ огромной переписки, наконецъ получило утвержденіе въ половинѣ прошедшаго (1847) года, и въ настоящее время, какъ можно надѣяться, личность крестьянъ получила нѣкоторое огражденіе, хотя еще не совершенное, но, по крайней мѣрѣ, во многомъ избавляющее ихъ отъ чудовищнаго произвола владѣльцевъ. Въ предупрежденіе же неисполненія со стороны владѣльцевъ инвентарныхъ правилъ, угнетенія или притѣсненія крестьянъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ предавать ихъ военному суду“...

„Слава тобі, генерале“,—говорится въ народной пѣснѣ, утѣшительнейшей годъ введенія въ Западномъ краѣ инвентарныхъ правилъ:

„Слава тобі, генерале,
Въ віки вічны одъ насъ;
Памятувать и дякувать
Будемо во всякъ часъ.
Було перше мы дяємо
Въ пана на работи.
Спочивку не знаємъ,
Робымо голоды.
А теперъ ты зупынивъ ихъ
Цями йвантарами;
Налякавъ ихъ. Може й буде
Правда і міжъ нами.
Слава тобі, генерале,
Ты нашъ добрый тату!
Може теперъ веселійше
Війдемъ въ свою хату“ ²⁾...

¹⁾ Исчисленіе крестьянскихъ угодій и лежащихъ на крестьянахъ обязанностей и повинностей въ отношеніи помѣщиковъ.

²⁾ В. Шульгинъ. Юго-Западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе (1838—1863). Кіевъ, 1864.

IV.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, т. е. въ Виленскомъ генераль-губернаторствѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, инвентари, какъ извѣстно, имѣли иную судьбу, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ. Здѣсь составленіе инвентарей было поручено самимъ помѣщикамъ и вслѣдствіе этого тянулось многіе годы. Помѣщики старались доказать, что введеніе инвентарей крайне тягостно для нихъ и разорительно; дѣло всячески затягивалось и въ концѣ концовъ нисколько не облегчило участи крестьянъ. Эти же послѣдніе, зная о намѣреніяхъ правительства и ожидая отъ введенія инвентарей облегченія отъ многихъ повинностей, волновались и толковали, что помѣщики скрываютъ инвентарное положеніе въ свою пользу, чтобы попрежнему отягощать крестьянъ. Мірскія сходки вездѣ имѣли въ это время угрожающій видъ. Особенно сильное раздраженіе противъ помѣщиковъ, духовенства и чиновниковъ замѣчалось въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ¹⁾. Между прочимъ, въ имѣніи Лососьна одинъ изъ крестьянъ просилъ священника освятить ножъ и, когда священникъ началъ разспрашивать его, крестьянинъ протодушно сознался, что „пришло де время разсчитаться съ панами за прошлое“... Въ другихъ имѣніяхъ крестьяне, требуемые по уголовнымъ слѣдственнымъ дѣламъ къ свидѣтельству подъ присягою, отказывались отъ исполненія этого требованія. Какъ оказалось потомъ, это произошло вслѣдствіе слуха, что правительство еще въ 1844 году перевело крестьянъ съ барщины на оброкъ, но что, по стачкѣ помѣщиковъ съ чиновниками, крестьянамъ не было объявлено объ этомъ, и ихъ умышленно, подъ разными предлогами, стараются приводить къ присягѣ, чтобы потомъ представить присяжные листы („присяги“) высшему начальству, съ донесеніемъ, что крестьяне сами желаютъ „навсегда исправлять“ барщинную повинность и не хотятъ быть отъ таковой освобождены²⁾.

Вообще слухи, неизвѣстно откуда исходившіе, играли большую роль въ крестьянской жизни. Витебскіе крестьяне, а за ними виленскіе, отчаявшись, вѣроятно дождатся луч-

¹⁾ Гр. Буксгевденъ кн. Паскевичу отъ 27 сентября 1846 г. за № 547.

²⁾ Рапортъ виленскаго военнаго, минскаго, гродненскаго и ковнскаго генераль-губернатора, ген.-лейт. Мирковича, кн. Паскевичу отъ 8 сентября 1846 г. за № 1709.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ Кіевской губерніи въ 1848 г. Крестьяне сел. Редбайловки, Чигиринскаго уѣзда, отказались принять инвентарныя книжки для записыванія барщины, объяснивъ земскому исправнику, что въ Малороссіи былъ де такой случай, что крестьяне,

шихъ дней у себя на родинѣ, стали, подъ предлогомъ работъ на желѣзной дорогѣ, уходить цѣлыми селеніями къ Черному морю, гдѣ по слухамъ, всѣмъ безпаспортнымъ людямъ давались земли, на которыхъ они могли свободно селиться. Для вразумленія крестьянъ были командированы изъ Петербурга флигель-адъютанты Опочининъ и Назимовъ, причемъ первому изъ нихъ было поручено взять изъ расположеннаго въ городѣ Порховѣ гренадерскаго корпуса одинъ полкъ и слѣдовать съ нимъ въ Витебскую губернію для усмиренія волновавшихся крестьянъ, а также для задержанія самовольно ушедшихъ къ „вольнымъ берегамъ“. Тогда же подъ личнымъ распоряженіемъ витебскаго генераль-губернатора кн. Голицына было удержано до семи тысячъ крестьянъ ¹⁾).

Въ это же самое время, когда витебскіе крестьяне мечтали о вольныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Ковенской губерніи изнывали въ крѣпостномъ состояніи настоящіе „вольные люди“.

Дѣло въ томъ, что въ 1808 году владѣлецъ имѣнія Линковицы и деревень Мѣшколовки и Гостаны, хорунжій Игнатій Карпя, умирая бездѣтнымъ и не имѣя ближайшихъ родственниковъ, завѣщалъ эти имѣнія однофамильцу своему, Евстаѳію Карпя (бывшему виленскому губернскому предводителю дворянства и статскому совѣтнику), а крестьянамъ, населявшимъ имѣніе, въ числѣ 6 тысячъ душъ, даровалъ свободу. Богатый наслѣдникъ, пользуясь своими связями съ мѣстными и губернскими властями, скрылъ вторую часть завѣщанія и вольными людьми сталъ управлять, какъ крѣпостными. Никто не позаботился опредѣлить права и отношенія этихъ людей къ владѣльцу имѣнія, обращающемуся къ тому же съ ними весьма жестоко.

Наконецъ, въ 1840 году „вольные люди“, которымъ, конечно, такъ или иначе воля завѣщателя сдѣлалась извѣстною, рѣшили ходатайствовать о восстановленіи ихъ въ правахъ. Но всѣ старанія ихъ не имѣли никакого успѣха. Дѣло восходило даже до сената, по указу котораго было перенесено изъ Ковенской губерніи въ Минскую, „по причинѣ сдѣлавшихся извѣстными вѣса Карпя и его

взяшіе какія-то книжки, остались въ крѣпостномъ состояніи, а тѣ, которые отказались отъ книжекъ, воспользовались свободою и сдѣлались казаками. Редбайловскіе крестьяне до того волновались, что для водворенія порядка между ними пришлось вызвать эскадронъ уланъ изъ Новомыргородскаго поселенія (донесеніе гр. Буксгевдена гр. Паскевичу отъ 23 апрѣля 1848 г. за № 263).

¹⁾ Донесенія графа Буксгевдена князю Паскевичу отъ 24-го, 27-го и 31-го мая 1847 года за №№ 421, 425 и 438 и отъ 17-го іюня 1847 года за № 514.

близкихъ отношеній съ мѣстными властями“ Ковенской губерніи. Но и это не помогло. „Вольные люди“ потеряли, наконецъ, всякое терпѣніе и отказались повиноваться дворовому управленію. Разумѣется, туда сейчасъ же явились подлежашія власти. Но когда нѣкоторые изъ „зачинщиковъ“ были арестованы, то толпа, вооруженная дубинами, бросилась выручать своихъ и произвела при этомъ такіе безпорядки, что пришлось потребовать войска для усмиренія разбушевавшихся вольныхъ людей.

Графъ Буксгевденъ, донося объ этомъ князю Паскевичу, выражалъ опасеніе, какъ бы не послѣдовало „серьезнаго возстанія“ со стороны этихъ „страдальцевъ“, могущаго подать „опасный примѣръ весьма многимъ другимъ тысячамъ крестьянъ этого края, сильно негодующимъ на своихъ помѣщиковъ“ ¹⁾.

По Высочайшему повелѣнію, графу Буксгевдену поручено было произвести „настрожайшее слѣдствіе“ по этому дѣлу ²⁾.

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, графомъ Буксгевденомъ было обнаружено, что такихъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю безъ земли, „наберется въ Западномъ краѣ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ“, и что всѣ они живутъ безъ письменныхъ договоровъ и управляются владѣльцами „самовольно“ ³⁾. Графъ Буксгевденъ полагалъ необходимымъ, для прекращенія такого порядка вещей, учредить въ краѣ особую комиссію, которая бы „объяснила освобожденнымъ изъ крѣпостнаго состоянія крестьянамъ ихъ права“ и затѣмъ опредѣлила бы отношенія ихъ къ владѣльцамъ земли и этихъ послѣднихъ къ нимъ. Вслѣдствіе этого въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ даже выработанъ проектъ объ улучшеніи быта этихъ вольныхъ людей, которые, по выраженію графа Перовскаго, „быть можетъ, по недоразумѣнію состоятъ у помѣщиковъ въ видѣ крѣпостныхъ“...

Завершилось это дѣло дѣйствительно учрежденіемъ мѣстной комиссіи; но присланный министромъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдатель этой комиссіи, майоръ Цыбульскій, оказалъ, по словамъ графа Буксгевдена ⁴⁾, „нетерпимое, одно-

---

¹⁾ Донесенія графа Буксгевдена князю Паскевичу отъ 23 декабря 1846 г. за № 784 и отъ 11-го января и 7-го февраля 1847 г. за №№ 32 и 142.

²⁾ Отношеніе начальника III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, графа Орлова, къ князю Паскевичу отъ 15-го февраля 1847 г. за № 258.

³⁾ Отношеніе министра внутр. дѣлъ, гр. Перовскаго (по д-ту общихъ дѣлъ), къ ген.-адъют. Вибикову отъ 6 мая 1847 г. за № 2458.

⁴⁾ Донесеніе кн. Паскевичу отъ 16 октября 1848 г. за № 879.

стороннее направлѣніе своихъ дѣйствій къ пользамъ однихъ только крестьянъ“ и этимъ способствовали укорененію въ нихъ еще большаго упорства. Вслѣдствіе этого, по представленію гр. Буксгевдена, майоръ Цыбульскій былъ замѣненъ ст. сов. Васильчиковымъ. Комиссія всячески старалась склонить „вольныхъ людей“ къ заключенію контрактовъ съ владѣльцемъ земли; но они никакъ не соглашались. Были пущены въ ходъ совѣты, увѣщанія, угрозы — ничего не помогало. Наконецъ приняты были самыя рѣшительныя мѣры, заставившія „вольныхъ людей“ „почти единогласно“ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и принять условія владѣльца. Черезъ нѣсколько времени, однако же, они опять отказались отъ контрактовъ ¹⁾. Тогда Карпя „формальнымъ отказомъ“ увѣдомилъ комиссію, что ежели „слѣдственное дѣло“, заведенное по жалобамъ на него крестьянъ за прошедшее время, будетъ прекращено, и они не будутъ болѣе предъявлять къ нему претензій, то онъ готовъ простить имъ насчитываемый на нихъ долгъ около 200 тысячъ рублей серебромъ и, кромѣ того, отказывается отъ управленія имѣніями и передаетъ ихъ старшему своему сыну, отличавшемуся, по словамъ графа Буксгевдена, „точностью и добросовѣстностью правилъ“. И только тогда „вольные люди“ изъявили согласіе на заключеніе контрактовъ.

Тѣмъ не менѣе изъ восьми эскадроновъ уланъ, вызванныхъ туда раньше, признано было необходимымъ оставить, всетаки, половину „для понужденія крестьянъ ко взносу недоимокъ“ и „для наблюденія“ за исполненіемъ въ точности принятыхъ ими на себя условій ²⁾...

Одновременно съ этимъ отъ графа Буксгевдена было получено донесеніе о неповиновеніи „вольныхъ людей“ на земляхъ графовъ Плятеровъ (имѣнія Корцяны и Александрово, Тельшевскаго уѣзда), а также о томъ, что они уже приведены къ повиновенію и изъявили готовность заключить условія съ владѣльцами ³⁾.

Графу Буксгевдену вообще принадлежитъ честь обнаруженія многихъ вопіющихъ злоупотребленій помѣщичьей власти въ западныхъ губерніяхъ, а также случаевъ жестокаго обращенія съ крестьянами.

Рискуя разстроить нервы благосклонному читателю,

---

¹⁾ Донесенія гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 19 октября и 2 ноября 1848 г. за № 885 и 924.

²⁾ То-же отъ 6 ноября 1848 г. за № 937.

³⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 1 декабря 1848 г. за № 992.

мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько случаевъ, доведенныхъ графомъ Буксгевденомъ до свѣдѣнія князя Паскевича вслѣдъ за указаннымъ выше распоряженіемъ по этому предмету. Такъ, отъ 29-го ноября 1846 г. за № 685, онъ доноситъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами минской помѣщицы Стоцкой, нисколько не уступающей въ этомъ отношеніи знаменитой Салтычихѣ.

Священникъ села Ремезъ, принадлежавшаго Стоцкой, сообщилъ Мозырскому земскому суду о смерти 13-ти-лѣтняго крестьянскаго мальчика, умершаго вслѣдствіе жестокаго наказанія его помѣщицею и тайно похороненнаго мужемъ Стоцкой на ремезовскомъ кладбищѣ.

Слѣдствіе, произведенное по этому поводу, не только вполне подтвердило справедливость заявленія священника, но и обнаружило цѣлый рядъ чудовищныхъ жестокостей этой помѣщицы. Оказалось, что она наказывала крестьянъ по 100 и болѣе ударами плетьюми или розгами за самую ничтожную провинность, а то и совсѣмъ безвинно, просто по какому-нибудь капризу. Напр., ей не понравится, что въ ея присутствіи крестьянинъ заговорить съ кѣмъ-либо, или, Боже сохрани, улыбнется, и т. п. Она доводила свои жестокости до виртуозности. Однимъ словомъ, это былъ настоящій инквизиторъ въ юбкѣ.

Въ комнатѣ Стоцкой были вбиты два желѣзные пробоя: одинъ въ потолокъ, а другой противъ него, въ полу. Это было ужасное орудіе пытки, достойное среднихъ вѣковъ. Провинившагося крестьянина или крестьянку, предварительно раздѣтаго донага, привязывали ременными вожжами къ этимъ пробоямъ такимъ образомъ, что несчастный оказывался висящимъ въ воздухѣ съ вытянутыми вверхъ руками. Затѣмъ начиналось немилосердное сѣченіе его до потери имъ чувствъ. При этомъ Стоцкая и сама любила наносить удары по чему попало и не разбирая чѣмъ: палкою, безменомъ, ножемъ; кусала зубами, душила за горло, топтала ногами въ грудь и животъ. Накладывала виновному на шею желѣзную цѣпь и, замкнувъ ее на пробой, вбитый въ стѣну, лила за шею горячую воду. Зимомъ приказывала волочить провинившихся обнаженною спиною по острому льду, покрывавшему замерзшую землю, отчего у несчастныхъ совершенно сдиралась кожа со спины. Заставляла бѣсть издохшихъ пьявокъ; жгла раскаленнымъ желѣзомъ и приказывала плясать, приговаривая: „Скачи, враже, якъ панъ каже!“. Зауздывала женщинъ палочками, чтобы не сосали отъ коровъ молока, и т. д., и т. д. Крестьяне находились въ такомъ страхѣ, что не смѣли и подумать о томъ, чтобы пожаловаться на помѣщицу. Имъ, какъ Щедринской Аннушкѣ въ „Пошехонской старинѣ“, оставалось

въ утѣшеніе только одно: это—вѣра, что „рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ“.

Затѣмъ, черезъ мѣсяць отъ графа Буксгевдена были получены новыя свѣдѣнія о Стоцкой ¹⁾. Дѣло въ томъ, что у нея пропала безъ вѣсти дворовая дѣвка, по имени Тимощенкова. Стоцкая показала ее бѣжавшею, но въ дѣйствительности открылось совсѣмъ иное. Находясь болѣе шести лѣтъ при своей госпожѣ, Тимощенкова подвергалась отъ нея почти ежедневно по два и по три раза наказанію розгами и плетью, отъ 50 до 200 и болѣе ударовъ, вслѣдствіе чего все тѣло ея постоянно было въ ранахъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день (въ сентябрѣ 1846 г.) Стоцкая наказала ее столь жестоко, что несчастная уже не въ состояніи была перенести экзекуціи и черезъ нѣсколько дней умерла. Тѣло ея, по приказанію помѣщицы, было снесено кучеромъ Амбросьевымъ въ ледникъ, гдѣ и оставалось до ночи. Ночью же Стоцкая, въ сопровожденіи своего супруга и кучера, спустилась въ ледникъ и занялась уничтоженіемъ слѣдовъ преступленія. Трупъ былъ разрубленъ топоромъ на три части, сложенные затѣмъ въ мѣшокъ и зарытыя въ землю. На пятая сутки смертныя останки Тимощенковой были вырыты изъ земли и брошены въ чугунный котель, въ которомъ ихъ варили три часа съ тѣмъ, чтобы отдать потомъ собакамъ на съѣденіе... Однако же мужъ Стоцкой не одобрилъ такой мѣры и взамѣнъ ея предложилъ сжечь останки въ лѣсу. Предложеніе это было принято, и Стоцкій, при содѣйствіи кучера, самъ привелъ его въ исполненіе.

Какъ Стоцкій, такъ и Амбросьевъ оба сознались во всѣхъ преступленіяхъ. Сама же Стоцкая рѣшительно ни въ чемъ не сознавалась.

Интересно, что заpiresательство Стоцкой побудило товарища председателя минской уголовной палаты Антонова къ неумѣстной защитѣ этой ужасной женщины. Въ то время, какъ уголовная палата рѣшала лишить ее всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, Антоновъ полагалъ оставить ее только въ подозрѣніи на томъ де основаніи, что она не созналась въ преступленіи. Чѣмъ это дѣло завершилось—неизвѣстно; но минскій губернаторъ, къ которому оно поступила потомъ изъ палаты на ревизію, мнѣніемъ положилъ: Стоцкую, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 16 лѣтъ. Мужъ Стоцкой умеръ въ тюрьмѣ еще до окончанія дѣла. Что же касается кучера,

¹⁾ Допесеніе князю Паскевичу отъ 26 декабря 1846 г. за № 816.

то въ виду того, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленію „сильною властью помѣщиковъ“, рѣшено было наказать его сорока ударами розогъ ¹⁾

А вотъ другое донесеніе графа Буксгевдена, въ которомъ служители алтаря Господня являются въ отвратительной роли инквизиторовъ ²⁾.

Въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи у одного изъ воссоединенныхъ изъ униатства, селецкаго благочиннаго, протоіеря Ячиновскаго было украдено 304 рубля сер. Подозрѣніе пало на трехъ казенныхъ крестьянъ имѣнія Бусяжъ и на одного помѣщичьяго, графини Замойской. Крестьяне тотчасъ были потребованы въ сельское управленіе, гдѣ, въ присутствіи потерпѣвшаго, еще двухъ священниковъ, также бывшихъ униатовъ, сельскаго писаря, старшины, и сотника, были подвергнуты строжайшему допросу. Крестьяне призывали всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что они неповинны въ кражѣ, - имъ не вѣрили и употребляли всѣ старанія къ тому, чтобы привести ихъ къ сознанию. Ихъ „немилосердно“ били палкою по головѣ, хлестали розгами, ставили босыми ногами на горячую вьюшку, которую прикладывали также къ щекамъ и другимъ частямъ тѣла... Но и страдая отъ боли, крестьяне продолжали божиться и клясться, что невиновны въ кражѣ. Неизвѣстно, до чего бы дошло это испытаніе судомъ Божиимъ, если бы въ это самое время не нашелся настоящій похититель денегъ: домашній писарь протоіеря Ячиновскаго...

Дѣло это представлялось на столько невѣроятнымъ, что для провѣрки произведеннаго о немъ слѣдствія былъ даже командированъ, по высочайшему повелѣнію, особый штабъ-офицеръ, подполковникъ Прасоловъ, который, удостоверивъ все изложенное, обнаружилъ еще большія подробности истязаній и пытокъ, которымъ были подвергнуты не только заподозрѣнные въ кражѣ четыре крестьянина, но и родственники ихъ... Между прочимъ, было обнаружено, что одинъ изъ присутствовавшихъ при этой экзекуціи батюшекъ, священникъ Барановскій, допрашивая три года тому назадъ одного крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ вина, жегъ несчастному пальцы лучиною, а въ другой разъ „испытывать“ это же средство въ самой церкви, „только инымъ способомъ (?) ³⁾...

¹⁾ Донесеніе дежурства 4-го окр. корп. жанд. начальнику главн. штаба дѣйств. арміи, отъ 10 января 1848 г. за № 11.

²⁾ Донесеніе кн Паскевичу отъ 2 декабря 1846 г. за № 701.

³⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 21 января 1847 г. за № 51.

А вотъ помѣщикъ сел. Сморгды, Дубенскаго уѣзда Волынской губерніи, Аполлонъ Ледуховскій, воздвигнувшій, въ качествѣ новаго Діоклетіана, цѣлое гоненіе противъ крестьянъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Начальникъ дубенской жандармской команды нашель у него въ селѣ церковнаго старосту, богобоязненнаго старика, скованнымъ двойными желѣзными кандалами; двое другихъ крестьянъ оказались съ набивными колодками, въ которыхъ содержались болѣе трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ былъ найденъ еще одинъ крестьянинъ также въ кандалахъ... Вслѣдствіе гоненій этого помѣщика крестьяне начали ослабѣвать въ православной вѣрѣ и переходить къ обрядамъ католической церкви. Помѣщикъ запрещалъ крестьянамъ говѣть; въ праздничные дни выгонялъ ихъ на барщину и т. д. ¹⁾

Въ такомъ же родѣ былъ помѣщикъ сел. Тхоровки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Страшинскій, высылавшій крестьянъ на барщину въ день Благовѣщенія, когда, по народному повѣрью, даже птица гнѣзда не вьетъ, а также въ страстную недѣлю послѣ принятія Св. Таинъ и на Пасху ²⁾..:

Нужно ли еще говорить о другихъ пощѣщикахъ, которые засѣкали на мѣстѣ мальчугановъ-пастуховъ за несмотрѣ за свиньями, произведшими потраву хлѣба, или за съѣденный кусокъ сала, растлѣвали крестьянскихъ дѣвочекъ, коптили людей, какъ окорока, въ дымныхъ избахъ и т. п.

Мы покажемъ теперь, на какую ужасную месть способно было это несчастное, угнетенное крестьянство Западнаго края. Вообще всѣ данныя, казалось, были къ тому, чтобы и здѣсь повторилось нѣчто въ родѣ галиційской рѣзни. На это, между прочимъ, указываетъ и заключеніе, сдѣланное гр. Буксгевденомъ по поводу случая, о которомъ мы намѣрены разсказать ³⁾.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Помѣщикъ фольварка Евсташино, Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Лесневскій, за самовольную отлучку ночью крѣпостнаго своего поваренка Ивки, приказалъ наказать его на другой день утромъ розгами. Родственникъ Ивки, кучеръ Григорій, узнавъ объ этомъ во время самой экзекуціи, бросился вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ „отнимать Ивку“, при-

---

¹⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 4 февраля 1847 г. за № 133.

²⁾ То же отъ 10 іюня 1847 г. за № 486.

³⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 8-го февраля 1847 года за № 160.

чемъ какъ тотъ, такъ и другой захватили на кухнѣ по поварскому ножу.

Экзекуція происходила въ домѣ эконома Островскаго при запертыхъ дверяхъ. На стукъ Григорія дверь отворилъ самъ Островскій; но едва онъ очутился лицомъ къ лицу съ Григоріемъ, какъ былъ „пронзенъ“ ножемъ и упалъ, обливаясь кровью. На его крикъ прибѣжала жена, а за нею братъ Островскаго, молодой человекъ, и съ нимъ старый 85-ти-лѣтній шляхтичъ Бродовичъ. Григорій съ бѣшенствомъ набросился на нихъ. Черезъ нѣсколько секундъ Бродовичъ былъ уже мертвъ, а жена Островскаго лежала рядомъ съ мужемъ. Брату же Островскаго, хотя и израненному, какъ-то удалось выскочить во дворъ, и онъ пустился бѣжать къ господскому дому, отстоявшему отъ происшествія въ двухстахъ шагахъ. Убийцы бросились вслѣдъ за нимъ... Замѣчательно, что собравшаяся въ это время толпа дворовыхъ не сдѣлала ни малѣйшей попытки задержать ихъ.

Вбѣжавъ въ господскій домъ, убійцы встрѣтили дворянку Эсткову, которая закричала имъ: „что вы дѣлаете?!“... Но Григорій не далъ ей договорить и „воткнулъ“ въ нее ножъ. На крикъ несчастной прибѣжали двѣ родственницы помѣщика Лесневскаго, но и ихъ постигнула та же участь. Замѣтивъ, наконецъ, самого Лесневскаго, вмѣстѣ съ гостившимъ у него родственникомъ, Малиновскимъ, убійцы выбѣжали изъ дома, бросились въ конюшню, находившуюся въ 400 шагахъ отъ дома, и, взявъ двухъ неосѣданныхъ лошадей, поскакали въ противоположную сторону отъ народа..

Въ четырехъ верстахъ отъ деревни, убійцы зашли въ корчму и, выпивъ тамъ водки, поскакали дальше. Проѣзжая черезъ имѣніе помѣщика Порембскаго, Безуевичи, они повернули на господскій дворъ и, привязавъ лошадей, у крыльца, сказали слугѣ, чтобы доложилъ о нихъ господамъ. Порембскій сейчасъ же вышелъ къ нимъ, и только успѣлъ спросить, что имъ нужно, какъ Григорій выхватилъ изъ рукава спрятанный туда ножъ и нанесъ Порембскому два смертельныхъ удара, въ бокъ и животъ. Такіе же удары были нанесены вбѣжавшей въ комнату беременной женѣ Порембскаго. Гувернантка отдѣлалась сравнительно легче, благодаря тому обстоятельству, что Григорій самого себя при этомъ сильно ранилъ въ руку и уже не въ состояніи былъ добывать свою жертву... Аванасій въ это время искалъ дѣтей по комнатамъ, но, къ счастью, никого не нашелъ... Наконецъ, убійцы выбѣжали изъ дома, вскочили на лошадей и понеслись дальше..

Было около шести часовъ вечера, когда они подѣхали къ имѣнію помѣщика Коморскаго, Плесно; оно находилось

въ 12-ти верстахъ отъ дер. Безуевичи и въ 18-ти верстахъ отъ дер. Евсташино. Въ домѣ помѣщика уже горѣли огни. Григорій, слѣзая съ коня, сказалъ брату: „ну, теперь твоя очередь; я довольно поработалъ“... У него сильно болѣла рука.

Не ожидая возвращенія слуги, отправившагося доложить господамъ о прїѣздѣ ихъ, убійцы сами вошли въ комнаты. Въ это время помѣщикъ уже шелъ на встрѣчу имъ. Аѳанасій бросился на него и нанесъ ему страшную рану въ животъ. Затѣмъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ было нанесено имъ женѣ Коморскаго, прибѣжавшей на крикъ мужа. Весь домъ мгновенно поднялся на ноги. Сбѣжались слуги, и завязалась борьба съ Аѳанасіемъ. Кто-то сильно ударилъ его по головѣ; онъ упалъ и выронилъ ножъ. Григорій помогъ ему подняться. Онъ схватилъ ножъ и сталъ рубить имъ направо и налево... Выбравшись затѣмъ во дворъ, убійцы сѣли на лошадей и, пользуясь темнотою ночи, ускакали... Только черезъ двое сутокъ они были наконецъ задержаны ¹⁾.

Графъ Буксгевденъ, говоря, что это дѣло можетъ дать „полное понятіе о томъ, къ какимъ ослѣпленнымъ преступленіямъ способна чернь, приведенная въ ярость самымъ ничтожнымъ случаемъ“,—приходитъ къ заключенію, что описанное преступленіе „не могло быть необдуманнмъ“, и что „современемъ откроются люди, которымъ было извѣстно намѣреніе преступниковъ совершить убійства“...

V.

Вспыхнувшая въ февралѣ 1848 года въ Парижѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, Италіи и другихъ государствахъ революція освѣтила багровымъ заревомъ весь политическій горизонтъ Европы.. Само собою ррзумѣется, что польская эмиграція не могла остаться равнодушною къ совершавшимся въ Европѣ событіямъ и снова забила въ набатъ: „Братья поляки демократы! Миръ обновляется, воскресаетъ!... Послѣдуемъ за общимъ духомъ вѣка!... Не дадимъ опередить себя!.. и т. д., и т. д.

О положеніи польскаго вопроса въ Европѣ ген-ад. Бибиковъ письмомъ отъ 26 марта 1848 г. сообщалъ кн. Паске-

---

¹⁾ Преданные затѣмъ военному суду, они были казнены шпицрутенами. Григорію было дано 6,000 ударовъ, и онъ умеръ черезъ часъ, а Аѳанасію—1.500 ударовъ; умеръ черезъ семь часовъ. Многие дворовые, такъ или иначе выразившіе свою безучастность къ преступленіямъ Григорія и Аѳанасія, тоже были подвергнуты разнымъ наказаніямъ (донес. гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 13 іюня 1847 г. за № 490).

вичу слѣдующія свѣдѣнія, полученныя имъ частнымъ образомъ „отъ такихъ женщинъ, которыя по разнымъ отношеніямъ и богатому состоянію, желаютъ сохраненія въ краѣ тишины и спокойствія: польскій демократическій комитетъ въ Парижѣ, признанный французскимъ правительствомъ за законное представительство польскаго народа, распорядился, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій въ Европѣ, отправка-ніемъ множества агентовъ въ Познань, Галицію, Краковъ, Царство Польское, Литву и Волынь, съ цѣлью подготовленія въ этихъ областяхъ всеобщаго возстанія въ духѣ чистаго демократизма“. Возстаніе должно было вспыхнуть черезъ три мѣсяца. Средства для увеличенія числа единомышленниковъ дозволялись всякія. Имѣлось въ виду даже пожертвовать „для увлеченія народа“ тѣми богатыми польскими помѣщиками, которые оказались бы неподходящими для пользы дѣла. При этомъ ген.-ад. Бибииковъ прибавляетъ, что въ Триестѣ, во время празднованія объявленія конституціи, кричали *vivat* полякамъ, что Сицилія, Неаполь, Венеція, Генуя объявили себя республиками и т. д. 1).

Лоренцъ въ своей „исторіи новѣйшаго времени“ говорить, что „въ 1848 году поляки намѣревались привести въ исполненіе тѣ же планы и попытки, которые такъ неудачно были задуманы ими въ 1846 году; только вожаки ихъ рѣшились начать дѣло съ другаго конца, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Изъ Франціи пожаръ долженъ былъ перейти въ Германію и Италію, и затѣмъ въ Польшу; Европа, преобразенная революціею, должна была накинуться на Россію, гдѣ поляки втихомолку не переставали заботиться о подготовкѣ возстанія“.

Но всѣ эти замыслы, какъ и въ 1846 году, такъ и теперь, не имѣли ровно никакого успѣха, благодаря рѣшенію русскаго царя встрѣтить враговъ гдѣ бы они ни были, не

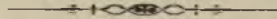
---

1) До какой степени вообще наши власти были осторожны и внимательно относились ко всему, что происходило тогда за границею, видно, напр., изъ донесенія ген.-ад. Бибиикова кн. Паскевичу отъ 6-го марта 1848 г. за № 47 о томъ, что изъ Галиціи получены свѣдѣнія, что жители галиційскихъ городовъ, особенно молодые люди изъ польскихъ фамилій, совершенно перестали, по примѣру ломбардо-венеціанскихъ жителей, курить сигары и трубки, а курящихъ принуждаютъ бросать то и другое прямо на улицахъ же на томъ-де основаніи, что табакъ былъ обложенъ пошленною въ пользу правительства.

Табачный бунтъ—пародія чайнаго бунта, имѣвшаго слѣдствіемъ освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Табачный бунтъ воспродведенъ былъ въ одинъ день по всей Ломбардіи; но правительство при этомъ имѣло на своей сторонѣ всѣхъ курильщиковъ, т. е. сильное большинство, и бунтовщики потерпѣли пораженіе. Въ Миланѣ же этотъ бунтъ сопровождался весьма серьезными безпорядками. (См. „Исторію итальянской революціи“ Гарнье-Паже).

щая себя, и защищать честь имени русскаго и неприкосновенность русскихъ предѣловъ (высочайшій манифестъ 14 марта 1848 г.)...

Такъ окончился этотъ острый періодъ въ исторіи нашей западной окраины, имѣвшій такое важное, рѣшающее вліяніе на судьбу польско-русскаго крестьянина. На этомъ и мы закончимъ нашъ очеркъ. Освобожденіе крестьянъ, о которомъ польскіе демократы мечтали, лишь какъ о средствѣ для возстановленія прежней Польши, было осуществлено русскимъ правительствомъ во имя гуманности и справедливости. Великая крестьянская реформа, завершившаяся, послѣ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ, послѣднимъ актомъ высочайшей мудрости и милосердія, въ знаменательный день 19 февраля, останется вѣковѣчнымъ памятникомъ тому, кто, по выраженію одного изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ и истинныхъ доброжелателей своей родины, „душу живую въ людяхъ пробудилъ“ и „въ счастье вѣру людей воскресилъ“...¹⁾

---

¹⁾ Русскія симпатіи въ польской поэзіи (неизданныя произведенія поэта А. Э Одынца), статья М. И. Городецкаго, см. Историческій Вѣстникъ, 1891 г. апрѣль.

Общественно-политическія броженія въ Царствѣ Польскомъ въ 1848 году.

I.

..... Точно въ гигантской панорамѣ развертываются предъ нами событія 1848 года, такъ удачно названнаго Шерромъ—„безумнымъ годомъ“. Вы, кажется, еще видите въ туманѣ убѣгающихъ въ вѣчность годовъ веселые огни новогоднихъ празднествъ въ Тюльери, Винздорфъ, Вѣнѣ.. слышите давно отзвучавшія привѣтствія народной толпы, съ взаимными, стереотипными пожеланіями и вѣчно неуловимыми мечтами о счастья... И рядомъ съ этимъ, откуда-то снизу, изъ глубины темной народной массы до васъ доносится, какъ шумъ отдаленнаго морского прибоя, какой-то неясный ропотъ, — и въ ропотѣ томъ слышатся чьи-то жалобы, стоны... И все ближе и ближе несутся они...

Въ воздухѣ пахнетъ порохомъ. Въ Вульвичѣ поспѣшно отливаютъ орудія для укрѣпленія береговъ Англіи, такъ какъ „желѣзный герцогъ“ (Веллингтонъ) опасается нападенія со стороны Франціи... Пороховой дымъ доносится изъ-за океана, гдѣ идетъ война между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикою... На Кавказѣ продолжается борьба съ Шамилемъ; въ Африкѣ наносятся послѣдніе удары Абдель-Кадеру... Ирландцы бунтуютъ, кафры бунтуютъ... Торговые дома въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ то и дѣло прекращаютъ миллионные платежи и оказываются несостоятельными...

Вотъ передъ вами давно пожелтѣвшій номеръ *Times'a* съ громовою статьей по поводу бѣдствій истекшаго (1847) года; вамъ почему то кажется, что онъ только что снятъ съ типографскаго станка.

Съ откровенностью, напоминающею исповѣдь несчастнаго Гвинтлена предъ палатою лордовъ („L'homme qui rit“— Виктора Гюго), англійскій публицистъ бичуетъ общественный строй британской жизни и эгоизмъ обеспеченныхъ и сытыхъ классовъ общества.

„Въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ,—говорить, между прочимъ *Times*,—четыре милліона людей боролись съ ужа-сающею нищетою и повальными болѣзнями. Смерть безпо-щадно разрывала узы родства и издѣвалась надъ расхва-ленною образованностью Англїи.

„Сто тысячъ выходцевъ, искавшихъ за предѣлами оте-чества спасенія отъ голода, встрѣтили ту же неумолимую смерть въ лѣсахъ и снѣгахъ Новаго Свѣта... И кого же, какъ не самихъ себя, мы должны винить во всемъ этомъ?

„Эгоизмъ и низкія страсти, равнодушїе и безчувствен-ность нашихъ государственныхъ людей накликали на насъ всѣ бѣдствїя, прїостановили движеніе торговли, лишили насъ доброй славы... Но, быть можетъ, мы еще дерзнемъ роптать на Провидѣніе!? О, только не это! Намъ, во вся-комъ случаѣ, слѣдуетъ употребить всѣ старанія, всѣ усилія къ тому, чтобы въ будущемъ избѣгнуть того, чего не сумѣли избѣжать теперь“.

Тѣ-же ноты, хотя въ иномъ переложенїи, звучать въ тронной рѣчи французскаго короля и въ его трогатель-номъ обращенїи къ залитой золотомъ мундировъ палатѣ депутатовъ о необходимости общихъ и энергическихъ уси-лій къ удовлетворенїю матеріальныхъ и духовныхъ потреб-ностей дорогого отечества.

„Господа! Чѣмъ болѣе я старѣюсь, тѣмъ ревностнѣе посвящаю себя на служеніе Франціи. Ей принадлежатъ всѣ мои силы, вся моя жизнь“.

А полтора мѣсяца спустя послѣ этой рѣчи, „*la fine fleur de la canaille parisienne*“ съ навязаннымъ на шеѣ, въ видѣ знамени, обрывкомъ красной юбки и съ криками: „*vive la republique sociale*“ и „*mort aux riches*“, направ-лялся къ той самой палатѣ депутатовъ, приготовляясь дик-товать ей свою волю; король же съ королевою, переодѣтые въ чужое платье, принуждены были бѣжать изъ *дорогого отечества* и, послѣ ужасныхъ скитанїй, искать убѣжища у береговъ туманнаго Альбіона...

Въ покинутомъ же королемъ Тюльери шумѣла и бу-шевала разношерстная и вооруженная толпа. Блузники разбивали тронъ Орлеановъ и бросали обломки въ костеръ, а уличные гаменъ, наряженные въ дорогіе костюмы изъ королевскихъ гардеробовъ и опьяненные винами изъ Тюлье-рійскихъ погребовъ, плясали вокругъ костровъ и распѣвали пѣсни о свободѣ, братствѣ и равенствѣ...

Вспыхнувшая въ Парижѣ, въ февралѣ 48 года рево-люція тотчасъ же распространилась повсемѣстно: въ Гер-манїи, Австріи, Италїи, привязываясь, по выраженїю рус-

скаго очевидца парижскаго погрома ¹⁾, какъ репейникъ, ко всему, что встрѣчала на пути своемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Берлинъ и Вѣна уже были объяты революціей,—для которой, собственно говоря, уже давно была подготовлена почва, благодаря реакціи, на путь которой европейскія государства выступили со времени Вѣнскаго конгресса. Съ другой стороны, бѣдственное экономическое положеніе рабочаго класса, послѣдовательные неурожаи, возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и т. п. причины постепенно подготовляли голодающій пролетаріатъ къ воспріятію самыхъ социалистическихъ и коммунистическихъ идей и усиливали всеобщее броженіе.

Обуявшему всѣхъ и вся стремленію къ всесвѣтному перерожденію и коренному измѣненію вѣковыхъ устоевъ общественности и нравственности, казалось, не было предѣловъ, также какъ никогда еще въ Европѣ не раздавалось столько криковъ и красивыхъ фразъ о свободѣ, братствѣ, равенствѣ, какъ въ описываемое время ²⁾.

„Да!—писалъ, напримѣръ, Лелевель въ брюссельской газетѣ „L'Emancipation“ (отъ 17-го апрѣля 1848 г., № 118) слово братство—это могучее слово! Оно уничтожаетъ границы между человѣческими племенами, между ихъ нарѣчійми и вѣрованіями, и создаетъ одну великую общину народовъ („Oui! le mot de fraternité est puissant; il abolit les frontieres entre les races, les idiomes, les croyances et forme une communauté des peuples...“).

Старый Меттернихъ, прислушавшійся къ подобнаго рода рѣчамъ, лишь саркастически улыбался, говоря, что слово „fraternité“ до такой степени опротивѣло ему (соеуге), что еслибы у него былъ братъ, то онъ сталъ бы называть его кузеномъ, но уже никакъ не братомъ ³⁾.

Маленькая парижская газетка „Corsaire“, подмѣтившая смѣшную сторону въ увлеченіяхъ взбудораженнаго народа, не преминула увѣковѣчить ее на своихъ страницахъ въ видѣ слѣдующей характеристичной замѣтки: „театральные хористы—пишеть 10 марта 1848 года хроникеръ этой газетки—потребовали вчера такой же платы, какъ и первые пѣвцы, съ тѣмъ условіемъ при этомъ, чтобы всякая опера вмѣсто пяти актовъ заключала въ себѣ только два акта. Завтра сберутся кофейные гарсоны и будутъ требовать о

¹⁾ П. Анненковъ: „Парижъ въ концѣ февраля 1848 года“. Библ. для чтенія, 1859 г., кн. XI.

²⁾ „Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ свобода, у насъ нѣтъ ни ремесленниковъ, ни работы“ — говорилъ Софьи Петровнѣ Свѣчиной въ 1848 году одинъ парижскій ремесленникъ („Русская Старина“, 1900 г., декабрь).

³⁾ „Un Anglais à Paris“ Notes et souvenirs (1835—1871). Deux vol. Traduit de l'anglais par J. Herce. Paris. 1893.

предоставлені имъ права подавать посѣтителямъ кофеенъ кофе, шоколадъ и проч. лишь въ половинномъ количествѣ, оставляя остальное въ свою пользу. Извозчики также хотятъ домогаться, чтобы вмѣсто 40 су плата съ сѣдковъ была увеличена до 4-хъ франковъ, съ тѣмъ при этомъ условіемъ, что на половинѣ пути сѣдоки обязательно должны выходить изъ фіакровъ и дальнѣйшій путь совершать *per pedes apostolorum*. Слышно еще, что и сапожники намѣрены требовать реформы въ своемъ дѣлѣ, а именно: права изготовлять для своихъ заказчиковъ только по одному сапогу,—но пока еще не уговорились относительно того, на какую ногу: на правую, или же на лѣвую...¹⁾

Вообще, требованіе реформъ сдѣлалось въ это время чѣмъ-то эпидемическимъ. Изъ Мангейма, наприм., по направленію къ Карслруэ двигалась громадная толпа ремесленниковъ, поденщиковъ и всякаго сброда съ обширною программою всевозможныхъ реформъ; въ Нассау крестьяне вообразили, что герцогскіе имѣнія и лѣса будутъ раздѣлены между ними, и вслѣдствіе этого въ Висбаденъ нахлынуло около 30000 крестьянъ съ самыми радужными надеждами; въ Оденвальдѣ начинаютъ повторяться сцены, имѣв-

---

¹⁾ Генрихъ Гейне еще въ 1842 году, говоря, въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ („Лютеція“), о кружащихся въ воздухѣ давно знакомыхъ птицахъ бури, высказывалъ слѣдующее: „Когда я вижу демоновъ переворота разнузданными, на меня въ первое время всегда нападаетъ страхъ; потомъ присутствіе духа вполне возвращается ко мнѣ, и самыя безумныя явленія не могутъ ни обезпokoить, ни поразить меня, именно потому, что я заранѣе предвидѣлъ ихъ. Чѣмъ можетъ окончиться это движеніе, сигналъ котораго теперь, какъ и всегда, поданъ Парижемъ?“... Далѣе, указавъ на то, что Англія „эта водяная змѣя“ всегда можетъ уползти въ свое гнѣздо, а Россія надежно защищена своими необъятными степями, болотами и льдами. Гейне предсказываетъ страшнѣйшую, разрушительную і борьбу между Франціей и Германіей. По мнѣнію поэта, Германіи въ будущемъ грозитъ серьезная опасность, а Франція можетъ попятиться своимъ политическимъ существованіемъ. Но это только первое дѣйствіе великой пьесы, какъ-бы прологъ ея. „Второе дѣйствіе будетъ европейская, всемірная революція, великій поединокъ немущихъ съ аристократіею собственности, и тутъ не будетъ рѣчи ни о національности, ни о религіи; тутъ будетъ только одно отечество—земля, и только одна вѣра—счастье на землѣ“... „Чѣмъ окончится эта пьеса?“—спрашиваетъ поэтъ. „Не знаю, но думаю, что, въ концѣ концовъ, у громадной водяной змѣи растопчутъ голову, а съ сѣвернаго медвѣдя сдерутъ шкуру. Можетъ быть, тогда составитя только одно стадо и одинъ пастухъ—стадо одинаково обстриженное и одинаково блеющее, и пастухъ свободный, съ желѣзнымъ посохомъ. Дикія мрачныя времена приближаются, и пророкъ, который пожелаетъ написать новый Апокалипсисъ, долженъ будетъ избрѣсть совѣсть новыхъ звѣрей, и притомъ такихъ страшныхъ, что прежніе звѣри Іоанна покажутся, по сравненію съ ними, смиренными голубками и кушудонами“... „Будущее пахнетъ кровью, атеизмомъ и множествомъ побоевъ. Я совѣтую нашимъ потомкамъ появляться на свѣтъ съ очень толстой кожей на спинѣ“...

нія мѣсто лишь въ эпохи великой крестьянской войны и т. д., и т. д.

Въ Австріи, наполненной венграми, чехами, хорватами, поляками, итальянцами и другими національностями, революція разрастается до безконечности, угрожая цѣлости этой мозаичной имперіи. Нѣмцы хлопочатъ объ единой Германіи, венгерцы стремятся къ политическому отдѣленію отъ Австріи, итальянскія земли, подвластныя Австріи, хотятъ составить одно цѣлое съ остальною Италіей...

Весьма естественно, что такое стремленіе къ національному объединенію не могло не захватить въ свой кругъ и славянскій міръ.

По мнѣнію европейскихъ публицистовъ, одною изъ формъ славянскаго объединенія являлась группировка славянъ подъ предводительствомъ Россіи, при чемъ не столько сами славянскія племена стремились къ такому объединенію, сколько шла къ нему сама Россія—государство порядочно дикое, но могущественное, грозящее свободѣ чуть не всей Европы по тѣмъ завоевательнымъ стремленіямъ, которыя приписывались нашему отечеству. По мнѣнію другихъ, наиболѣе выгодною для Европы, и потому желательною, представлялась такая форма славянскаго объединенія, при которой центромъ могла бы стать Польша, еще не погибшая подъ ударами Россіи и могущая, благодаря своей исторической враждѣ къ ней, составить съ западнымъ славянствомъ, оплотъ Европы противъ русскаго напора. Наконецъ третью формою славянскаго объединенія, о которой мечтали и сами славяне—была свободная славянская федерація.

„Таковы были — говоритъ А. Пыпинъ въ своемъ изслѣдованіи о панславизмѣ ¹⁾—главныя темы, которыя развивались въ многоразличныхъ расчетахъ и фантазіяхъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра“.

---

¹⁾ „Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ“. Вѣстн. Евр., 1878 г., сентябрь.

„Какъ слѣдовало ожидать—говоритъ С. М. Соловьевъ („Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.“),—послѣ вѣнскаго переворота, въ Австріи поднялась страшная разногласица, вавилонское столпотвореніе: славяне, нѣмцы, итальянцы, венгерцы заговорили по-своему, и крикливѣе всѣхъ были поляки“.

Между прочимъ, на одномъ изъ славянскихъ собраній, разсуждавшихъ о судьбѣ различныхъ славянскихъ племенъ, одинъ хорватъ, когда рѣчь зашла о полякахъ, сталъ доказывать, въ длинной рѣчи, какъ губельна вражда поляковъ къ Россіи для всѣхъ славянъ и какъ этою усобицею между поляками и русскими воспользуются враги славянъ. Но *въ отвѣтъ раздалась обычные польскіе крики противъ Россіи и поляки явились главными дѣятелями смуты“*...

Нѣмцы, не менѣ славянъ заинтересованные въ рѣшеніи этого вопроса, принимали всѣ мѣры къ сближенію съ польскимъ элементомъ, союзъ съ которыми, по словамъ „Königsberger Zeitung“ (отъ 3-го февраля 1842 г., № 28) можетъ дать нѣмцамъ такія средства защиты противъ русскихъ завоевательныхъ стремленій, какихъ не дадутъ имъ никакія крѣпости.

„Россія—говорилось въ № 68 той же газеты (отъ 22 марта 1842 г.) стремится соединить всѣ славянскія племена въ одно великое славянское государство и потому всѣмъ германскимъ государствамъ, народонаселеніе которыхъ смѣшано съ славянскимъ элементомъ, необходимо обратить дѣятельное вниманіе на отношенія свои къ славянскимъ подданнымъ. Славянство — заключаетъ авторъ статьи—растетъ со дня на день и приобрѣтаетъ все больше и больше значенія въ европейской исторіи...¹⁾ Немудрено поэтому, что Краковскій народный комитетъ, въ своемъ воззваніи къ европейскимъ народамъ („Gazeta Krakowska“, отъ 11 мая 1848 г., № 106), исчисляя всѣ бѣдствія поляковъ и увѣряя, что Польша возстанетъ изъ гроба, многозначительно поясняетъ, что возстановленіе Польши необходимо для блага Европы, которая поэтому самому и обязана помочь полякамъ: „ale lepiej dla was i dla niej, aby z pomocą waszą powstała...“

Распространителями этой идеи явились тѣ десятки тысячъ поляковъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ бывшимъ польскимъ войскамъ Ромарино, Ружицкаго, Рыбинскаго и др., которые послѣ мятежа 1831 года, разсѣвшись по всему міру, понесли—по выраженію Н. К. Шиллера²⁾—свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда польской эмиграціи, которую Мицкевичъ въ своихъ „книгахъ польской эмиграціи“ называетъ „душою польскаго народа“, обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выразавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ³⁾. Эти эмигранты, или, какъ Миц-

¹⁾ Ниль Поповъ. Поляки въ Пруссіи. Русск. Вѣст. 1865 г. январь.

²⁾ Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г. Русская Старина, 1900 г., августъ.

³⁾ Заграничная публицистика считала своимъ долгомъ пользоваться самыми ничтожными поводами, а чаще всего безъ всякихъ поводовъ, чтобы поднимать на весь свѣтъ страшный гвалтъ и трезвонъ о варварствѣ Россіи и о чудовищныхъ гоненіяхъ новыхъ пероновъ и доклетіановъ. Превосходной иллюстраціей такого отношенія является интересный разсказъ извѣстнаго о. Владиміра Терлецкаго (Русская Старина, 1889 г., сентябрь) о монахинѣ Макринѣ Мечиславской, появившейся во Фванціи въ 1845 году и выдававшей себя за игуменью мнскаго униатскаго жен-

кевичъ называетъ ихъ въ тѣхъ же „книгахъ“, „странники“ —потому что они дали обѣтъ странствовать въ святую землю, свободное отечество, пока не обрящутъ его—выставляли себя и Польшу жертвами русскаго тиранства и гоненій и предлагали Европѣ свои услуги для возобновленія борьбы съ Россіей. Нѣсколько же дней спустя послѣ февральской революціи, когда Ламартинъ принималъ поздравленія съ рожденіемъ республики, явившаяся къ нему въ числѣ другихъ, польская депутація высказала слѣдующее: „На всякой перекличкѣ народовъ въ годину боя, на всякій призывъ къ оружію за свободу, Польша отвѣчаетъ: *здѣсь!* Она готова по первому зову идти на помощь народамъ угнѣсненнымъ, она видитъ въ каждомъ освобожденіи—освобожденіе Польши“¹⁾.

Такія же поздравленія новорожденная республика получила и отъ депутаціи масонскихъ ложъ. Между прочимъ, при представленіи членамъ временнаго правительства, Кремье²⁾ и Гарнье-Паже, масонскіе делегаты, выразивъ радость по поводу торжества исповѣдуемыхъ ими принциповъ, сказали, что въ лицѣ новаго правительства они преподносятъ отечеству масонское благословеніе (*la consécration maçonnique*)...³⁾.

скаго монастыря. Она рассказывала заграницею невѣроятныя вещи о дѣйствіяхъ русскаго правительства; въ частности же передавала объ ужасныхъ мученіяхъ, которымъ будто-бы подвергался монахини ея монастыря. А, между тѣмъ, въ Минскѣ даже не существовало женскаго уніатскаго монастыря!

„Была ли она избрана—замѣчаетъ о. Терлецкій—и подготовлена къ тому, чтобы разыграть впоследствии роль мученицы, и кто ее предназначилъ для этой роли, быть можетъ, раскроетъ болѣе или менѣе отдаленное будущее; но, во всякомъ случаѣ, она сдѣлалась сильнымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію противъ Россіи враждебныхъ чувствъ на Западѣ и распространенію въ обществѣ превратныхъ сужденій о мѣропріятіяхъ русскаго правительства противъ польско-католической агитаціи“...

¹⁾ А. И. Герцевъ, Сочиненія, т. X (Письма изъ Франціи и Италіи. Genève-Bâle-Lyon. 1878).

²⁾ Кремье, Исаакъ-Адольфъ (1796—1880), еврей, французскій государственный дѣятель и основатель „Всемирнаго еврейскаго союза“ („Alliance israélite universelle“).

³⁾ ****Le Secret de la Franc-Maçonnerie*. Paris, 1905.

Таинственный авторъ этой весьма любопытной и поучительной книги называетъ масонство ключемъ всей современной исторіи. По мнѣнію автора, франмасонство является орудіемъ Англіи; по мнѣнію же другихъ (напр. Тальмейера), оно есть орудіе всемірнаго владычества евреевъ (дѣтей Іакова), которые до сего времени прятались за кулисами масонскихъ ложъ. Французская революція исключительно дѣло масоновъ. Тактика франмасонства—уловленіе человѣческихъ душъ посредствомъ громкихъ словъ: свобода, права человѣка, прогрессъ, равенство, братство, деспотизмъ, привилегіи, тиранія,—и на этой почвѣ искусное и неуклонное

Чувствуя себя въ Парижѣ совершенно какъ дома, польская эмиграція устраивала шумныя демонстраціи, провозгласила „польскую республику“, созывала народныя собранія, напоминавшія бурные и безтолковыя польскіе сеймы, и проч., и проч. Французская же молодежь, увлекаемая профессорами Мишле и Кине, громко заявляла полякамъ свои симпатіи...¹⁾

Герцень, имѣвшій возможность хорошенъко присмотрѣться къ революціонерамъ всѣхъ націй и подъ конецъ своей жизни, какъ извѣстно, усомнившійся въ правильности тѣхъ „путей прогресса“, краснорѣчивымъ и пламеннымъ защитникомъ которыхъ онъ выступалъ въ началѣ своей дѣятельности, даетъ намъ весьма любопытныя характеристики всѣхъ этихъ, какъ онъ называетъ, „хористовъ революціи“, „вѣчныхъ жениховъ революціонной Пенелопы“ и „любовниковъ революціи“... Въ частности же, о полякахъ онъ отзывался, какъ о большихъ мистикахъ. „Ихъ влечетъ въ таинственный полусвѣтъ, въ которомъ стираются всѣ очертанія, носятя образы, въ которыхъ можно предполагать страшную даль, страшную высь, потому что ничего не видать ясно“...²⁾

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ нашимъ посольствомъ въ Вѣнѣ³⁾, польская эмиграція разбивалась на нѣсколько

уничтоженіе христіанской религіи, нравственности, семьи, патриотизма, поземельной собственности... Печать и деньги—главныя орудія франмасонства. Туссенель еще въ 1844 году говорилъ (André Godard. „Le Tocsin national“), что уже недалекъ тотъ день, когда Франція окажется въ рукахъ евреевъ и они уже не будутъ болѣе скрывать своихъ истинныхъ намѣреній. Въ Россіи (Alex. Ular. „La Révolution russe“) евреи открыто выступили въ присущей имъ роли въ переживаемую нами эпоху „освободительнаго движенія“. Авторъ указанной книги, принадлежащій къ апологетамъ этого „движенія“, прямо отождествляетъ русскую революцію съ еврейскою и говоритъ, что въ Россіи нѣтъ ни одной политической организаціи, въ которой бы главную роль не играли евреи, поддерживаемые своими заграничными братьями. *Интернационалка*, подъ знаменемъ которой группируются всѣ блузики и рабочей пролетаріатъ, является одной изъ главныхъ формъ франмасонства. Ея ближайшими руководителями въ сороковыхъ годахъ были Карлъ Марксъ и Лассаль (оба евреи). Наилучшая характеристика франмасонства, какъ свидѣтельствуеъ Ленервѣнъ („Le Cléricalisme Maçonique“), сдѣлана самими масонами: „франмасонство есть храмъ революціи“; „франмасонство есть лабораторія революціи“... И оно же, какъ сказано выше, есть ключъ всей современной исторіи...

¹⁾ Князь Щербатовъ: „Генераль-фельдмаршалъ князь Ѡ. Н. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность“, т. V, стр. 378. Спб. 1896 г.

²⁾ Герцень, сочиненія, т. т. VIII, IX и X.

³⁾ Сообщенія шефа жандармовъ гр. А. Ѡ. Орлова намѣстнику въ Ц. П. князю Паскевичу отъ 3 ноября 1849 г. за № 2710 и начальника дипломатической канцеляріи при главнокоманд. дѣйств. арміею директору канцеляріи намѣстника отъ 27 февр. (11 марта) 1850 г. за № 347.

партіи, имѣвшихъ своихъ представителей въ Царствѣ Польскомъ, на Литвѣ, Волыни, Украинѣ и въ другихъ мѣстахъ. Аристократическая (или монархическая) партія, имѣвшая во главѣ кн. Адама Чарторижскаго (Adam I), насчитывала не болѣе 600 человекъ¹⁾. Партія графа Ксаверія Браницкаго имѣла 2000 членовъ, въ томъ числѣ извѣстнаго доктора Галензовскаго и графа Валевскаго, въ послѣдствіи министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи. По словамъ Герцена, Браницкій далъ 70,000 франковъ на основаніе журнала, который занимался бы иностранной политикой и въ особенности польскимъ вопросомъ. Журналъ, названный „Народной Трибуной“ (Tribune des peuples), подъ главнымъ заведываніемъ Мицкевича, просуществовалъ, однако же, недолго. Демократическая партія, къ которой принадлежалъ Мѣрославскій, состояла изъ 1200 членовъ. Этой партіи князь Паскевичъ придавалъ особо важное значеніе, какъ весьма дѣятельной и безпокойной, состоявшей изъ лицъ средняго сословія, „часто не безъ способностей“. Но названіе ея демократическою Паскевичъ признавалъ неправильнымъ, потому что о благѣ народа, о поселянахъ партія эта никогда не думала; старалась же воздѣйствовать на народныя массы, потому что сознавала, что успѣхъ возстанія можетъ быть обезпеченъ твѣлько при содѣйствіи народа²⁾. Душою демократической партіи былъ графъ Станиславъ Ворцель, который, по словамъ Герцена, для обезпеченія успѣха своему „дѣлу“, сдѣлался даже *масономъ*... Онъ открыто поставилъ знамя революціонной партіи противъ Чарторижскаго и энергично „точилъ ножи на шляхту“...

Далѣе шли партіи, или, какъ ихъ называли, фракціи: польскихъ соціалистовъ, христіанскихъ соціалистовъ, дѣйствовавшихъ въ 1848 году вмѣстѣ съ демократическою партіей, военная фракція, съ генераломъ Рыбинскимъ во главѣ, партія коммунистовъ, умѣренныхъ демократовъ, католическая, христіанская, іезуитская,—послѣдняя самая сильная, поддерживаемая іезуитами всего свѣта, аристократіей и духовенствомъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ группъ, совершенно изолированныхъ одна отъ другой. Въ числѣ ихъ наибольшую обособленность своихъ сочленовъ, даже въ частной жизни, отличалась партія, или, вѣрнѣе, секта товьянистовъ, къ которой принадлежало не болѣе 200 человекъ. Наиболѣе выдающимися членами этой партіи, группировавшимися около своего главы—Андрея

¹⁾ Адамъ Чарторижскій считалъ себя королемъ *de facto*, а сынъ его обзавелся даже визитными карточками съ такою надписью: „Ladislas Czartoryski prince royal“ (см. „Познанскіе поляки въ 1848 году“, статья В. Л. въ Вѣст. Европы. 1873 г., августъ).

²⁾ Кн. Щербатовъ, т. V.

Товьянскаго были Адамъ Мицкевичъ, Богданъ Залѣскій, Ружицкій (предводитель повстанцевъ на Волыни въ 1831 году) и другіе,

Составляя огромный безпринципный союзъ, называемый „Zjednoczenie“, всѣ эти партіи дѣйствовали каждая на свою руку, постоянно пререкаясь и враждуя между собою. Особенно доставалось товьянистамъ. Кн. Чарторижскій и его партія считали ихъ сумасшедшими, демократы называли ихъ шпионами и партизанами Москвы, ксендзы—еретиками, военные—узурпаторами ихъ ранговъ и т. д. Бывшій же послѣдователь Товьянскаго, Витвицкій называлъ товьянизмъ умственною болѣзью эмиграціи и считалъ Мицкевича главнымъ виновникомъ ея, говоря, что вѣрнѣе было бы называть ее Мицкевичизмомъ¹⁾: Къ этимъ мнѣніямъ о товьянизмѣ слѣдуетъ прибавить еще отзывъ виленскаго, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генераль-губернатора Мирковича (въ рапортѣ на имя кн. Паскевича отъ 7/19 марта 1841 года за № 1013) о самомъ творцѣ этой партіи-секты. Андрей Товьянскій, какъ помѣщикъ виленской губерніи и воспитанникъ Виленскаго университета, а затѣмъ земскій регентъ и наконецъ коронный засѣдатель въ уголовномъ судѣ, былъ, конечно, довольно хорошо извѣстенъ мѣстнымъ властямъ. По словамъ генерала Мирковича,²⁾ въ поведеніи Товьянскаго всегда замѣчалась нѣкоторая странность. Онъ чуждался не только общества, но даже своихъ родственниковъ, и съ однимъ лишь докторомъ Гуттомъ (его шуриномъ) находился въ дружбѣ и съ нимъ же въ 1840 году выѣхалъ за-границу. „Вообще же—говоритъ ген. Мирковичъ,—по обращенію своему и образу жизни Товьянскій былъ похожъ скорѣе на человѣка *претерпѣвающего* недостатокъ въ умѣ, нежели на какого-либо вреднаго или неблагонадежнаго человѣка“.

Тѣмъ не менѣе о Товьянскомъ и его ученіи создалась цѣлая литература, изученіе которой приводитъ къ заключенію, что товьянизмъ безусловно выросъ на вполне подготовленной почвѣ³⁾.

---

¹⁾ В. Макушевъ. Андрей Товьянскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи.—Русскій Вѣстникъ, 1879 г. февраль, май и июль.

²⁾ Мирковичъ, Θεод. Яковл. (1790—1866), участникъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, отличившійся особенно при Бородино и взятіи Париза. Сѣверо-Западнымъ краемъ управлялъ съ 1840 по 1850 г.

³⁾ Евг. Тарле. Политика и религіозная мысль на Западѣ (историческій очеркъ). Міръ Божій, 1903 г., сентябрь и октябрь.

М. Урсинъ. Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. Сѣверный Вѣстникъ, 1895 г., июль.

Juliusz Niemirycz. Filozofia Historji Narodu Polskiego. Kraków. 1888.

А. Поповъ. Послѣдняя судьба Папской политики въ Россіи. Вѣстникъ Европы, 1868 г., мартъ. И др.

У поляковъ издавна установился, подъ вліяніемъ іезуитовъ, особый ультрамонтанскій взглядъ на Польшу, какъ на край, находящійся подъ особою Божіею опекою, устранявшею для народа необходимость всякой самодѣятельности. Впослѣдствіи, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ, на смѣну іезуитамъ, явились поэты, философы и даже одинъ математикъ (Вронскій), пустившіе въ оборотъ ученіе объ историческомъ и религіозномъ призваніи Польши въ судьбахъ европейскихъ государствъ. Мицкевичъ, называвшій поляковъ евреями новаго завѣта, вдохновенно проповѣдывалъ о скоромъ пришествіи новаго мессіи, который освободитъ этотъ новоявленный израиль отъ гнетущаго его ига и укажетъ ему славный путь. „О, Польша!—восклицалъ другой поэтъ (Викентій Польш).—Ты пойдешь во главѣ всѣхъ народовъ!.. Свѣтъ будетъ управляться твоими законами... Твои поэты будутъ пророками, а твоя книга—евангеліемъ народовъ“... и т. д., и т. д. ¹⁾

Отсюда, конечно, уже было недалеко до того, чтобы назвать Польшу „Chrystusem narodów“. „Придетъ время воскресенія, придетъ время вознесенія—вѣщалъ тотъ же Викентій Польш,—лавръ изъ креста вырастетъ, эмигранты снова сойдутся на тайную вечерю, какъ нѣкогда апостолы Христовы и радостно будутъ привѣтствовать Польшу!“ Впослѣдствіи (въ 1863 году) ученіе о призваніи Польши въ судьбахъ европейскихъ народовъ было доведено до послѣдней степени богохульства въ такъ называемой польской революціонной обѣднѣ ²⁾.

Товьянскій, на первый взглядъ, проповѣдывалъ совершенно иное. По его ученію, возникшему въ 40-хъ годахъ, страданія Польши вовсе не искупительная жертва за грѣхи человечества, какъ проповѣдывалъ Мицкевичъ и другіе поэты и философы мессіанизма,—напротивъ: страданія эти являются вполне заслуженнымъ наказаніемъ за собственные грѣхи Польши. Поэтому, вмѣсто того, чтобы мечтать о политической свободѣ, поляки должны всѣми силами стремиться къ свободѣ нравственной, къ „игу Христа“, терпѣливо ожидая того момента, когда милосердный Господь, убѣдившись въ исправленіи грѣшниковъ, внемлетъ, наконецъ, мольбамъ ихъ и пошлетъ своихъ архангеловъ для освобожденія своего вѣрнаго народа отъ „земного ига“.

---

¹⁾ Маццини также въ 1848 году проповѣдывалъ, что „Италія—любимая Божія страна“, что „Италія есть религія“ и что „ей предназначено духовно обновить все челоѣчество“. (Евг. Тарле. Политика и религіозная жизнь на Западѣ).

²⁾ А. Поповъ. Последняя судьба Папской политики.

Примкнувшій къ Товьянскому, Мицкевичъ, опираясь на свои личныя отношенія къ принцу Иерониму и чая спасенія Польши отъ Европы, главнымъ образомъ отъ Франціи, сталъ увѣрять, что всѣ неземныя силы уже воплотились въ лицѣ Наполеонидовъ; въ свою очередь Товьянскій, увлеченный Мицкевичемъ, дошелъ до того, что сумѣлъ убѣдить поэта, что его пророчества начинаютъ уже сбываться и что предсказанный имъ мессія никто иной, какъ самъ Товьянскій, въ которомъ воплотился духъ Наполеона; что ему предназначено довершить дѣло Наполеона; что онъ не только знаетъ сокровеннѣйшія тайны, но и обладаетъ даромъ чудодѣйствія и проч. и проч. Одновременно съ этимъ Товьянскій начинаетъ толковать о томъ, что братъ-французъ долженъ спасти угнетеннаго брата-поляка, а этотъ послѣдній уплатитъ брату-французу долгъ христіанской любви¹⁾. Въ то же время Товьянскій пытается завербовать Ротшильда на службу новому израилю²⁾. Между инструкціями же его, какія онъ давалъ своимъ послѣдова-

---

¹⁾ Относительно поклоненія поляковъ Наполеону Герценъ высказываетъ (т. VIII), что „католицизмъ, такъ мало свойственный славянскому гению, дѣйствуетъ на него разрушительно. У поляковъ католицизмъ развилъ ту мистическую экзальтацію, которая постоянно ихъ держитъ въ мірѣ призрачномъ. Если они не находятся подъ прямымъ влияніемъ іезуитовъ, то вмѣсто освобожденія или выдумываютъ себѣ кумирь, или попадаютъ подъ влияніе какого-нибудь визионера. Мессіаниззмъ, это помѣшательство Вронскаго, это бѣлая горячка Товьянскаго, вскружилъ голову сотнямъ поляковъ и самому Мицкевичу. Поклоненіе Наполеону принадлежитъ на первомъ планѣ къ этому безумію; Наполеонъ ничего не сдѣлалъ для нихъ: онъ не любилъ Польши, а любилъ поляковъ, проливавшихъ за него кровь съ тѣмъ поэтически-колоссальнымъ мужествомъ, съ которымъ они сдѣлали свою знаменитую кавалерійскую атаку въ Сомосьерра. Въ 1812 году Наполеонъ говорилъ Нарбону: „я хочу въ Польшѣ лагерь, а не форумъ. Я равно не позволю ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ открыть клубъ демагоговъ“, и изъ него-то поляки сдѣлали военное поклоненіе Бога, поставили рядомъ съ Вишну и Христомъ.

„Разъ вечеромъ поздно зимой 1848 года — продолжаетъ Герценъ, — шелъ я съ однимъ полякомъ изъ Мицкевичевыхъ приверженцевъ по Вандомской площади. Когда мы поравнялись съ колонной, полякъ снялъ фуражку. Неужели?... подумалъ я, не смѣя вѣрять въ такую глупость и смиренно спросилъ его: что за причина, что онъ снялъ фуражку. Полякъ показалъ мнѣ пальцемъ на бронзоваго императора...

²⁾ „Никто — говоритъ Генрихъ Гейне въ своей статьѣ о Людвигѣ Берне (1840 г.) — не содѣйствуетъ дѣлу революціи такъ сильно, какъ именно Ротшильды... и, что можетъ показаться еще болѣе страннымъ, Ротшильды, эти банкиры государей, существованіе которыхъ могло бы подвергнуться опасности при переворотѣ въ европейской государственной системѣ, носятъ, однако, въ душѣ сознаніе своей революціонной миссіи“... Особенно это замѣтно на челсвѣкѣ, который извѣстенъ подъ негромкимъ именемъ барона Джемса, и въ лицѣ котораго послѣ смерти его сѣятельнаго брата англійскаго, резюмировалось все политическое значеніе дома Ротшильда Гейне былъ очень друженъ съ Джемсомъ Ротшильдомъ, называлъ его Иерономъ финансоваго міра и видѣлъ въ немъ одного изъ

телямъ, оказывается весьма любопытная записочка, въ которой говорится слѣдующее: „приближаются важныя событія. Объ этомъ мы имѣемъ ужъ не надежды, а полное убѣденіе. (Слѣдуетъ поддержать это всей силой духа). До нѣкотораго времени это должно быть тайною. Только эмигранты должны предстать какъ можно скорѣе во всей готовности для Бога Исповѣдь, причащеніе, исправленіе жизни, прощеніе обидъ и съ чистымъ сердцемъ выжиданіе сигнала своего счастья. *Бѣдствія наши оканчиваются!*..“

„Ангель свободы, съ мечомъ въ одной рукѣ и оливковую вѣтвью въ другой — читаемъ въ краковской газетѣ „Jutrzenka“ (1848 г., № 12)—посланъ пробудить народы отъ

величайшихъ революціонеровъ, основавшихъ новую демократію. По его словамъ, Робеспьеръ обезглавилъ дворянство, но земля осталась,—и новый властитель ея, новый землевладелецъ, сдѣлался такимъ же аристократомъ, какими были его предшественники, притязанія которыхъ онъ продолжалъ осуществлять подъ другими названіями. Тогда пришелъ Ротшильдъ и разрушилъ верховное господство поземельной собственности возведеніемъ системы государственныхъ бумагъ на высшую степень могущества, мобилизованіемъ большихъ имѣній и доходовъ и, такъ сказать, пожалованіемъ деньгамъ тѣхъ преимуществъ, которыя прежде принадлежали поземельной собственности. Конечно, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ основалъ и новую (денежную) аристократію; но она, какъ основанная на деньгахъ, самой непрочной стихіи, никогда не можетъ имѣть такого продолжительнаго вліянія, какое имѣла прежняя аристократія, пускавшая корни въ почву, въ самой землѣ“... Но въ „*Лукскихъ водахъ*“ поэтъ открыто заявляетъ, что „великій Ротшильдъ“ завоевываетъ свѣтъ съ помощью своихъ маклеровъ, дисконтеровъ, экзеквитороръ и начальниковъ конторъ... Такимъ признаніемъ онъ какъ-бы подтверждаетъ замѣчаніе Гете („Разговоры Гете“, собранные Эккерманомъ) о томъ, что въ денежныхъ дѣлахъ никто не можетъ сравняться съ избраннымъ народомъ Божиимъ...

Въ настоящее время уже не секретъ, что наше „освободительное движеніе“, или, вѣрнѣе сказать, еврейская революція, усердно поддерживалась Ротшильдомъ и международнымъ еврействомъ. Газета „Daily Chronicle“ сообщаетъ, что лондонскій банкирскій домъ Ротшильда и сыновей собралъ 12 милліоновъ германскихъ марокъ и прислалъ ихъ „Буяду“. Были еще и другія присылки. Чешскій писатель Рудольфъ Врба, говоря о революціонной дѣятельности евреевъ и масоновъ (см. „Новое Время“, 1907 г., № 11207) и сочувственно относясь къ Россіи, даетъ на ея примѣръ предостереженіе всѣмъ другимъ государствамъ: „пока въ Россіи и во всемъ мірѣ будетъ господствовать ложное убѣжденіе въ равенствѣ народовъ культуръ и религій, до тѣхъ поръ всѣ они будутъ въ экономической зависимости отъ евреевъ, и всѣ будутъ идти по пути религіознаго, нравственнаго и культурнаго рабства еврействъ. Если Россія не опомнится и не станетъ сообщать противъ евреевъ, вся ея культура можетъ погибнуть. Выставляя космополитическое равенство и всечеловѣчество, евреи забираютъ все въ свои руки и вмѣсто всечеловѣчества получаютъ потомъ политико-экономическое порабощеніе, сперва болѣе слабого русскаго народа, а потомъ и другихъ.

1) В. Макушевъ. Андрей Товьянскій.

летаргического сна. Народы познали, наконецъ, что они братья во Христѣ и свободѣ и, крѣпко обнявшись, какъ дѣти Единаго Бога подали другъ другу братскія руки... Въ тоже мгновение увидали они свою бѣдную сестру, несчастную, угнетенную Польшу, лежавшую въ оковахъ на смертномъ одрѣ... И сжалось сердце у братьевъ,—и отъ запада къ востоку, отъ сѣвера къ югу пронесся крикъ: „Niech żyje Polska! niech żyje Polska od Baltyku aż do Dniepra! niech żyje Polska męczennica wolności...“ и т. д.

„Польша была вольной, славной и сильной—говорилось въ другой газетѣ („Dziennik Polityczny“, № 8, 1848 г.);—имѣла она великихъ и мудрыхъ мужей, которые управляли ею, просвѣщали ее, обороняли...“ „Была она счастлива и всѣми уважаема; но когда стала гаснуть въ ней братская любовь, когда исчезла въ ней равноправность, а эгоизмъ заслонилъ лучшія добродѣтели—Богъ отступился отъ нея и она погибла.“

„Подѣлили ее—пояснялъ авторъ народной брошюры „Jaka była dawniej Polska“ ¹⁾),—а была она богата и счастлива! Отъ Балтійскаго моря до Чернаго—все было польское! Галиція со Львовомъ, Краковъ, Торунь съ Познанью и Гнѣзномъ... Гданскъ... Литва съ Вильномъ, „такъ называемое царство польское“ съ Варшавой, Волынь съ Житомиромъ, Подоля съ Каменцемъ... Инфлянты... Украйна съ Кіевомъ, Жмудь съ Ковномъ... Множество рѣкъ и рѣчекъ сбѣгалось къ Вислѣ, какъ „do matki“ дѣти. Все это было польское и снова должно стать польскимъ!“ При поддержкѣ, конечно, Франціи.

Вопросъ о востановленіи Польши становился, повидимому, вопросомъ національной чести французовъ. Такъ, 10 мая 1848 года, въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, Бланки, грубымъ и рѣзкимъ голосомъ, требовалъ, чтобы Франція обнажила свой мечъ и не влагала его въ ножны до тѣхъ поръ, пока старая Польша не будетъ, наконецъ, возстановлена въ границахъ 1792 года. Ламартинъ, находя немыслимымъ посылать французскія войска къ берегамъ Вислы, указывалъ на естественнаго союзника французской политики, находившагося по другую сторону Рейна, а Марра (Marrast) предлагалъ проектъ адреса „à nos frères d'Allemagne“, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что Франція протягиваетъ Германіи дружескую руку съ цѣлью искренняго, прочнаго и миролюбиваго союза,

---

¹⁾ Napisał włościanin z nad Wisły ku nauce i przestrodze braci swoich. W Krakowie, 1848“.

для того, чтобы возвратить Польшѣ самостоятельную жизнь, отнятую у нея трактатами, нынѣ уже разорванными (pour rendre à la Pologne la vie indépendante qui lui ont enlevé des traités maintenant déchirés).¹⁾

Союзъ поляковъ съ нѣмцами выставлялся какъ необходимое послѣдствіе современнаго положенія дѣлъ; нѣмцы же, обрадовавшись лишнимъ революціоннымъ рукамъ, братались съ поляками, пока поляки были нужны для ихъ нѣмецкаго дѣла. Къ слову сказать, въ Германіи—какъ удостоверяетъ Герценъ²⁾—революція была исполнена комизма, несравненно болѣе юмористическаго, чѣмъ комизмъ Гетевской комедіи „der Bürgergeneral..“

Въ княжествѣ Познанскомъ уже въ мартѣ 1848 года было провозглашено возстановленіе польскаго королевства. Поляки и нѣмцы понадѣвали кокарды бѣлаго и синяго цвѣтовъ, повсюду были набиты и навѣшаны изображенія „бѣлаго орла“, а польскій языкъ объявленъ господствующимъ и его начали вводить во всѣхъ учрежденіяхъ.³⁾

Мѣрославскій, извѣстный подъ именемъ „pana Ludwika“, съ торжествомъ вынесенный берлинцами изъ Моабитской тюрьмы⁴⁾, становится во главѣ только что учреж-

---

¹⁾ Emile Olivier: „Le prince Louis-Napoleon“. Revue de Deux Mondes, du 15 janvier 1896.

По словамъ Герцена (соч., т IX, „французское правительство, въ которомъ сидѣтъ Ламартинъ. въ полякахъ не пуждалось и вовсе объ нихъ не думало. Самые истые республиканцы вспомнили Польшу для того, чтобы ее употребить неоткровеннымъ крикомъ возстанія и войны 14 мая 1848 года. Ложь поняли, но на Польшу французская буржуазія (у которой Польша была капризомъ, какъ у Англійской Италія) стала съ тѣхъ поръ дуться. Въ Парижѣ не говорили больше съ прежней риторикой о Varsovie échevelée, и только въ народѣ оставалась, рядомъ со всякими бошапартовскими воспоминаніями, легенда о Пои я т у с к и, поддерживаемая лубочной картинкой, на которой Попятовскій тонетъ, верхомъ, въ своей шапка“.

²⁾ Соч., т. VIII.

³⁾ Письмо начальника дипломат. канцеляріи намѣстника въ Ц. П. А. О. Гильфердинга къ директору канцеляріи намѣстника П. О. Еліашевичу отъ 4 (16) апрѣля 1848 г.

Рапортъ военнаго начальника Калишской губ. кн. Паскевичу отъ 14 (26) марта 1848 г. № 2125.

Рапортъ воен. нач. Августовской губ. ген.-м. Смоляка кн. Паскевичу отъ 25 и 31 марта 1848 г., №№ 1277 и 1328.

Н. В. Бергъ. Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ Москва, 1873. Нилъ Поповъ. Поляки въ Пруссіи. Русск. Вѣстн. 1865 года кн. I.

⁴⁾ Пропагандѣ демократовъ особенно посчастливилось въ Моабитской тюрьмѣ. Вышедшіе оттуда узники словно переродились; вошли они туда панами и хлопами, а вышли „моабитами“. Подъ этимъ условнымъ именемъ, во все время возстанія 1848 года, былъ извѣстенъ безсословный кружокъ патріотовъ, восторженно исповѣдывавшихъ идеи демократическаго общества (Б. Л. „Познанскіе поляки въ 1848 года“ „Вѣстникъ Европы“, 1873).

деннаго въ Позенѣ „военнаго департамента“, отъ котораго затѣмъ исходятъ всѣ революціонныя распоряженія. Воззванія слѣдуютъ за воззваніями. Народные комитеты, учрежденные въ разныхъ мѣстахъ Познани и Галиціи не жалѣютъ словъ въ своихъ приглашеніяхъ къ пожертвованіямъ... „Obywatelki polskie! Srebra i kosztowności, ozdoby i błyskotki nieście na ołtarz ojczyzny...“ и т. п. Повсюду формируются польскіе легіоны; ксендзы готовятся стать во главѣ мятежныхъ бандъ съ крестомъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой. Въ окрестностяхъ Милославля, Врешеля и Плешеня уже насчитывалось до 20 тысячъ инсургентовъ, вполнѣ вооруженныхъ и обмундированныхъ. На улицахъ и въ „собраніяхъ“ раздаются патріотическія рѣчи, гремитъ маршъ Мѣрославскаго: „do broni ludu powstajmy wraz...“; въ Мемелѣ закупается масса пороху; въ Райцѣ, Тренчинѣ, Калачковѣ и другихъ пунктахъ устраиваются склады оружія и разныхъ припасовъ, а въ Гоненлацѣ развѣваются знамена, пожертвованные княгиней Сапѣха и графиней Дзялынскою съ надписью: „á la Slavia libera“ ¹⁾. Въ Милославѣ же, въ имѣніи богатаго и вліятельнаго помѣщика, графа Мѣльжинскаго устраивается оружейный заводъ, на которомъ денно и ночью множество мастеровъ трудились, между прочимъ, надъ изготовленіемъ особаго рода машины, которая по силѣ истребительнаго дѣйствія должна была равняться 24 пушкамъ. Тамъ же, на рыночной площади, были установлены на лафетахъ шесть пушекъ. ²⁾ Бывшій генералъ польскихъ войскъ Юсіфъ Бемъ, сражавшійся подъ Остроленкою, формируетъ во Львовѣ народную гвардію, для которой жертвуетъ 100 тысячъ карабиновъ и 200 тысячъ франковъ ³⁾. Изъ Франціи ожидается польскій легіонъ подъ предводительствомъ Дверницкаго; по всей Галиціи и вблизи нашей границы разставляются столбы, покрытые смолою и другими горючими матеріалами, чтобы зажечь ихъ въ день, назначенный для всеобщаго возстанія, именно по окончаніи уборки хлѣба ⁴⁾. Въ Бохенскомъ, Тарновскомъ и другихъ округахъ Галиціи крестьяне, вооруженные косами и пиками, начинаютъ производить безпорядки, напоминающіе собою кровавыя

¹⁾ Письмо начальника дипломатической канцеляріи н-ка Крузенштерна къ директору канцеляріи н-ка Еліашевичу отъ 27-го февраля (11 марта) 1850 г. № 347.

²⁾ Рапортъ начальника III-го округа корпуса жандармовъ, гр. Несельроде къ Паскевичу отъ 18 апрѣля 1848 г. № 1677.

³⁾ Краковская народная газета *Polak*, 1900 г. № 12.

⁴⁾ Донесеніе и. д. военнаго начальника Радомской губ., г.-м Горчакова къ Паскевичу отъ 1 (13) апрѣля 1848 г. № 233.

событія 1846 года ¹⁾. То въ одномъ, то въ другомъ имѣніи поджигаются помѣщичьи дома, амбары и разныя хозяйственныя строенія, захватывается хлѣбъ, скотъ, совершаются насилія, убійства. Крестьяне требуютъ не только уничтоженія барщины и укрѣпленія за ними земли, но и раздѣла всѣхъ господскихъ лѣсовъ. Многіе помѣщики спѣшатъ удовлетворить требованія крестьянъ, другіе же опасаясь повторенія ужасовъ 1846 года, бѣгутъ изъ своихъ имѣній, покидая все на произволъ судьбы. Масса людей, спасающихся отъ рѣзни, ищутъ убѣжища въ нашихъ предѣлахъ ²⁾.

„Мы на краю бездны—пишетъ 15 (27) марта 1848 года изъ Кракова неизвѣстное намъ лицо къ проживавшей въ Россіи графинѣ Александрѣ Потоцкой. Въ Европѣ спокойный уголь лишь тамъ, гдѣ вы находитесь. Анархія пожираетъ Францію, прусскій король сошелъ съ ума; австрійскій императоръ такъ всего боится, что даетъ и то, чего отъ него не требуютъ. Барщина повсемѣстно уничтожена. Мы почти доведены до разоренія. Прибавьте къ этой картинѣ возвращеніе политическихъ преступниковъ, которые прибываютъ къ намъ со всѣхъ сторонъ. Сегодня вечеромъ ожидаютъ еще 120 человекъ, и поэтому случаю весь дебаркардеръ будетъ иллюминированъ, какъ въ праздникъ. Теперь нѣтъ ни полиціи, ни цензуры: всѣ дѣлаютъ, что хотятъ...“ Въ заключеніе анонимный корреспондентъ говорить о своихъ компатріотахъ: „имъ предлагаютъ гораздо больше, чѣмъ они могли бы надѣяться получить; но они, вмѣсто того, чтобы довольствоваться цвѣточками, требуютъ ягодокъ, хотя бы и незрѣлыхъ (on leur offre plus qu'ils ne pouvaient espérer: et ils veulent manger la poire avant qu'elle ne soit mûre: ils devraient bien se contenter de la fleur...“ ³⁾.

---

¹⁾ Рапортъ гр. Несельроде кн. Паскевичу отъ 1-го апрѣля 1848 г. № 1308.

²⁾ Донесеніе военнаго начальника Радомской губ. кн. Паскевичу 27 марта 1844 г. № 44 и отношеніе главнаго директора внутреннихъ дѣлъ къ директору канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ отъ 10 (22) апрѣля 1848 г. № 1358.

³⁾ Донесеніе и. д. военнаго начальника Радомской губ. кн. Паскевичу отъ 1 (13) апрѣля 1848 г. № 233.

Изъ Позена маршалъ сейма Грабовскій писалъ графу Квилицкому, въ Варшаву: „nous sommes ici, et chez vous la bas, sur un volcan“. Выраженіе, бывшее въ то время въ большомъ ходу. По словамъ графини А. Д. Блудовой („Записки о событіяхъ 1830 года“. Русскій Архивъ, 1872 г., 7 кн.), оно подучило распространеніе послѣ статьи Сальванди, о балѣ у герцога Орлеанскаго, въ которой было сказано: „Nous dansions sur un volcan“.

Не довольствуясь намѣреніемъ возбудить мятежъ въ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ б. Рѣчи Посполитой, польскіе революціонеры старались возжечь пламя возстанія еще на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ этимъ дѣломъ весьма энергично орудовалъ агентъ кн. Чарторижскаго, извѣстный Садыкъ-Паша (Михаилъ Чайковскій)¹⁾, а также въ Молдавіи и Буковинѣ. Молдавія была признана польскою эмиграціею весьма подходящимъ мѣстомъ для сосредоточенія революціонныхъ происковъ на Востокъ. Извѣстно, что послѣ событій 1830 года многіе изъ польскихъ мятежниковъ, бѣжавъ отъ преслѣдованія австрійскихъ властей, укрылись въ Молдавіи. Тамъ они перемѣнили свои имена и фамиліи и, пристроившись у мѣстныхъ бояръ въ качествѣ домашнихъ учителей, лакеевъ, кучеровъ, винокуровъ и т. п. свободно продолжали свое дѣло. Въ Буковинѣ они свили себѣ гнѣздо въ Бѣлокриницкомъ старообрядческомъ монастырѣ, усердно посѣщавшемся раскольниками, пріѣзжавшими изъ Москвы, Саратова, съ Дона и другихъ мѣстъ, всегда съ богатыми дарами монастырю и вѣчными жалобами на претерпѣваемыя въ Россіи гоненія. Увидавъ въ расколѣ благодарную для своихъ цѣлей почву, польскіе эмиссары не замедлили закинуть удочку: нельзя ли молъ, при содѣйствіи старообрядцевъ, повліять на возбужденіе мятежа въ глубинѣ Россіи?...²⁾.

Въ Россіи, впрочемъ, также какъ и на Кавказѣ³⁾ уже дѣйствовали цѣлыя отряды эмиссаровъ, энергіи которыхъ, несомнѣнно, слѣдуетъ приписать циркулировавшіе за границею слухи о томъ, что наше правительство опасается бунта во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и вслѣдствіе этого принимаетъ гораздо больше предосторожностей, чѣмъ въ самой Варшавѣ; что русскій народъ будто бы на столько сочувственно относится къ полякамъ, что при встрѣчѣ съ польскими легіонами и французскими отрядами, русскія войска немедленно присоединятся къ нимъ, и пр. и пр. Увѣренность поляковъ въ побѣдѣ простиралась до того, что они громко говорили, что „будутъ сражаться до тѣхъ поръ, пока не заткнутъ своихъ знаменъ у *трехъ крестовъ*, то есть на Волыни, Подоліи и Литвѣ...“⁴⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи, получивъ помилованіе, Михаилъ Чайковскій возвратился въ Россію и, поселившись въ Кіевѣ, принялъ православіе. Его весьма интересные очерки и воспоминанія печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 70-хъ годахъ.

²⁾ Докладная записка нач. III окр. корп. жанд., гр. Несельроде кн. Паскевичу отъ 10 апрѣля 1848 г. за № 1566.

³⁾ Сообщеніе Начальника Главнаго Штаба Дѣйств. Арміи Завѣдующему канцеляріею Намѣстника въ Ц. П. отъ 11 марта 1845 г. за № 62.

⁴⁾ Рапортъ ген.-ад. Вибикова кн. Паскевичу отъ 9 марта 1848 г. за № 52 и рапортъ слѣдственной комиссіи, учрежденной при намѣстникѣ

Наконецъ, въ брюссельской газетѣ „L'Emancipation“ (17 апр. № 108) было оповѣщено всему міру, что уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Галиція добьется осуществленія своихъ требованій; русскому же господству въ Польшѣ будетъ нанесенъ смертельный ударъ, благодаря проектируемому въ Познани и Галиціи преобразованіямъ на началахъ свободы и національнаго объединенія („il n'y a plus de doute, que la Galicie obtiendra toutes ses demandes. Quoique la Russie fasse tous ses efforts pour l'empêcher, la domination russe en Pologne recevra le coup de mort par la reorganisation projetée à Posen et en Galicie sur la base de la liberté et de la nationalité“). А мѣнѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць, „Gazeta Krakowska“ (13 мая № 108) помѣстила на своихъ страницахъ полученное изъ Берлина извѣстіе о томъ, что русскій императоръ склонился таки (przychylił się) къ мысли о возстановленіи польскаго королевства, подъ условіемъ лишь возведенія на польскій тронъ принца Лейхтенбергскаго.

Въ дѣйствительности, положеніе дѣлъ было далеко не такое розовое, какъ о томъ писали въ краковскихъ и другихъ газетахъ. Польскіе публицисты и ихъ единомышленники, распространяя разныя сенсационныя извѣстія, старались какъ бы затушевать могучее дѣйствіе манифеста императора Николая I, объявленнаго 14 марта 1848 года съ выраженіемъ твердаго намѣренія положить конецъ революціонной гидрѣ.

Уже въ концѣ того же марта мѣсяца нѣмцы стали отбирать отъ поляковъ косы и всякое оружіе; затѣмъ отовсюду, даже изъ Франціи, польскихъ выходцевъ начинаютъ прямо таки гнать. На улицахъ Кракова и Лемберга, вмѣсто ожидавшагося легіона Дверницкаго, появляются толпы жалкихъ, полуголодныхъ людей, сплошь и рядомъ въ рубищѣ, безъ сапогъ. Разсвирѣпѣвшіе нѣмцы буквально плевали въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ еще такъ недавно обнимались...¹⁾

Въ числѣ эпизодовъ этого времени, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія неудачная попытка Мицкевича склонить папу Пія IX къ благословенію знаменъ польскаго легіона, отправлявшагося, въ числѣ 150—200 человекъ въ Польшу, черезъ Ломбардію, Швейцарію и Германію въ компаніи съ мятежнымъ ксендзомъ Яеловицкимъ и нѣсколькими польскими монахами — „резурекціонистами“ („зартвух-встанцы“), принадлежавшими къ организованному въ Па-

въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующемъ дѣйствующею арміею—на имя намѣстника, отъ 21 января (2 февр.) 1850 г. № 30.

¹⁾ Рапортъ ген.-ад. Бибикова кн. Паскевичу отъ 17 апрѣля 1848 г. за № 459.

рижѣ духовному братству для содѣйствія возстановленію Польши. По свѣдѣніямъ, полученнымъ директоромъ дипломатической канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, П. О. Гильфердингомъ отъ нашего посланника въ Римѣ и сообщеннымъ Гильфердингомъ директору канцеляріи намѣстника П. Ф. Еліашевичу, въ письмѣ отъ 14 (26) апрѣля 1848 г., Мицкевичъ, специально прибывшій для этого въ Римъ изъ Парижа, былъ принятъ папою очень холодно. Святой отецъ на отрѣзъ отказался благословлять польскія знамена. Тогда поэтъ рѣшилъ обманомъ вынудить у папы благословіе. Такъ какъ на слѣдующій день на Ватиканской площади предстояло благословіе папою съ балкона итальянскихъ знаменъ, то Мицкевичъ распорядился расположить свои знамена такимъ образомъ, чтобы они были заслонены итальянскими. Онъ надѣялся, что папа не замѣтитъ этого, и, думая, что имѣетъ дѣло только съ итальянцами, борющимися за объединеніе Италіи, одновременно благословить и поляковъ. Но этой надеждѣ не суждено было осуществиться: святой отецъ вовсе не показался на слѣдующій день на своемъ балконѣ. Раздосадованный Мицкевичъ немедленно оставилъ Римъ, давъ слово „произвести въ Польшѣ расколъ...“

Объ этомъ случаѣ имѣются еще слѣдующія свѣдѣнія. Когда Мицкевичъ прибылъ въ Римъ съ своимъ легиономъ и сталъ просить у Папы благословія, то это было сдѣлано имъ вопреки желанія Товьянскаго. Между прочимъ, Мицкевичъ былъ окруженъ, по числу апостоловъ, двѣнадцатью эмигрантами, и вмѣстѣ съ ними издалъ 29 марта, въ Римѣ же, основанія новой польской конституціи, въ формѣ манифеста ¹⁾.

„Пій IX—замѣчаетъ Герценъ ²⁾—оскорбилъ ополченіе, отказавшись благословить знамя ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благословіе украли: начальники колонны подошли подъ благословіе Пія, когда онъ выходилъ изъ кареты, у нихъ въ рукахъ были знамена. Пій IX благословилъ *ихъ*, а не знамена!..“

II.

10 (22) марта 1843 года императоръ Николай писалъ князю Паскевичу: „что-то поляки наши затѣваютъ. При малѣйшей попыткѣ, короткій имъ конецъ...“ ³⁾ Но еще до

¹⁾ Макушевъ, Андрей Товьянскій.

²⁾ Герценъ. Соч. т. IV (Письма изъ Италіи).

³⁾ Кн. Щербатовъ, т. VI (приложенія).

Нѣчто подобное сказала Екагерина Великая во время французской революціи 1789 года: „La jacobinière de Paris, je la battrai en Pologne (Duchesse de Brissac. Pages sombres (1789—1794). Paris, 1904).

полученія этого письма намѣстникъ уже сдѣлалъ цѣлый рядъ энергичныхъ распоряженій по принятію необходимыхъ мѣръ къ охраненію порядка и спокойствія въ Царствѣ Польскомъ. Такъ, приказомъ по дѣйствующей арміи отъ 9 марта 1848 г. за № 31, возложено было на всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ военныхъ командъ наблюденіе за тишиною и спокойствіемъ въ мѣстахъ расквартированія войскъ. Одновременно съ этимъ даны были соотвѣтственные указанія всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ, бургомистрамъ и войтамъ гминъ. Гражданскимъ властямъ, между прочимъ, предписывалось внушать крестьянамъ, чтобы они, немедленно, всякаго, кто явился бы къ нимъ „для подговора“, вязали и представляли военнымъ властямъ. Для того же, чтобы злоумышленники, переодѣтые въ крестьянское платье, не могли „ускользнуть“, рекомендовалось обращать вниманіе на ихъ прическу и бѣлье (тонкое)¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ было установлено строгое наблюденіе за всѣми прїѣзжающими изъ-за границы лицами, такъ какъ было дознано, что оттуда прибываютъ къ намъ, по законнымъ паспортамъ, „люди съ совершенно революціонными понятіями“²⁾. На таможенныхъ заставахъ были поставлены часовые; вдоль всей границы были усилены казачьи разъѣзды и учреждень надзоръ за проходящими по р. Вартѣ судами. Вслѣдъ за тѣмъ таможенному вѣдомству было поручено слѣдить за привозимыми изъ-за границы товарами и наблюдать за соотвѣтствіемъ таковыхъ съ фактурами и т. д. Вывозъ за границу земледѣльческихъ произведеній былъ воспрещенъ, также какъ и выдача пограничнымъ жителямъ 14-ти дневныхъ билетовъ для поѣздокъ за границу по торговымъ и инымъ дѣламъ.³⁾ Воспрещенъ былъ еще вѣздъ въ наши предѣлы иностраннымъ ремесленникамъ, странствующимъ съ вандербухами; тѣхъ же изъ нихъ, которые уже были пропущены въ Царство Польское и „шатались безъ дѣла“

„Велѣлъ сказать въ Лондонѣ—писалъ 13 (25) марта 1848 года императоръ Николай князю Паскевичу,—что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, c'est un bon avertissement pour eux“.

Засимъ, спустя два дня, 15 (27) марта, государь увѣдомлялъ своего намѣстника въ Ц. П.: „Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ, и нашимъ и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не позволяя трогать себя: въ этомъ вся моя задача (Кн. Щербатовъ. Біографія кн. Паскевича, т. VI).

¹⁾ Циркуляръ намѣстника гражданскимъ губернаторамъ отъ 11 (23) марта 1848 г. за № 505.

²⁾ Рапортъ главн. директора внутр. дѣлъ правительствъ, комиссіи Намѣстнику въ Ц. П. отъ 7 (19) марта 1848 г. № 47.

³⁾ Постановленіе совѣта управленія въ Ц. П. отъ 9 (21) марта 1848 г. и отношеніе министра внутр. дѣлъ кн. Паскевичу отъ 30 іюня 1848 г. № 305.

въ теченіе недѣли—приказано немедленно высылать за границу. ¹⁾ При этомъ было приведено въ извѣстность общее число всѣхъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ губерніяхъ Царства Польскаго. Изъ представленія главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ намѣстнику отъ 12 (24) марта 1848 г. за № 48 видно, что всѣхъ иностранцевъ числилось въ то время въ Ц. П. 10,336 (?) человекъ (французовъ—131, англичанъ—43, швейцарцевъ—98, итальянцевъ—26, австрійцевъ—1592, пруссаковъ—7998 и другихъ національностей—448); въ настоящее же время ихъ здѣсь болѣе 600,000, изъ коихъ 82 процента нѣмцевъ. За нѣмцами, замѣченными въ 1831 году въ политической неблагонадежности, предписывалось имѣть строгое наблюденіе. ²⁾ Далѣе, прекращена была выдѣлка косъ на частныхъ заводахъ: Любартовскомъ и Сѣрадскомъ, и всѣ находившіеся тамъ въ складахъ косы (208,657 штукъ) перевезены въ Ивангородскую и Новогеоргіевскую крѣпости; косы же, находившіеся въ складахъ варшавскаго казеннаго завода, были перевезены въ Александровскую цитадель. ³⁾ Впрочемъ, съ наступленіемъ полевыхъ работъ, выдача косъ, также какъ и привозъ ихъ изъ-за границы, въ количествѣ не болѣе 1000 штукъ, снова были дозволены, сообразно съ хозяйственными потребностями и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. ⁴⁾

Почти одновременно съ распоряженіемъ объ отобраніи косъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи въ западныхъ губерніяхъ продажи пороха, а затѣмъ другое—объ отобраніи у жителей оружія. ⁵⁾ По ходатайству, однакоже, кн. Паскевича, Государь Императоръ соизволилъ на возврагъ нѣкоторой части оружія тѣмъ изъ мѣстныхъ жителей, которые, по удостовѣренію начальниковъ губерній, заслуживаютъ довѣрія и встрѣчаютъ необходимость въ оружіи для истребленія хищныхъ животныхъ ⁶⁾. Любопытно, что вслѣдъ за отобраніемъ оружія у нашихъ поляковъ, галиційскіе поляки тотчасъ же дали своимъ родичамъ совѣтъ поскорѣе обзавестись „насосами“, наполняемыми масломъ,

¹⁾ Предписаніе намѣстника главному директору финансовъ въ Ц. П. отъ 11 (23) марта 1848 г. № 496.

²⁾ Циркуляръ кн. Паскевича военнымъ начальникамъ отъ 23 марта (4 апрѣля) 1848 г. №№ 692-698.

³⁾ Рапортъ главы директора правительств. комиссіи финансовъ и казначейства отъ 17 (29) марта 1848 г. № 3256.

⁴⁾ Отношеніе того же директора къ глав. директору правит. комиссіи внутр. дѣлъ отъ 2 (14) мая 1848 г. № 1581.

⁵⁾ Отношеніе (представленіе) военнаго министра кн. Паскевичу отъ 23 марта 1848 г. № 998.

⁶⁾ Рапортъ воен. министра кн. Паскевичу отъ 24 іюля 1848 г. № 1504.

смѣшаннымъ съ витріолемъ, каковыя снаряды будто бы должны были дѣйствовать даже лучше, чѣмъ ружья и ножи ¹⁾.

Секретными высочайшими указами, послѣдовавшими 19 марта 1848 г. на имя генераль-губернаторовъ сѣверо и юго-западныхъ губерній, а также новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора ²⁾, послѣдніе были облечены особою властью по принятію мѣръ къ охраненію общественного порядка во ввѣренныхъ ихъ управленію губерніяхъ. Одновременно съ симъ, примѣнительно къ высочайше утвержденнымъ 17 іюля 1831 года правиламъ для слѣдственныхъ комиссій, учрежденныхъ въ то время въ западныхъ губерніяхъ, повелѣно было: „раздѣлять и нынѣ всѣхъ лицъ, кои бы на новое злоумышленіе противу правительства покуситься дерзнули, на три разряда. Въ 1-ый должествуютъ быть помѣщены предводители бунта; во 2-ой участвовавшіе въ дѣйствіяхъ противъ войскъ и вообще противъ законной власти, и въ 3-ій подписавшіе возмутительные акты и всѣ причастные къ возмущенію, хотя дѣятельнаго участія въ ономъ не принимавшіе“. Всѣ эти лица, по степени ихъ участія въ преступныхъ замыслахъ, подлежали преданію военному полевому суду. При этомъ судебныя приговоры о лицахъ 1-ой и 2-ой категорій подтверждались самими генераль-губернаторами, а о лицахъ 3-ей категоріи должны были быть представляемы на подтвержденію главнокомандующаго дѣйствующею арміею ³⁾. О преступникахъ 2-ой категоріи, принадлежавшихъ къ дворянскому сословію, судебныя приговоры должны были представляться государю. Смертная казнь опредѣлялась только для лицъ 1-ой категоріи. Имѣнія преступниковъ всѣхъ трехъ категорій подлежали секвестру, а 1-ой и 2-й категоріи и немедленной конфискаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-губернаторамъ было предоставлено право входить къ государю съ особыми представленіями о лицахъ 2-ой категоріи въ случаѣ обнаруженія смягчающихъ ихъ вину обстоятельствъ и даже ходатайствовать объ отмѣнѣ преданія ихъ суду или конфискаціи имѣній. Судебныя приговоры о заграничныхъ

---

¹⁾ Дознаніе воен. начальника Августовской губерніи кн. Паскевичу отъ 31 мая (12 іюня) 1848 г. № 2527.

Подобное же средство рекомендовалось однимъ пивоваромъ при взятіи Бастиліи (H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La Révolution).

²⁾ Рапортъ воен. министра кн. Паскевичу, отъ 19 марта 1848 г. № 925 (съ препровожденіемъ послѣдовавшихъ того же числа означенныхъ указовъ).

³⁾ Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ долженъ былъ представлять такіе приговоры не кн. Паскевичу, а государю, чрезъ шефа жандармовъ.

эmissарахъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, повелѣно было представлять на окончательное утвержденіе главнокомандующаго дѣйствующею арміею и приводить въ исполненіе по его предписаніямъ; „тѣхъ же изъ иностранцевъ, которые хотя и не будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, но явно будутъ изобличены въ распространеніи возмутительныхъ воззваній и преступныхъ сношеніяхъ съ заграничными нарушителями общественнаго порядка, подвергать строгому заключенію и о дальнѣйшей ихъ участи, съ представленіемъ о проступкахъ ихъ слѣдственныхъ дѣлъ, испрашивать разрѣшенія главнокомандующаго дѣйствующею арміею“. Наконецъ, что касается тѣхъ лицъ, „кои хотя и не будутъ изобличены участниками въ мятежѣ, но навлекутъ на себя подозрѣніе образомъ мыслей или какими либо непозволительными сношеніями, то за такими лицами долженъ быть учреждаемъ строгій надзоръ полиціи, съ принятіемъ надлежащихъ мѣръ „къ отнятію отъ нихъ всѣхъ способовъ къ дальнѣйшимъ во вредъ правительству дѣйствіямъ“.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ, къ сохраненію на нашей западной окраинѣ порядка и спокойствія, слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующей: уѣзднымъ предводителямъ дворянства было объявлено, по Высочайшему повелѣнію, что государь императоръ питаетъ увѣренность, что какъ они, такъ и всѣ сословія сѣверо-и-юго-западнаго края своимъ поведеніемъ не только не дадутъ повода къ взысканіямъ, опредѣленнымъ за нарушение своихъ обязанностей, но, напротивъ, раздѣляя со всѣми вѣрноподанными чувства преданности престолу и отечеству, заслужатъ благоволеніе Его Величества ¹⁾).

Эмиссары между тѣмъ продолжали свое дѣло и, „любопытствуя знать, какой духъ въ нашихъ польскихъ провинціяхъ“, постоянно появлялись то въ одной, то въ другой мѣстности. Шляхта перешептывалась, сообщая другъ другу разныя вѣсти изъ за границы, получавшіяся, главнымъ образомъ, при посредствѣ евреевъ. Въ тѣ времена, за отсутствіемъ телеграфа и газетъ съ всевѣдущими и вездѣсущими корреспондентами, многія важныя извѣстія узнавались именно благодаря евреямъ. Такъ, напр., кievскій ген.-губернаторъ ген.-ад. Бибииковъ сообщаетъ кн. Паскевичу (отъ 28 февраля 1848 г. за № 36) о томъ, что „два дня тому назадъ“ онъ „черезъ бердичевскихъ банкировъ“ получилъ свѣдѣнія, доставленныя евреямъ изъ Берлина, о

---

¹⁾ Сообщ. воен. министра кн. Паскевичу 19 марта 1848 г. № 931.

„бунтъ, возникшемъ въ Парижѣ, удаленіи королевской фамили, провозглашеніи республики и пожарѣ Пале-Ройяля и Тюльери.“

Князь Паскевичъ, впрочемъ, и самъ хорошо былъ освѣдомленъ обо всемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи военныхъ а гражданскихъ агентовъ, которыхъ часто посылалъ съ спеціальными порученіями и у которыхъ были свои болѣе или менѣе надежные агенты

Что касается поляковъ, то у нихъ сношенія съ заграницею поддерживались превосходно, чему вначалѣ способствовало отчасти слабое охраненіе нашей границы. Напр., всѣ почти выходы изъ кальварійскаго и маріампольскаго уѣздовъ, Августовской губерніи, свободно переходили границу черезъ донаціонное имѣніе Соколупяны, а также черезъ дер. Ольвите. Вообще, въ Августовской губерніи, несмотря на всевозможныя распоряженія, сношенія иъ Пруссію производились довольно легко. Этимъ путемъ прибывали къ намъ „люди съ революціонными понятіями“, а также доставлялись революціонныя брошюры, газеты, карикатуры, трубки съ изображеніемъ Мирославскаго, часы съ портретами Костюшки и т. п. Важныя бумаги пересылались, между прочимъ, внутри сахарныхъ головъ. Существовало даже подозрѣніе, не способствуютъ ли нѣкоторыя изъ нашихъ таможенъ доставкѣ изъ за границы огнестрѣльнаго оружія ¹⁾.

Польская молодежь, сгоравшая желаніемъ стать подъ знамена Мирославскаго, отчасти же подъ вліяніемъ слуховъ о намѣреніи нашего правительства произвести усиленный рекрутскій наборъ, при чемъ, какъ говорили, не будетъ исключеній даже для штатныхъ канцеляристовъ, діатаріусовъ, аппикантовъ, аптекарскихъ гезелей, студентовъ, клериковъ и т. п. лицъ,—толпами устремлялась за границу и тамъ немедленно облакалась въ повстанскій мундиръ. Вотъ, напр., въ какихъ краскахъ одинъ изъ такихъ молодыхъ людей, въ письмѣ къ другу, проживавшему въ Кіевѣ и тоже собиравшемуся отправиться по слѣдамъ своего пріятеля, описываетъ свой мундиръ, а также повстанскій парадъ: „...когда пріѣдешь во Львовъ, то увидишь меня въ синемъ мундирѣ съ бархатными лацканами, въ серебряныхъ эполетахъ, уланской каскѣ съ сверкающимъ на красномъ фонѣ бѣлымъ орломъ и панталонагъ стального цвѣта съ кантомъ. Народная гвардія, при грохотѣ пушекъ,

---

¹⁾ Предложеніе кн. Паскевича главн. директору правит. комисіи финансовъ и казначейства отъ 19 февраля (2 марта) 1848 г. за № 344; рапортъ главн. директора правит. комисіи внутр. дѣлъ кн. Паскевичу отъ 7 (19) марта 1848 г. за № 47.

дефилировала предъ главнокомандующимъ, генераломъ Залускимъ, окруженнымъ штабомъ офицеровъ....“ и т. д. („Z przybyciem do Lwowa, ujrzysz mnie w mundurze granatowym, z amarantowymi wyłogami, epolety srebrne, kask ułański, z połyskującym białym orłem na tle czerwonym, pantalonu stalowego koloru z wypustką. Cała gwardya narodowa przy huku dział, narodowej uczcie i odgłosie polskiej komendy defilowała przed naczelnym generałem Żaluskim, otoczonym sztabem oficerów ¹⁾).

Молодежь увлекалась, главнымъ образомъ, внѣшними атрибутами „патріотизма“. Мужчины отпускали себѣ длинныя бороды и носили прическу „à la malcontent“, а дамы и дѣвицы, въ знакъ траура, обрѣзывали свои волосы. Въ болѣшинствѣ случаевъ дальше этого они не шли; но тѣмъ не менѣе „подлежащія власти“ весьма зорко, повидимому, слѣдили за ними и о каждомъ и о каждой представляли по начальству подробныя, подѣ часъ прекуръезныя, характеристики. Такъ, на примѣръ, на одномъ провинціальномъ балѣ (въ гор. Кутно), въ пользу мѣстнаго лазарета, находилось нѣсколько молодыхъ людей, обратившихъ на себя вниманіе всевидящаго ока. Объ одномъ изъ нихъ—арендаторѣ имѣнія было доложено, что онъ челоуѣкъ „весьма ограниченнаго ума, подражаетъ смѣшнымъ моднымъ выдумкамъ и легковѣренъ, но въ политическомъ отношеніи не вредный“; о другомъ (сынѣ помѣщика) говорилось: „вздоренъ, нахаленъ, самолюбивъ, надменно гордъ, высокоуѣренъ, вспылчивъ, дерзокъ, смѣлъ и судить насмѣшливо о распоряженіяхъ правительства: порицаетъ все то, что не есть заграничное и, повидимому, скрытый и недоброжелательный законному порядку; вообще, насмѣхается надъ русскими и навѣрно при первомъ удобномъ случаѣ оказалъ бы ненависть законному правительству“; о третьемъ (учителѣ въ домѣ помѣщика): „беззаботный, вѣтренный студентъ и любитель всего чудовищнаго; однако въ поведеніи его ничего предосудительнаго не замѣчено“ ²⁾. Подобными характеристиками можно было бы наполнить цѣлыя десятки страницъ, также какъ и другого рода куръезами. Никто не повѣритъ, напр., что въ Люблинѣ нашлись какіе-то остроумные патріоты (должно быть гимназисты приготовительнаго класса), которые ловили „разнаго рода птицъ“, прицѣпляли къ ихъ крыльямъ національныя ко-

---

¹⁾ Рапортъ ген.-ад. Бибикова къ Паскевичу отъ 27 апрѣля 1848 г. за № 539.

²⁾ Сообщение начальника III окр. корп. жандармовъ графа Несельроде варш. воен. генераль-губернатору отъ 3 марта 1848 г. за № 669.

карды, „а къ лбамъ“ „бѣлыхъ орловъ“ и въ такомъ маль-контентномъ видѣ выпускали ихъ на свободу. Говорятъ, что нѣчто подобное устраивалъ Робеспьеръ во время народныхъ празднествъ въ Парижѣ, но то былъ Робеспьеръ, люблинскіе же „робеспьеры“ чуть было не заплатились за свою выдумку: къ счастью, она „не подтвердилась“, или, всего вѣроятнѣе, къ ней отнеслись снисходительно ¹⁾.

Въ сущности, это была довольно глупая, дѣтская забава, въ сравненіи съ тѣмъ, что вообще позволяла себѣ—конечно, тоже изподтишка—учащаяся и неучащаяся молодежь. Ее, между прочимъ, прямо подозрѣвали въ составленіи и подбрасываніи возмутительныхъ пасквилей, вродѣ того, напр., какой былъ найденъ въ Радомѣ, съ изображеніемъ пяти висѣлицъ, увѣшанныхъ нѣкоторыми должностными лицами мѣстной губернской администраціи. Надъ „казненными“ парилъ ангелъ съ казацкою нагайкой, а подъ рисункомъ находился соотвѣтствующій текстъ, какъ нельзя лучше характеризовавшій пасквильныхъ авторовъ ²⁾.

Что касается школьныхъ забастовокъ, то, повидимому, онѣ ограничивались лишь анонимными требованіями гимназистовъ старшихъ классовъ о скорѣйшемъ роспускѣ ихъ на каникулы, подъ угрозой произведенія безпорядковъ въ гимназіи, какъ это было, напр., въ Петроковѣ. ³⁾

Генераль-адъютантъ Бибииковъ, сообщавшій князю Паскевичу и другимъ властямъ въ Царствѣ Польскомъ обо всемъ, что происходило въ юго-западномъ краѣ, а также о доходившихъ до него извѣстіяхъ изъ-за границы, между прочимъ весною 1848 года, препроводилъ командиру 4 армейскаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Чеодаеву списокъ эmissаровъ, намѣревавшихся прибыть въ Царство Польское, съ подробнымъ объясненіемъ какъ ихъ распознавать. Оказывается, что на всѣхъ принадлежавшихъ имъ вещахъ: палкахъ, платкахъ, дорожныхъ сумкахъ и другихъ предметахъ должны были находиться изображенія розъ или лилій ⁴⁾ Подобными эмблемами, впрочемъ, украшались не одни только эmissары. Почти каждый полякъ, каждая поль-

---

¹⁾ Отношеніе канцеляріи намѣстника къ Люблинскому губернатору отъ 7 (19) іюля 1848 г. № 1567.

²⁾ Док. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 4 мая 1848 г. за № 1904.

³⁾ Рапортъ попечителя варш. учебн. округа кн. Паскевичу отъ 1 (13) мая 1848 г. за № 3703.

⁴⁾ Рапортъ генерала Чеодаева кн. Паскевичу отъ 5 апрѣля 1848 г. за № 440 и начальнику главн. штаба дѣйствующей арміи кн. Горчакову отъ 6 апрѣля 1848 г. за № 567.

ка имѣли на себѣ какой нибудь отличительный знакъ, свидѣтельствовавшій объ ихъ патриотизмѣ, или же принадлежности къ тайному обществу. Между прочимъ, когда, послѣ известнаго рѣшенія франкфуртскаго сейма о Польшѣ, послѣдовалъ полный разрывъ между поляками и нѣмцами, и поляки поклялись въ вѣчной ненависти къ своимъ недавнимъ друзьямъ, то тотчасъ же у поляковъ вошли въ моду особыя бархатныя запястья, которыя носились на правой рукѣ. Онѣ были двухцвѣтныя—чернаго и синяго цвѣтовъ, раздѣленныхъ бѣлымъ шнуромъ. Посерединѣ были вышиты буквъ „W“ и „Z“, то есть „Wieczna Zemsta“. Голубая застежка имѣла видъ кокарды, которая была украшена металлическимъ бѣлымъ орломъ ¹⁾).

Эмиссары, однакоже, не были такъ наивны, чтобы являться въ край съ подобными украшеніями. Въ то время, когда власти повсюду искали розы и лиліи, эмиссары, подъ видомъ крестьянъ, шарманщиковъ и др. уже бродили по краю и дѣлали свое дѣло. Бродили они также подъ видомъ ремесленниковъ, которыхъ, кстати, тогда очень много „шлялось“ по заѣзжимъ дворамъ, корчмамъ и шинкамъ ²⁾).

Въ мартѣ мѣсяцѣ по всему краю вдругъ рдзнесся между крестьянами слухъ, будто бы въ Россіи вымерли отъ холеры двѣ губерніи, вслѣдствіе чего русское правительство, озабочиваясь скорѣйшимъ заселеніемъ опустѣвшихъ мѣстностей, вызываетъ-де изъ Царства Польскаго всѣхъ желающихъ переселиться туда, обѣщая каждому переселенцу значительное вспомошествованіе и большія льготы. Этотъ слухъ не замедлил взбудоражить многихъ крестьянъ, терпѣвшихъ въ это время крайнюю нужду отъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, и они немедленно стали готовиться къ переселенію въ Россію. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ крестьяне, являясь толпами къ уѣзднымъ начальникамъ, настойчиво требовали о выполненіи правительствомъ обѣщанія ³⁾). Одновременно съ этимъ былъ пушенъ слухъ, что правительство намѣревается-де забрать у крестьянъ весь скотъ; это повело къ тому, что крестьяне стали за безцѣнокъ продавать евреямъ и другимъ спекулян-

---

¹⁾ Донесеніе и. д. военнаго начальника Радомской губерніи генералъ-маіора Герлова кн. Паскевичу отъ 26 августа (7 сентября 1848 г. за № 521.

²⁾ Отношеніе канцеляріи намѣстника радомскому губернатору отъ 26 марта 1848 г. № 747 и рапортъ начальника IV округа корп. жандарм. гр. Бусевлева кн. Паскевичу отъ 1 мая 1848 г. № 304.

³⁾ Докладная записка нач. штаба дѣйств. арміи М. Д. Горчакова кн. Паскевичу отъ 12 (24) марта 1848 г. № 1043.

тамъ своихъ лошадей, коровъ, овецъ...¹⁾ Очевидно, что употреблялись всѣ старанія, чтобы возмутить крестьянъ.

То вдругъ распространится слухъ, что въ скоромъ времени крестьяне будутъ рѣзать пановъ, а придутъ потомъ солдаты—станутъ рѣзать крестьянъ. Такой слухъ особенно настойчиво циркулировалъ въ юго-западномъ краѣ²⁾. Крестьяне, проживавшіе вблизи Новогеоргиевской крѣпости, собираются перерѣзать нѣмцевъ-колонистовъ³⁾. Въ одномъ мѣстѣ подвыпившій крестьянинъ говоритъ еврею-шинкарю: „вы шельмы жида, черезъ недѣлю всѣ будете въ печкѣ лежать; а какъ пойдемъ на войну, то всѣхъ перерѣжемъ; въ другомъ — какой-то столяръ, у котораго шинкарка не захотѣла взять въ уплату за водку 10-грошевую монету революціонной чеканки 1831 года, говоритъ: „погоди, въ Троицынъ день всѣ будутъ брать такіа деньги“⁴⁾.

Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть, что звонкая монета въ это время какъ то вдругъ стала исчезать изъ обращенія, ассигнацій же никто не хотѣлъ принимать; вслѣдствіе этого во многихъ мѣстностяхъ приходилось или отказываться отъ приобрѣтенія предметовъ первой необходимости, или же вступать въ сдѣлки съ евреями, которые, оказывается, предусмотрительно припрятавали звонкую монету. Въ Августовской и Радомской губерніяхъ такое положеніе вещей особенно давало себя чувствовать⁵⁾...

Въ народныхъ брошюрахъ, усердно распространявшихся среди городского и сельскаго населенія, ярко повѣствовалося о прежнемъ величій Польши и настаивалось на необходимости единодушнаго согласія между всѣми слоями польскаго общества, въ особенности же между помѣщиками, крестьянами и евреями, какъ необходимаго условія для одолѣнія совокупными силами общаго врага. Между прочимъ, крестьянамъ была обѣщана воля съ землею, на которой они жили. Въ перспективѣ же рисовалась свободная Польша съ республиканскимъ образомъ правленія. Къ

---

¹⁾ Предписаніе кн. Паскевича главному директору правит. ком. внутр. дѣлъ отъ 10 (22) марта 1848 г. № 2035.

²⁾ Рапортъ ген.-ад. Бибикова кн. Паскевичу отъ 24 апрѣля 1848 г. за № 535.

³⁾ Донесеніе гр. Нессельрода кн. Паскевичу отъ 9 апрѣля 1848 г. за № 1513.

⁴⁾ Донесеніе графа Нессельроде кн. Паскевичу отъ 25 апрѣля 1848 года за № 1757.

⁵⁾ Его же, отъ 5 и 29 апрѣля 1848 г. за №№ 1395 и 1817 и донесенія радомскаго гражд. губернатора кн. Паскевичу отъ 10 (22) мая 1848 года за № 472.

этому прибавлялось, что въ непродолжительномъ времени въ Варшавѣ долженъ собраться народный сеймъ, на который уже отправлены депутаты отъ всѣхъ городовъ и мѣстечек¹⁾.

„Темныя“ силы всячески старались волновать народъ, подготавливая его для кроваваго дѣла. Въ началѣ лѣта, напр., около пограничнаго селенія Кршишова, Люблинской губ. вдругъ появляется въ одномъ источникѣ образъ Божіей Матери, къ которому начинаютъ стекаться толпы народа не только изъ разныхъ мѣстностей Царства Польскаго, но и изъ Галиціи. Пограничная стража не въ силахъ была пріостановить наплывъ галиційскихъ богомольцевъ, и поэтому пришлось вызывать казаковъ на помощь; но и казакамъ было оказано сопротивление... Въ Ловичскомъ же уѣздѣ изъ рукъ въ руки передавалась какая-то рукописная молитва, въ которой, между прочимъ, указывалось на необходимость безусловнаго повиновенія ксендзамъ, а также возможно частой исповѣди; послушникамъ „божественной воли“ „Провидѣніе“, по словамъ молитвы, грозило „głodem, powietrzem, ogniem...“²⁾.

Требованіе возможно частой исповѣди и затѣмъ такъ называемыя „реколекціи“, или поученія предъ исповѣдью во время поста, являлись однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ въ рукахъ католическаго духовенства. Насколько ксендзы цѣпко удерживали за собою это право видно изъ того, что воспрещеніе реколекцій Виленскимъ генераль-губернаторомъ Мирковичемъ вызвало въ крестьянахъ сначала ропотъ, а потомъ и „выходки вольности“, внушавшіяся, между прочимъ, и воссоединеннымъ изъ уніи духовенствомъ, продолжавшимъ жить въ дружбѣ съ ксендзами и жаловаться на насильственное воссоединеніе съ православіемъ³⁾.

Тотъ же генераль-губернаторъ такъ рисуетъ состояніе умовъ крестьянъ и другихъ обывателей сѣверо-западнаго края⁴⁾. „Крестьяне убѣждены, что настала рѣшительная часъ освобожденія ихъ изъ крѣпостнаго состоянія; они вездѣ одушевлены самымъ неприятымъ чувствомъ противъ своихъ помѣщиковъ и должно полагать, что умы ихъ исподволь приготавливались къ сему тайными внушеніями неблагонамѣренныхъ проповѣдниковъ. Галиційскія

¹⁾ Дон. графа Нессельроде кн. Паскевичу отъ 29 февраля 1848 г. за № 832 и воен. нач. Августовской губ. кн. Паскевичу отъ 25 марта 1848 г. за № 1328.

²⁾ Дон. варш. воен. ген.-губ. кн. Паскевичу отъ 8 (20) іюля и 21 іюля (2 авг.) 1848 г. за №№ 206 и 3082.

³⁾ Дон. нач. IV окр. корп. жанд. гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 1 мая 1848 г. за № 304.

⁴⁾ Рапортъ на имя кн. Паскевича отъ 25 апрѣля 1848 г. за № 868.

событія 1846 года извѣстны здѣсь каждому крестьянину и можно полагать, что они готовы послѣдовать сему ужасному примѣру. Помѣщики предугадываютъ это враждебное расположеніе противъ нихъ крестьянъ, но, вмѣсто того, чтобы привязаться болѣе къ правительству и полагать свою защиту въ его силѣ, они показываютъ видимое сочувствіе происходящимъ за границую переворотамъ, принимая ихъ вѣроятно за предзнаменованіе скорого возстановленія Польши. Бывшая шляхта, обращенная въ однодворческое состояніе преисполнена въ особенности чувствомъ нерасположенія къ правительству. Между этимъ классомъ людей и мелкимъ дворянствомъ надо безъ сомнѣнія искать злонамѣренныхъ распространителей мыслей, волнующихъ крестьянъ“...

Броженіе среди крестьянъ, все болѣе и болѣе усиливаясь, дошло наконецъ до того, что въ августѣ 1848 г. въ Гродненской и Минской губерніяхъ „крестьяне приняли столь грозный видъ (чего не бывало даже въ 1812 году), что помѣщики умираютъ со страха, ибо мужики кричатъ, что французы недалеко и что имъ пора взяться за косы и ножи“. Графъ Осипъ Грабовскій, состоявшій при князѣ Паскевичѣ чиновникомъ для особыхъ порученій, сообщая объ этомъ, со словъ одного мѣстнаго дворянина, директору канцеляріи намѣстника Еліашевичу (отъ 25 августа 1848 г. за № 240), присовокупляетъ, что „можно не безъ основанія предполагать, что возмущеніе умовъ крестьянъ въ литовскихъ губерніяхъ, а также частыя зажигательства, случившіяся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имперіи, суть ничто иное, какъ только дѣло французско-польской пропаганды“.

Въ юго-западномъ краѣ броженіе представлялось еще въ большихъ размѣрахъ. По словамъ самого Бибикова ¹⁾, онъ, пріѣхавъ въ 1838 году въ Кіевъ, засталъ въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ — въ Бердичевѣ, въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ ниспроверженію существовавшего порядка и законности. „Одна консисторія дошла до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, что Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія — простая женщина, а папа — шарлатанъ“. При этомъ, не смотря на обуявшій всѣхъ демократизмъ, каждый стремился въ дворянство и дворянъ была масса. Помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, въ кухнѣ

¹⁾ „Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края при отъѣздѣ изъ Кіева (въ 1852 году)“. Кіевская Старина, 1882 г., іюнь.

стряпаль дворянинъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги и т. д. Была фабрика дворянскихъ документовъ, гдѣ патенты продавались по рублю. Поляки хвалили литовскій статутъ, но лишь немногіе имѣли о немъ цонятіе“... Русскіе помѣщики были не лучше польскихъ. Пренебрежительное отношеніе къ православному духовенству со стороны тѣхъ и другихъ составляло общую черту того времени. „До меня доходятъ слухи — писалъ Бибиковъ одному русскому помѣщику¹⁾, — что будто ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи помѣщиковъ, осуждаете дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерзко отзываясь вообще о правленіи, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духовенство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и то же время католическихъ ксендзовъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню“...

Въ прекрасной характеристикѣ Бибикова, сдѣланной на страницахъ „Кіевской Старины“ (1882 г., іюль) сказано: „его уму, энергіи, патриотизму и предприимчивости много обязанъ юго-западный край охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, поднятіемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствіемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ кореннаго и древнѣйшаго русскаго края въ патриотическій польскій станъ и польскую провинцію“²⁾...

Весьма естественно, что, во время безпорядковъ, возникшихъ въ 1848 году, Бибикову не разъ приходилось обращаться къ содѣйствию военныхъ отрядовъ, современное появленіе которыхъ въ данной мѣстности способствовало быстрому водворенію порядка.

По этому поводу между кн. Паскевичемъ и Бибиковымъ даже произошло маленькое столкновеніе. Паскевичъ потребовалъ (отъ 18 марта 1848 г. № 346), чтобы Бибиковъ не производилъ безъ его разрѣшенія передвиженія войскъ, „такъ какъ войска необходимы теперь для защиты отъ внѣшняго врага, а не внутренняго, и что при опасеніи общаго безпорядка въ краѣ ихъ надобно сосредоточивать въ пунктахъ наиболѣе угрожаемыхъ“. На это Бибиковъ (отъ 26 марта за № 134), сообщая о серьезномъ положеніи края вслѣдствіе „начинающагося“ увлеченія поляковъ западно-

¹⁾ „Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ Кіевской губерніи“. Кіевская Старина, 1882 г., сентябрь.

²⁾ Бибиковъ, Дмитрій Гавр. (1792—1870), участникъ Отечественной войны; въ сраженіи подъ Бородинымъ ему оторвало ядромъ лѣвую руку. Юго-Западнымъ краемъ управлялъ съ 1837 года по 1852 г.; затѣмъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

европейскими событиями и указывая на закоренѣлую ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, а также на то, что „крестьяне еще не совершенно поняли настоящее ихъ устройство Высочайше утвержденными правилами и легко могутъ толковать эти правила въ превратномъ видѣ, что уже не разъ случалось“, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Ваша свѣтлость изволите приказывать мнѣ не требовать передвиженій войскъ безъ Вашего разрѣшенія, о чемъ изволили дать приказаніе и корпусному командиру, и при этомъ изволите указывать, что еслибы произошли беспорядки отъ крестьянъ или отъ другихъ причинъ, либо случилось вторженіе шаекъ, тогда на основаніи 347 ст. 2 т. св. зак. и 1108 ст. 2 т. военныхъ постановленій, не только я, но и начальники губерній должны относиться къ начальству ближайшихъ войскъ и они должны исполнять такія требованія немедленно.

„Привыкнувъ всегда въ точности исполнять всѣ приказанія моего начальства, я имѣю честь доложить Вашей свѣтлости, что воля Ваша будетъ исполнена мною какъ слѣдуетъ, но, по этому же самому долгу службы и подчиненности, осмѣливаюсь доложить, что какъ по означеннымъ статьямъ закона требуются воинскія команды, когда беспорядокъ уже возникъ,—я же полагаю, что я долженъ моими распоряженіями предупредить его возникновеніе и ограждать отъ него управляемая мною губернія, что я сдѣлалъ и въ 1846 году, потому если я найду нужнымъ въ сей цѣли сдѣлать передвиженіе войскъ, то они меня не послушаютъ, разрѣшеніе же на представленіе о семъ можетъ прійти поздно и потому я буду поставленъ въ крайнее затрудненіе оградить спокойствіе края“...

Въ свою очередь Паскевичъ довольно колко возразилъ Бибикову (отъ 7/19 апрѣля 1848 г. № 897): „... изъ представленія Вашего Высочайшепревосходительства я вижу, что причина опасеній Вашихъ происходитъ отъ вновь введенныхъ инвентарей. Если инвентари такъ составлены, что могутъ дать поводъ къ неудовольствію крестьянъ, то беспорядка можно опасаться на всемъ пространствѣ края, и въ такомъ случаѣ нельзя раздроблять войска по селеніямъ, а надобно его сосредоточивать въ такихъ пунктахъ, гдѣ съ положительностью можно ожидать беспорядковъ, а указаніе этихъ пунктовъ зависитъ отъ секретныхъ и явныхъ наблюденій полиціи и жандармовъ“...

„Что же касается до закоренѣлой ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ, то вполне соглашаясь съ объясненіемъ Вашимъ, нахожу, что послѣдствія сей ненависти предупредить можно не передвиженіемъ войска, но самымъ внимательнымъ наблюденіемъ полиціи при непрерывныхъ

разъѣздахъ по порученнымъ каждому участку. Примѣромъ тому можетъ служить Радомскій военный начальникъ генераль-майоръ Горловъ, который въ 1846 г. въ двухъ смежныхъ съ Галиціей уѣздахъ, когда тамъ крестьяне рѣзали шляхту, жгли и грабили ихъ имущества и когда крестьяне сихъ двухъ уѣздовъ будучи ежедневными очевидцами этихъ неистовствъ были готовы взяться за ножи, успѣлъ удержать ихъ въ порядкѣ, имѣя въ распоряженіи своемъ сотню казаковъ и пограничную стражу и съ мѣстными жандармами разъѣзжая непрерывно съ мѣста на мѣсто гдѣ угрожала опасность; надобно только стараться прискаты такихъ людей и имъ поручить наблюденіе за порядкомъ“.

„Все вышеизложенное должно убѣдить Ваше Высокопревосходительство, что не отъ передвиженія войска, но отъ бдительнаго наблюденія полиціи за духомъ края и своевременнаго призыва воинской помощи зависитъ сохраненіе порядка въ краѣ, который такимъ же образомъ удерживается доселѣ и въ Царствѣ Польскомъ, окруженномъ на протяженіи 1500 верстъ сухопутной границы повсемѣстнымъ бунтомъ“...

„Наконецъ, я вынужденнымъ нахожусь сказать, что не могу Вамъ предоставить власти свѣше той, какая указана закономъ тѣмъ болѣе, что войска, во ввѣренномъ Вамъ краѣ расположенныя, не предназначены исключительно для удержанія внутренняго порядка, но входя въ общія мои соображенія должны быть по онымъ располагаемы“.

Эта переписка, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что ген.-ад. Бибииковъ больше надѣялся на войска, чѣмъ на подчиненную ему администрацію, которая, какъ это было замѣчено и въ сѣверо-западномъ краѣ, обнаруживала „какой-то упадокъ въ духѣ и ослабленіе въ дѣйствіяхъ“...

Въ рапортѣ виленскаго генераль-губернатора Мирковича кн. Паскевичу, отъ 25 апрѣля 1848 г. за № 868, прямо слышится упрекъ по адресу русскихъ чиновниковъ.

„Весьма рѣдко — читаемъ въ этомъ рапортѣ — можно встрѣтить въ комъ-либо изъ русскихъ чиновниковъ непоколебимое вѣрованіе въ могущество русскаго правительства къ подавленію могущихъ произойти безпорядковъ“...

Но если русскіе люди обнаруживали нѣкоторый упадокъ „въ духѣ“, то еще болѣе упало пришлось обнаружить полякамъ, при распространившихся за границею слухахъ о томъ, что Императоръ Николай I прибылъ въ Варшаву и формируетъ три арміи: одну подъ своимъ предводительствомъ, другую — подъ начальствомъ князя Паске-

вича и третью—подъ начальствомъ графа Орлова. Первая армія, по слухамъ, должна была пойти на Вѣну, вторая—остановиться въ Краковѣ или же на границѣ Силезіи, а третью двинуться къ Берлину и дальше ¹⁾.

„Главная теперь загадка европейской политики—заговорилъ „Dziennik Polityczny“ (отъ 30 июня 1848 г за № 47)—это Россія. Каждый спрашиваетъ себя: что замышляетъ она; какіе ея планы и намѣренія, и никто не можетъ дать отвѣта.

„Какъ египетскій сфинксъ, на границѣ цивилизованнаго міра и пустыни—стоитъ Россія на концахъ стараго и новаго свѣта, и таинственно глядитъ на разъяренныя волны европейскаго смятенія.

„Она знаетъ обо всемъ; и о томъ, что теперь происходитъ въ Европѣ, и о томъ, что произойдетъ въ ней потомъ... а что у нея самой дѣлается и что послѣ будетъ,—объ этомъ міръ не вѣдаетъ:

„Стѣной желѣзной окружила она себя со всѣхъ сторонъ; никто не можетъ войти туда, ни выйти,

„Она молчитъ...

„Взгляните: тамъ, надъ Прутомъ двигаются стройныя полки россіянъ; ихъ штыки сверкаютъ за Подгуржемъ и надъ Краковомъ;... обозы ихъ тянутся вдоль познанской границы; Торунь предъ ними... Вездѣ ихъ много; всѣ трепещутъ предъ ними...

„Предъ Россіей открытое поле дѣйствій и всѣ средства къ ея услугамъ! Всюду неладъ, замѣшательство, ненависть, борьба и внутренняя слабость. И всѣ безсильны предъ Россіей“...

„Намъ со всѣхъ сторонъ твердили—воскликнула другая газета („Gazeta Polska“ ²⁾),—чтобы мы старались снискать симпатіи цивилизованнаго міра, симпатіи Германіи (Niemiec), Франціи, Англіи; намъ твердили, что мы будемъ вознаграждены за это!... Твердили на всѣ лады, что насъ любятъ, что питаютъ къ намъ симпатію, увѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ, что Польша непременно будетъ восстановлена. Боже, сколько словъ, сколько шума, торжествъ!... И на этомъ все закончилось... Затѣмъ, одни заговорили: какъ мы можемъ устраивать кого либо, когда у самимъ нѣтъ порядка; другіе: какая намъ можетъ быть польза отъ Польши; какіе получимъ отъ

---

¹⁾ Дон. воен. нач. августовской губерніи ген.-м. Смоляка кн. Паскевичу отъ 11 (23) июня 1848 г. за № 2208.

²⁾ Цитировано по газетѣ „Jutrzenka“ (№ 59, отъ 8 июня 1848 г.), гдѣ была перепечатана изъ „Газеты Польской“ передовая статья, подъ заглавіемъ „Sympatye“.

нея барыши (handel nasz nic na tem nie zyska); лучше будемъ продавать яды (truciznę) китайцамъ“... и пр. и пр.

„А симпатіи Франціи?..“

„Вспомнить она поляковъ, когда настанетъ для нея черный день (dzień niebezpieczeństwa)! будетъ тогда кликать она: гдѣ храбрые поляки, гдѣ французы полночи,— но... будетъ уже поздно...“

„Да, насъ любили, пока мы были нужны, когда мы самоотверженно умирали въ страшныхъ ущельяхъ Соммо-Сьерры, въ долинахъ, отравленныхъ дыханьемъ чумы и на ужасныхъ льдахъ Березины!...“

Въ заключеніе, предостерегая другіе славянскіе народы отъ увлеченія симпатіями Запада, польскій публицистъ говоритъ: „мы выпили до дна кубокъ горечи; но этотъ послѣдній опытъ вполне открылъ намъ глаза“ („Wypiliśmy aż do dna kielich goryczy, a doświadczenie ostatnie nie będzie daremne“)...“

Въ такомъ же родѣ вся заграничная польская печать выражала скорбные чувства разочарованія и обиды. А „Dziennik Polityczny“ (№ 67, отъ 24 іюля 1848 г.) прямо скалалъ: „старая пословица „mądry polak po szkodziu“ еще разъ оправдалась, но, кажется, ничему не научила поляковъ“, что, какъ извѣстно, и подтверждалось потомъ не разъ...

III.

Обрисовавъ въ краткихъ чертахъ революціонное броженіе въ предѣлахъ нашей западной окраины, обратимся теперь специально къ Варшавѣ и попытаемся, на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, изобразить положеніе дѣла въ этой столицѣ Царства Польскаго ¹⁾.

Принятія кн. Паскевичемъ мѣры къ охраненію въ Варшавѣ общественнаго порядка и спокойствія заключались въ слѣдующемъ: по улицамъ города были разставлены военные посты, для помѣщенія которыхъ были наскоро сооружены на площадяхъ особые балаганы. Всѣ лавки и въ особенности трактиры, шинки и кофейни (кавярни) прика-

---

¹⁾ Рапорты слѣдственной комиссіи, учрежденной при главнокомандующемъ дѣйств. армію—кн. Паскевичу, отъ 14 (26) сентября, 26 сентября (8 окт.) и 16 (26) ноября 1848 г. за №№ 449, 471 и 556; отъ 24 февр. (8 марта), 3 (15) мая и 27 іюля (8 авг.) 1849 г. за №№ 95, 240 и 312 и отъ 10, 21 и 26 января (7 февр.) 1850 г., за №№ 12, 30 и 39.

Заключеніе полевого аудиторіята отъ 5 августа 1848 г. за № 755.

Дѣло собст. канц. намѣстника въ Царствѣ Польскомъ (2 ст. 2 отд.) 1848 г., № 50 (арх. 16097), ч. 9-я—„объ открытомъ заговорѣ между варшавскими ремесленниками, цѣлью коего было произвести мятежъ 1848 г.“

зано было обяательно закрывать въ 10 час. вечера; къ 11-ти же часамъ на улицахъ уже никого не должно было быть. Всякаго прохожаго, одѣтаго въ „нѣмекое“ платье, приказано было „останавливать“ (за исключеніемъ женщинъ, дѣтей, духовныхъ лицъ, военныхъ, чиновниковъ, одѣтыхъ въ „форменные фраки“ и простолюдиновъ, „въ наружности коихъ не будетъ никакого сомнѣнія“) и отправлять въ особую комиссію, находившуюся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ оберъ-полицеймейстера. Комиссія эта, состоявшая изъ предсѣдателя и шести членовъ, дѣйствовала безостановочно, день и ночь; члены ея смѣнялись каждые восемь часовъ. Доставляемые въ комиссію люди допрашивались: „кто, откуда, куда, зачѣмъ и т. п.“ Если отвѣты были неудовлетворительны, то задержанные отправлялись на гауптвахту, „для дальнѣйшаго распоряженія“. На варшавскихъ же заставахъ останавливали всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ, за исключеніемъ лишь военныхъ и чиновниковъ въ форменномъ платьѣ, если они не возбуждали сомнѣнія, или же не имѣли при себѣ письменныхъ видовъ.

Отъ зоркаго вниманія Паскевича не ускользнуло ни одно обстоятельство, несомнѣстимое съ понятіемъ объ общественномъ порядкѣ и спокойствіи. Такъ напр., объѣзжая въ концѣ марта мѣсяца 1848 г. линію войскъ, разставленныхъ по улицамъ Варшавы, Паскевичъ обратилъ вниманіе на толщы мальчишекъ, бѣжавшихъ впереди него и около свиты. Подъ свѣжимъ, очевидно, впечатлѣніемъ извѣстій о парижскихъ событіяхъ, князь нашель, что „варшавскіе мальчишки—это почти тоже самое, что *gamins de Paris*, отъ которыхъ начинаются всѣ безпорядки“, и потому приказалъ, чтобы „ничего подобнаго“ замѣченной имъ „бѣготнѣ“ „впредь не допускалось полиціею“¹⁾.

Не одни, впрочемъ, гамены нарушали въ городѣ „внѣшній порядокъ и спокойствіе“, 25 апрѣля, напр., нѣкто, оказавшійся потомъ магистромъ философіи и администраціи Іосифомъ Жиховскимъ, служившимъ въ Польскомъ банкѣ, явившись въ 9 часовъ утра въ Свентоянскій кафедральный соборъ (Гага), во время богослуженія, взобрался на находящуюся тамъ гробницу маршала Малаховскаго и, обратясь къ народу, „фанатически сталъ взывать къ возстанію“. Жиховскаго съ большимъ трудомъ удалось арестовать, такъ какъ онъ долго не давался, крича, что скорѣе позволитъ изрубить себя на части, чѣмъ сдастся живымъ. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что Жиховскій страдалъ

---

¹⁾ Сообщ. директора канцеляріи намѣстника въ управленіе варш. воен. ген.-губернатора отъ 28 марта (9 апрѣля) 1848 г., за № 1716.

„маніей изобрѣтенія разныхъ земледѣльческихъ орудій“ и, будучи обремененъ большимъ семействомъ и долгами, находился въ крайней нуждѣ. По его собственнымъ словамъ, желая во чтобы-то ни стало выйти изъ такого положенія, не прибѣгая къ самоубійству, которое считалъ грѣхомъ, онъ рѣшилъ воззвать народъ къ мятежу, надѣясь, если не погибнетъ, приобрести „славу и лучшую будущность“. Жиховскаго сослали въ Сибирь, семья же его, по высочайшему повелѣнію, была вполне обезпечена ¹⁾.

Въ томъ же фарномъ костелѣ,—также, впрочемъ, какъ и въ другихъ костелахъ, шло болѣе осторожное и болѣе умное, если можно такъ выразиться, воззваніе къ мятежу съ церковной кафедры. Въ этомъ отношеніи наиболѣе прославился монахъ бернардинскаго монастыря о. Бенвенуто, послушать котораго сбѣгалась чуть не вся Варшава и относительно котораго власти положительно недоумѣвали: „другъ онъ или врагъ правительства?“ Главной темой проповѣдей Бенвенуто было *общее благо*, ради достиженія котораго каждый вѣрный сынъ католической церкви долженъ быть всегда готовъ пострадать и умереть, какъ Христосъ за грѣхи всего міра... Проповѣди Бенвенуто распространились въ безчисленныхъ рукописныхъ спискахъ съ разными при этомъ комментаріями. Вскорѣ, однакоже, открылось, что Бенвенуто былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ существовавшего въ Варшавѣ революціоннаго общества. Онъ былъ арестованъ и посланъ въ Вологодскую губернію.

Одновременно съ этимъ, въ началѣ карнавала, какой-то дворянинъ Станиславъ Мокржицкій носился съ проектомъ устройства тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью: склоненіе молодежи къ наукамъ и нравственной жизни, „искорененіе“ аристократіи и роскоши, сближеніе съ простымъ народомъ и ремесленниками, заботу о народномъ просвѣщеніи, поддержаніе польской народности и сборъ денежныхъ складокъ на выписку изъ-за границы запрещенныхъ книгъ, необходимыхъ для возбудженія въ Ц. П. революціоннаго духа.

Но въ Варшавѣ уже существовало тайное общество „съ цѣлью подготовленія умовъ къ бунту и возстановленію Польши съ республиканскимъ образомъ правленія“; Мокржицкому оставалось только присоединиться къ нему, что онъ и не замедлилъ сдѣлать.

Это общество было основано чиновникомъ правительственной комиссіи юстиціи Эдуардомъ Домашевскимъ, вслѣд-

---

¹⁾ Рапортъ военнаго министра (по аудиторіатскому департаменту) главнокомандующему дѣйствующей арміею отъ 21 мая 1848 года за № 24 и статья секретаря по дѣламъ Ц. П.—Туркула тому же главнокомандующему отъ 6 (18) октября 1848 г. за № 2312.

ствіе письма уполномоченнаго отъ Ц. П. въ центральномъ демократическомъ комитетѣ въ Позенѣ, польскаго выходца Высоцкаго. Помощниками Домашевскаго были: чиновникъ варшавскаго губернскаго правленія Генрихъ Краевскій и ассессоръ главнаго исправительнаго суда Ромуальдъ Свѣржбинскій. Это было мужское общество, въ отличіе отъ женскаго, находившагося подъ управленіемъ жены редактора одной изъ варшавскихъ газетъ, Анны Скимборовичъ.

Въ мартѣ 1848 года Домашевскій умеръ и мѣсто его занялъ Краевскій, первымъ дѣломъ котораго было объединеніе мужскаго и женскаго общества. Этому, впрочемъ, требовала и сама Анна Скимборовичъ. По ея мнѣнію, „женщина, по врожденному тщеславію, самолюбію и зависти, не можетъ имѣть успѣшнаго вліянія на женщинъ; съ соединеніемъ же обоихъ обществъ, женщины принесутъ дѣлу гораздо больше пользы, чѣмъ если бы онѣ дѣйствовали отдѣльно отъ мужчинъ“. Съ этого времени общество стало называться „главнымъ“, а по всему краю была разбросана цѣлая сеть филиальныхъ отдѣленій его.¹⁾

Краевскій и его помощникъ Свѣржбинскій, были воспитанники Московскаго университета, одновременно поступившіе въ него въ 1842 году и одновременно кончившіе курсъ. Вмѣстѣ же они и были арестованы въ 1850 году.

Къ варшавскому тайному обществу принадлежали люди разныхъ званій и профессій: свѣтскіе и духовные, ученики реальной гимназіи и художественной школы, фармацевты, ремесленники, аппиканты и чиновники разныхъ казенныхъ управленій гражданскаго вѣдомства. Всѣ они дѣлились на разряды, при чемъ члены низшихъ разрядовъ знали о „дѣлѣ“ только то, что имъ полагалось знать. Вмѣсто фамилій каждый членъ общества носилъ извѣстный номеръ или же обозначался инициалами своего имени и фамиліи. Вообще, организація этого общества была устроена по такъ называемой цѣпной системѣ (Ketten-system).

Каждому члену вмѣнялось въ обязанность распространять въ своей средѣ „демократическія правила“, сблизаться съ ремесленниками и простымъ народомъ и всячески возбуждать въ нихъ негодованіе противъ русскаго правитель-

---

¹⁾ Повидимому, организаторы этихъ обществъ слѣдовали масонской тактикѣ. Тальмейеръ (*La Franc-Maçonnerie et la Révolution Française, Paris, 1904*) говоритъ, что въ программу масоновъ входитъ учрежденіе не только мужскихъ, но и женскихъ обществъ, при чемъ, подобно „братьямъ“, „сестры“ дѣлятся на два разряда: первый состоитъ изъ добродѣтельныхъ женщинъ (*de femmes vertueuses*), а второй — изъ легкомысленныхъ вѣтренныхъ и проч. (*de femmes volages, légères, voluptueuses*).

ства. Между прочимъ, помѣщикамъ рекомендовалось ласковое обращеніе съ крестьянами и предоставленіе имъ разныхъ льготъ, а также водвореніе между ними братской любви. Духовенству же вмѣнялось въ священную обязанность готовить народные умы къ возстанію, пользуясь для этого исповѣдью „и другими средствами“. Свиданія членовъ общества происходили въ Саксонскомъ саду, въ Лазенковскомъ паркѣ, въ кавярняхъ и тому подобныхъ мѣстахъ.

Сначала предполагалось поднять знамя мятежа въ 1848 году, когда отряды Мѣрославскаго вторглись бы въ предѣлы Ц. П.; затѣмъ дѣло пришлось отложить и ждать возстанія въ Галиціи, а на послѣдокъ—рѣшено было воспользоваться отправленіемъ нашихъ войскъ для усмиренія венгерцевъ.

Недостатка въ оружіи не предвидѣлось. Между прочимъ, грубешовскій приходскій ксендзъ, каноникъ Трошинскій доносилъ „главному обществу“, что беретъ, при содѣйствіи какого-то еврея, заготовить оружіе и скрывать его, до востребованія, вблизи звстрійской границы. Тогда же главное общество вошло въ сношеніе съ настоятелями монастырей относительно принятія и храненія тюковъ съ оружіемъ и военною аммунициею. Съ этою же цѣлью Краевскій распорядился пріисканіемъ безопаснаго мѣста вблизи самой Варшавы, а также вошелъ въ сношеніе съ позенскимъ центральнымъ комитетомъ о присылкѣ въ край опытныхъ въ военномъ искусствѣ людей для предводительствованія отрядами повстанцевъ.

Всѣ сношенія съ заграничными организаціями производились, главнымъ образомъ, при посредствѣ служащихъ въ управленіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги, а также при посредствѣ дѣвицы Лисовской, поселившейся у приходского ксендза въ пограничномъ австрійскомъ городкѣ Мысловицахъ. Лисовская же содѣйствовала переходу разныхъ лицъ черезъ границу и располагала большими суммами денегъ и связями съ французскими и нѣмецкими „пропагандами“. Подъ ея же адресомъ шла переписка варшавскихъ революціонеровъ съ Краковомъ, Галиціей и Буковиной.

Переписка вообще велась при помощи симпатическихъ чернилъ и особаго шрифта. Между прочимъ, весьма оригинальный шрифтъ употреблялся при сношеніяхъ съ лицами, содержавшимися въ Александровской цитадели. Эти лица получали по субботамъ бѣлье изъ дому. И вотъ на швахъ этого бѣлья вышивались бѣлыми нитками особые знаки: точки, тире, и проч., вродѣ телеграфическихъ. При помощи такихъ знаковъ заключеннымъ сообщались разные свѣдѣнія,

которыми тѣ и пользовались при допросахъ, соображая съ ними свои показанія.

Конечно, вышивание этихъ узоровъ составляло одно изъ специальныхъ занятій дамъ и дѣвицъ, принадлежавшихъ къ тайному обществу. Къ слову сказать, на обязанности дамъ лежало еще возбужденіе въ обществѣ патріотическаго энтузіазма и сборъ денежныхъ складокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ проявили въ этомъ отношеніи необычайное усердіе и имена ихъ, безъ сомнѣнія, перешли въ исторію. Такова была, напр., дочь помѣщика люблинской губерніи, Паулина Збышевская, 27 лѣтъ отъ роду, извѣстная подъ именемъ „фиксатки“. Она проповѣдывала, что русское правительство стремится къ порабощенію и уничтоженію польской народности; что съ этою цѣлью оно все болѣе и болѣе приводитъ Ц. П. въ нищету необыкновенными податями и рекрутскими наборами, и кромѣ того возбуждаетъ въ крестьянахъ ненависть къ помѣщикамъ. „Но рано или поздно — прибавляла Збышевская—Польша свергнетъ съ себя ненавистное иго: ибо, хотя она и раздѣлена теперь на части и поляки разсѣяны по всѣмъ странамъ, но достаточно малѣйшаго благоприятнаго случая—и всѣ поляки снова соединятся“...

Въ 1846 году, Збышевская, находясь въ Познани, гдѣ ее предполагали назначить начальницей польскаго патріотическаго института, обнаружила столь „вредныя правила, въ родѣ ультра-демократическомъ и сенъ-симонистскомъ“, что познанскіе обыватели, въ видахъ предохраненія своихъ семействъ отъ вреднаго вліянія Збышевской, просили правительство о высылкѣ ея изъ края, что и было исполнено. Вслѣдъ затѣмъ, во время пребыванія Збышевской въ Римѣ, съ больнымъ отцомъ, она познакомилась съ польскимъ выходцомъ Веліогловскимъ, который сталъ проповѣдывать ей о всеобщемъ счастьи людей и о безграничной любви и милосердіи, называя это католическимъ демократизмомъ. Съ тѣхъ поръ Збышевская постоянно употребляла слова: „братство“, „братья“, „сестры“ и т. п., принятыя въ то время всѣми демократами. Общее счастье, по мнѣнію Збышевской, заключалось въ неограниченной благотворительности, съ одной стороны, и неограниченной благодарности, съ другой. Но въ то же время это нисколько не мѣшало ей твердить о необходимости убійствъ. Она даже выражала готовность посягнуть на жизнь императора Николая I, во время пребыванія государя въ Варшавѣ.

Въ такомъ же родѣ была дѣвица Нарцисса Змиховская, бывшая гувернантка въ семействѣ графини Замойской, съ которою одно время жила заграницею. Змиховская занималась и литературой, выводя въ своихъ повѣ-

стяхъ („Poganka“, „Przy kominkowym ognisku“ и др.) героевъ „изъ самаго низшаго класса“, „облекая ихъ несвойственнымъ имъ характеромъ и приписывая имъ неимовѣрныя доблести“.

Свою ненависть къ русскимъ Змиховская простирала до того, что не могла даже слышать, когда при ней говорили о попечительной заботливости правительства о воспитаніи и прокормленіи сиротъ, а также о выдаваемыхъ правительствомъ пособіяхъ и вспомошествованіяхъ полякамъ-бѣднякамъ. „Представьте себѣ—говорила она,—эти варвары-москали дають и деньги, и пріютъ, и воспитаніе!..“

Какъ Збышевская, такъ и Змиховская, обѣ находились въ сношеніяхъ съ извѣстнымъ демагогомъ Либелтомъ, а также съ Бакунинымъ. Въ октябрѣ 1848 года онѣ были арестованы и заключены въ люблинскій монастырь кармелитокъ.

Въ Люблинѣ, кромѣ этого монастыря, были еще два: визитокъ и бернардинокъ (упраздненный), въ стѣнахъ которыхъ были заключены, между прочимъ, Анна Скимборовичъ, Евдокія Развадовская и другія революционерки. Для приспособленія монастырскихъ келій къ содержанію въ нихъ этихъ дамъ было ассигновано 700 рублей ассигнаціями. Помѣщенія вышли очень приличными, но губернаторъ распорядился устроить въ окнахъ рѣшетки, чтобы которая либо изъ дамъ „не выпала изъ окна.“ Князь Паскевичъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ немедленно снять рѣшетки.

Тогда же была составлена особая инструкція для заведыванія политическими арестантами, въ которой жандармскому офицеру и караулу предписывалось самое деликатное обращеніе съ дамами.

Благодаря такой любезности со стороны властей, Збышевская и Змиховская, возвращаясь каждый разъ съ допроса или же прогуливаясь, по одиночкѣ, по монастырскому корридору, громко пѣли и произносили французскія фразы, обмѣниваясь такимъ способомъ своими мыслями и давая другъ другу разные совѣты,—къ величайшему, понятно, огорченію жандармовъ, деликатно упрасивавшихъ дамъ не дѣлать этого ¹⁾.

---

¹⁾ Предписанія князя Паскевича Люблинскому гражданскому губернатору отъ 5 (17) и 16 (28) октября 1848 года за №№ 218С и 2232. Рапорты Люблинскаго гражданскаго губернатора кн. Паскевичу отъ 7 (19) октября и 29 октября (10 ноября), 17 (29) ноября и 23 декабря (9 января) 1848 г. за №№ 140, 143, 155 и 159 и военнаго начальника Люблинской губерніи кн. Паскевичу отъ 15 (27) октября 1849 г. за № 1052, а так-

Между прочимъ, по поводу арестованія Збышевской произошла слѣдующій инцидентъ между кн. Паскевичемъ и Люблинскимъ предводителемъ дворянства, гр. Езерскимъ. Послѣдній, желая во чтобы то ни стало обѣлечь Збышевскую, написалъ князю Паскевичу письмо, начинавшееся словами: „Les veritables amis des princes sont ceux qui ne leur cachent point la verité...“ На это кн. Паскевичъ, отъ 3 (15) марта 1850 г. за № 284, отвѣтилъ: „По усильному представствству вашего сіятельства въ пользу Павлины Збышевской, посаженной, по приказанію моему, въ зданіи одного изъ Люблинскихъ женскихъ монастырей для снятія показаній по обвиненіямъ ея въ злоумышленныхъ противуобщественнаго порядка дѣствіяхъ, соглашаясь отпустить ее въ домъ ея родителей, я въ то же время приказалъ вручить вамъ записку, объясняющую обвиненія на эту женщину падающія, чтобы вы могли видѣть, сколь мало она заслуживаетъ того участія, какое вы въ ея положеніи принимаете. Иной цѣли въ сообщеніи вамъ этой записки быть не могло, ибо ни разсмотрѣніе, ни сужденіе о дѣствіяхъ этой женщины къ вамъ, по званію губернскаго предводителя, не относится. Несмотря на то, вы рѣшились войти ко мнѣ съ формальнымъ по этому дѣлу рапортомъ, въ которомъ осуждая, по всѣмъ статьямъ обвиненій, заключеніе комиссіи и давъ полную вѣру однимъ рассказамъ Збышевской, утверждаете, что она не только невинна, но по богобоязливости едва ли не святая. Съ такимъ въ пользу ея предубѣжденіемъ вы даже не видите вины ея и въ томъ, что она охудала поступокъ добраго поселянина, открывшаго кровожадные замыслы извѣстнаго Спѣгеннаго ¹⁾, не смотря на то, что замыслы эти имѣли цѣлью истребленіе вашихъ собратій, владѣльцевъ земскихъ имѣній и что одна только бдительность мѣстныхъ властей спасла здѣшній край отъ участи, подобной той, какая постигла Галицію. Поэтому, возвращая вамъ рапортъ, подача котораго показываетъ, что вы еще недостаточно ознакомлены съ обязанностями и правами новой вашей должности, предписываю впредь съ подобными рапортами ко мнѣ не входить, помня, что только бдительность, съ какою правительство преслѣдуетъ *безпрерывный* (курсивъ нашъ) въ здѣшнемъ краѣ заговоръ, сохраняетъ въ ономъ

же сообщенія слѣдственной комиссіи, учрежденной при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей директору канцеляріи намѣстника отъ 11 (23) января 1849 г. за № 36.

¹⁾ См. „Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства“ (1846—1848 г.г.).

порядокъ, который при малѣйшемъ послабленіи былъ бы давно нарушенъ“.

Въ данное время, впрочемъ, если основываться на показаніяхъ Генриха Краевского и Ромуальда Свѣржбинскаго, „вредныя правила“ были заносимы въ Ц. П. не столько изъ за границы, сколько изъ Москвы¹⁾.

По словамъ этихъ заправиль, всѣ уроженцы Ц. П., поступающіе въ Московскій университетъ, старались поддерживать самыя близкія отношенія не только между собою, но и съ своими русскими товарищами, „такъ какъ тѣхъ и другихъ объединяла панславистская идея.“ При этомъ Свѣржбинскій увѣрялъ, что онъ и его польскіе коллеги впервые познакомились съ запрещенными сочиненіями именно въ Москвѣ.

Прекрасной иллюстраціей дружескихъ отношеній, существовавшихъ въ то время въ университетѣ между студентами поляками и русскими, можетъ служить слѣдующее письмо, полученное Краевскимъ изъ г. Владиміра отъ его университетскаго товарища, нѣкоего Гаврилова (отъ 29 августа (10 сентября) 1846 г.): „Любезный Краевскій! На дняхъ получилъ я ваше письмо. Почта не такъ то исправна, и въ добавокъ получилъ его подпечатанное...“ Выразивъ затѣмъ сожалѣніе, что имъ не удалось проститься при отъѣздѣ изъ Москвы, Гавриловъ продолжаетъ: „я думаю, чувство, испытанное вами при выѣздѣ изъ Москвы, болѣе или менѣе, испыталъ всякій изъ насъ, расставаясь съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ судьба на четыре года соединила людей со всѣхъ концовъ Руси, чтобы потомъ разлучить ихъ, быть можетъ, навсегда, — съ мѣстомъ, которое такъ много дало сѣмянъ духовнаго развитія, такъ много добраго для жизни.. Напрасно вы думаете, что то, что интересуетъ васъ, можетъ быть чуждо мнѣ; правда мы поставлены совершенно различно въ нашихъ отношеніяхъ къ странѣ, къ государству и къ обществу,—такъ различно, что я не могу вполне чувствовать въ этихъ отношеніяхъ то, что вы чувствуете; но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что вы настолько знаете меня, чтобы вѣрить, что я понимаю и даже отчасти (хотя не вполне) раздѣляю ихъ,—на столько, на сколько это возможно при различіи нашихъ положеній. Я—русскій, вы—полякъ, но мы оба—люди. Въ доказательство этого, я буду вамъ

¹⁾ Сообщеніе кн. Паскевича шефу жандармовъ, гр. А. Ф. Орлову отъ 17 (29) марта 1850 г. за № 371 и отъ 3 (15) мая 1852 г. за № 551 и министру народнаго просвѣщенія кн. П. А. Ширинскому-Шахматову отъ 3 (15) мая 1852 г. за № 552.

говорить о томъ, что меня интересуеъ, какъ русскаго, ибо я вѣрю, что вы примете въ этомъ участіе..." Далѣе Гавриловъ описываетъ, какъ онъ провель лѣто, говоритъ о своей диссертаци, высказываетъ разныя соображенія о томъ, гдѣ ему было бы выгоднѣе и пріятнѣе служить: въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ или Владимірѣ; затѣмъ сообщаетъ о свадьбѣ сестры, вышедшей замужъ за чиновника служившаго у князя Воронцова, о предстоящемъ ей отъѣздѣ въ Грузію, и, наконецъ, рисуеъ жизнь провинціального общества

„....О нашемъ обществѣ можно развѣ сказать только, что оно довольно испорчено. Всѣ вопросы здѣсь глухи; иныхъ интересовъ, кромѣ непреходимо-эгоистичныхъ, нѣтъ, и эгоизмъ то этогъ какой то животный, глупый и недалній. Религіозныя начала въ состояніи глубокаго распада; общество само въ себѣ почти восточно-замкнуто, заключено; живое движеніе до него не доходитъ, или, доходя, извращается. Кстати, расскажу вамъ маленькій анекдотъ. Разъ, бывши въ одномъ знакомомъ домѣ, я попалъ на общество нѣсколькихъ особъ, занимавшееся религіозными разсужденіями. Ввязавшись какъ то въ разговоръ, я сказалъ два или три слова о современныхъ религіозныхъ движеніяхъ и, между прочимъ, разсказалъ то, что я слышалъ въ Москвѣ еще отъ Кавелина объ Мессинистахъ (?) и Мессіи, сынѣ актрисы Рашель (?), что, вѣроятно, и вы слышали. Только что я сказалъ объ этомъ двухлѣтнемъ Мессіи, какъ двѣ старухи воскликнули: „отецъ мой,—да это антихристъ!“ (Не знаю, есть ли въ католическомъ исповѣданіи это мистическое лицо). И смѣшнѣе то, что нѣкоторые старухи не на шутку испугались этого..." 1). „Слу-

---

1) Этотъ анекдотъ о двухлѣтнемъ Мессіи весьма любопытенъ; но, къ сожалѣнію, у насъ не имѣется къ нему никакихъ разъясненій. Позволительно однакоже, предположить слѣдующее: знаменитая артистка Рашель, по происхожденію еврейка, находилась въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Александромъ Валевскимъ—сыномъ Наполеона I и извѣстной красавицы, польской графини Валевской. Этотъ Валевскій игралъ большую роль въ польскомъ вопросѣ. Адъютантъ Хлопицкаго во время мятежа 1831 г., затѣмъ польскій дипломатическій агентъ въ Англіи и, наконецъ, по принятіи французскаго подданства, министръ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, онъ всѣми силами старался о восстановленіи Польши. По поводу отношеній его къ Рашели, авторъ книги „Un Anglais à Paris“ говоритъ: „это былъ единственный человѣкъ, который внушалъ Рашели искренню любовь (une sincère affection).“ Тотъ же авторъ упоминаетъ о томъ, что когда, однажды въ присутствіи Жоржъ-Зандъ зашелъ разговоръ объ увлеченіи Валевскаго, то знаменитая писательница сказала: „Я понимаю это, коммерція Рашели должна усюконтельно вліять на духъ Валевскаго.“ Если при этомъ вспомнить, что, по ученію Мицкевича, „неземныя силы“ уже были воплощены въ Наполеонидахъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что роль Мессіи была

жебный классъ теперь сильно расшевеленъ слѣдствіями разсмотрѣнія формулярныхъ списковъ, которыя были требуемы въ апрѣлѣ, кажется. Результатомъ этого явилось то, что всѣхъ бывшихъ подъ судомъ и неоправданныхъ удаляютъ отъ должностей, вслѣдствіе чего, разумѣется, много вакансій. Говорятъ, что многіе изъ отставленныхъ, не имѣя средствъ къ существованію, подали просьбы на высочайшее имя, но были непримѣтнымъ образомъ прочувены за докучливость...“ Вслѣдствіе же разсмотрѣнія формуляровъ требуютъ иногда объясненій у чиновниковъ, откуда они нажили имѣніе. У нашего полицеймейстера, старика, сорокъ лѣтъ служившаго, потребовали объясненія, откуда онъ взялъ единственную благопріобрѣтенную свою душу (т. е. ревизскую, а не его индивидуальную); онъ отвѣчалъ, что когда онъ лежалъ раненый, то ему кто то изъ сожалѣнія подарилъ.

„Идетъ весьма строгій переборъ правамъ на дворянство; хватились, наконецъ, что надо не расплывать, а уменьшать тунейдцевъ...“ При этомъ Гавриловъ высказываетъ предположеніе, не имѣть ли послѣдняя мѣра цѣлью только „увеличеніе податного состоянія, т. е. податныхъ единицъ, платящихъ подати..“

Вопросъ о крестьянской свободѣ рѣшительно еще не пробужденъ въ нашихъ краяхъ; на крестьянъ смотреть

предоставлена мессіанистами сыну Рашели. Тутъ, кстати, заодно получили Мессію и поляки и евреи.

Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что мессіанисты, очевидно, забывали о томъ, что у евреевъ уже давно былъ свой собственный Мессія. По крайней мѣрѣ, Генрихъ Гейне, въ статьѣ о „Людвигъ Берне“, рассказываетъ, со словъ краковского великаго раввина Манассе бенъ-Нафтали, цѣлую исторію объ этомъ Мессіи-Освободителѣ всего человѣчества.

Оказывается, что еврейскій Мессія родился въ тотъ самый день, когда Титъ Веспасіанъ разрушилъ Іерусалимъ и съ тѣхъ поръ живетъ въ превосходнѣйшемъ дворцѣ неба, окруженный блескомъ и радостью, съ короною на головѣ, совсѣмъ... какъ король... только руки его скованы золотыми цѣпями... Онъ необыкновенно красивъ, строенъ, силенъ. Время проводитъ въ изученіи к а б а л ы... Добрый и ласковый вообще, онъ бываетъ ужасно гнѣвенъ, когда узнаетъ отъ своего стараго капцлера о притѣсненіяхъ еврейскаго народа. Онъ поднимаетъ тогда такой крикъ, что небо дрожитъ. Четыре дюжихъ совѣтника едва въ состояніи удержать его, чтобы онъ не послѣшилъ на землю, и, конечно, имъ бы не справиться съ нимъ, не будь его руки, до поры до-времени, скованы золотыми цѣпями..

„О, не отчаявайся, прекрасный Мессія—заключаетъ Гейне свое повѣствованіе,—ты, желающій освободить не только дѣтей Израіля, какъ воображаютъ суевѣрные евреи, но и все страждущее человѣчество! О, не разрывайте золотыя цѣпи! О, держите его еще нѣкоторое время скованнымъ, чтобы онъ не пришелъ слишкомъ рано, этотъ освободитель!..“

Вотъ онъ гдѣ—настоящій Мессія!

еще по большей части только какъ на вещи, доходъ приносящія, и даже готовы порицать правительство за всякую мѣру къ этому, какъ за покушеніе на ихъ частныя права...“

Въ заключеніе письма говорится о новомъ уголовномъ уложеніи и о заимствованныхъ изъ западнаго законодательства позорномъ столбѣ, черномъ покрывалѣ и проч.

„Во время революціи 1848 г.—говоритъ проф. Е. Бобровъ ¹⁾,—Московскій университетъ [былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ социальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человекъ, доставали всѣ запрещенныя газеты и брошюры, шли оживленные толки...“

Но не однѣ запрещенныя книги и газеты вліяли на образованіе политическихъ и общественныхъ взглядовъ студентовъ,—вліяли на нихъ также лекціи московскихъ профессоровъ.

Изъ показаній Ромуальда Свѣржбинскаго, между прочимъ, выяснилось, что „по стремленію къ панславизму“ нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ, главнымъ образомъ Шевырева и Бодянскаго, поляки убѣдились въ томъ, что принадлежа къ большому славянскому племени и какъ дѣти одной матери, они должны, отвергнувъ всѣ мѣстные споры и древнюю историческую ненависть, соединить силы свои съ цѣлью общаго освобожденія отъ преобладанія нѣмцевъ и другихъ иноплеменниковъ ²⁾.

По словамъ Свѣржбинскаго, профессора Московскаго университета представляли собою двѣ отдѣльныя партіи: славянскую и европейскую или западную. Представителями первой были Бодянский и Шевыревъ, а второй—Рѣдкинъ, Крюковъ и Кавелинъ. Что касается другихъ профессоровъ, то они „наклонялись“ къ той или другой партіи, или же вовсе „устранялись отъ нихъ.“

Органомъ славянской партіи былъ журналъ „Москвитянинъ“, органомъ же европейской партіи—„Отечественныя записки.“

---

¹⁾ Проф. Е. Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ III-й. Казань, 1902.

²⁾ Письмо кн. Паскевича къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ Орлову отъ 17 (29) марта 1850 г. за № 671.

„Мысль, оживотворявшую первую партію, можно было бы назвать панславизмомъ, разумѣя подъ этимъ стремленіе къ соединенію всѣхъ славянскихъ народовъ... Для достиженія этой цѣли нужно было сперва уничтожить историческую ненависть, разъединяющую славянскіе народы,— и потому профессора этой партіи старались убѣдить студентовъ, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, что всѣ они— дѣти одного великаго народа, что они не русскіе и не поляки, а славяне..

Этотъ панславизмъ проповѣдывался не только на обыкновенныхъ университетскихъ лекціяхъ, но и на публичныхъ... Между прочимъ, Шевыревъ на одной изъ публичныхъ лекцій говорилъ, что въ средніе вѣка главными представителями славянскаго народа были богемцы (чехи) и поляки, теперь же такою представительницею является Россія; „но что было бы желательно, чтобы всѣ славянскія племена развивались отдѣльно, ибо, такимъ образомъ, не потеряли бы своей древней народности, а тѣмъ самымъ и развитіе славянизма сдѣлалось бы всестороннимъ и богатымъ.“

„Эта лекція произвела фуроръ.“

По словамъ Свѣржбинскаго, профессоръ Шевыревъ былъ столь глубоко проникнутъ одушевлявшимъ его панславизмомъ, что держалъ у себя одного поляка и одного чеха, „для того, чтобы, вмѣстѣ съ своею особою, всегда имѣть при себѣ представителей трехъ величайшихъ славянскихъ народовъ.“

Приглашенный Шевыревымъ „богемецъ изъ Пражскаго университета“ назывался Гавличекъ, „тотъ самый— поясняетъ Свѣржбинскій,—который, какъ кажется, принималъ большое участіе въ засѣданіяхъ, происходившихъ въ богемской Прагѣ въ 1848 г.“. Гавличка выслали въ Москву извѣстные панслависты Ганка, Шафарикъ и другіе... Онъ самъ неоднократно намекалъ въ разговорахъ, что находится въ Москвѣ ради политическихъ цѣлей. Между прочимъ, Гавличекъ старался возбуждать въ студентахъ ненависть къ нѣмцамъ—врагамъ славянства. Въ 1848 году онъ уѣхалъ въ Прагу, побывавъ проездомъ въ Варшавѣ ¹⁾.

---

¹⁾ По словамъ проф. А. А. Кочубинскаго (И. Шафарикъ, Вѣст. Евр., 1906, май), Гавличекъ—впослѣдствіи знаменитый чешскій публицистъ—въ описываемое время былъ воспитателемъ у Шевырева. Былъ очень друженъ съ Бодянскимъ. Онъ весьма язвительно подтрунивалъ надъ славянофилами и ихъ патриотизмомъ, выражавшимся, по его словамъ, главнымъ образомъ, въ ношеніи фантастическихъ русскихъ костюмовъ. Панславизмъ онъ называлъ „панмедвѣдизмомъ“. Разойдясь съ Бодянскимъ, Гавличекъ сейчасъ же уѣхалъ въ Австрію.

„Хотя партія панславизма—замѣчаетъ Свѣржбинскій—никогда не выступала противъ правительства, однакоже объясненіями общинной жизни древнихъ славянъ убѣждала слушателей, что федеративно-республиканскій строй представлялся самою естественною формою государственнаго устройства славянъ.“

Что касается „европейской партіи“, то, въ сущности, вся разница между нею и панславистскою партіей заключалась лишь въ характерѣ отношеній къ западу: панслависты проповѣдывали ненависть къ нему, а европейцы—любовь.

„Европейская партія—говоритъ Свѣржбинскій—находила болѣе отголоска, какъ въ русскихъ, такъ и въ полякахъ, и мысль о возможности идеальнаго объединенія славянъ, общая обѣимъ партіямъ, сдѣлалась политическимъ убѣжденіемъ студентовъ. Наконецъ, дружба, возникшая между поляками и русскими на университетской скамьѣ, „удостоверила польскихъ уроженцевъ, что русскіе достойны названія соотечественниковъ и что съ ними можно жить въ соединеніи, не теряя собственной народности.. Все это убѣждало польскихъ студентовъ въ необходимости федеративнаго соединенія славянъ, и съ этимъ убѣжденіемъ возвратились они изъ Московскаго университета въ Царство Польское..“

Весьма возможно, конечно, что польская молодежь, вполне искренно увлекалась на университетской скамьѣ мечтами о славянской федерации. и каждый изъ юношей быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ воскликнуть, вмѣстѣ съ Колларомъ: „Соединимся жъ всѣ мы безъ изъятія: Сербъ, Русскій, Чехъ, Болгаръ, Полякъ, одинъ къ другому кинемся въ объятія; одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ! Забудемъ все, что было, будемъ братья!“

При томъ же, славянская идея, какъ извѣстно, довольно усердно поддерживалась многочисленными славянофильскими кружками, а также кievскимъ кирилло-меѳодіевскимъ братствомъ и дѣйствовавшими въ славянскихъ земляхъ „Матицами“¹⁾; но, вѣдь, давно уже извѣстно, что

---

¹⁾ Алекс. Ив. Кошелевъ въ 1857 году писалъ объ этихъ „Матицахъ“: „Положеніе славянъ очень грустно: великая апатія; полное разединеніе между славянскими народами. Дѣятельность „Матиць“ слабая.. Изъ нихъ самая дѣятельная—„Матица“ чешская, моравская, „Матица“ находится въ рукахъ католиковъ и они направили ее къ своей цѣли, Галицко-русская „Матица“ во Львовѣ и иллирійская въ Загребѣ дѣйствуютъ порядочно. Сербская—въ Пестѣ и славянская—въ Клагенфуртѣ—чуть дышатъ. (Записки Алекс. Иван. Кошелева. Всемирный Вѣстникъ. 1906, августъ).

между славянами никогда не бывало согласія. Превосходнымъ доказательствомъ этой истины можетъ служить хотя бы славянскій конгрессъ въ Прагѣ въ 1848 году.

Въ эту эпоху южнымъ славянамъ какъ разъ улыбалась возможность созданія славянской Австріи, — чему, въ виду сепаратистскихъ стремленій нѣмцевъ, венгровъ и итальянцевъ, сочувствовало и само австрійское правительство, или, вѣрнѣе, та часть его, которая еще вѣрила въ возможность сохранить цѣлость австрійской имперіи и работала для этой цѣли, не увлекаясь идеею германскаго единства¹⁾.

Вслѣдствіе этого, съ цѣлью обсужденія вопросовъ, касавшихся будущаго устройства, австрійскихъ славянъ, въ случаѣ распаденія Австріи, былъ, по мысли, зародившейся въ Загребѣ, созванъ конгрессъ представителей славянскихъ народностей, при чемъ въ воззваніи „ко всѣмъ славянамъ австрійской имперіи“ сдѣлано было маленькое добавленіе, что славяне изъ другихъ, не-австрійскихъ земель, которые захотятъ присутствовать на съѣздѣ, будутъ приняты съ радостью, какъ дорогіе гости.

1 іюня 1848 года въ Прагѣ, при чрезвычайно торжественной обстановкѣ и послѣ богослуженія въ храмѣ свв. Кирилла и Мееодія, былъ открытъ славянскій конгрессъ. Великолѣпный залъ на Софійскомъ островѣ, гдѣ должны были происходить засѣданія конгресса, былъ роскошно убранъ цвѣтами, славянскими гербами и хоругвями. Чехи явились въ своихъ красивыхъ національныхъ костюмахъ, словаки въ бѣлыхъ сукманахъ, сербы въ красныхъ фескахъ, поляки въ кунтушахъ и чамаркахъ, русины, хорваты, далматинцы... всѣ въ своихъ характерныхъ народныхъ костюмахъ. На галлерейхъ пестрѣли старославянскія уборы дамъ и дѣвицъ; масса лентъ, цвѣтовъ и кружевъ... „Wyły tam nowe Własty i Libusze przy kindzałach i pistoletach“; были Шафарикъ, Палацкій, Вукъ, Караджичъ, Штуръ и другіе не менѣ видные представители науки, литературы, земства, мѣщанства... Одни говорили по-чешски, другіе по-хорватски, третьи по-польски и т. д. Лелевель не могъ прибыть, но прислалъ письмо, въ которомъ, горячо при- вѣтствуя идею славянской федераціи, требовалъ недопущенія на конгрессъ напыля „московскихъ славянъ“²⁾, очевидно забывая о тѣхъ краснорѣчивыхъ фразахъ о братствѣ народовъ, какими еще недавно поражалъ міръ на

---

¹⁾ П. Ровинскій. Чехи въ 1848 и 1849 годахъ. Вѣстникъ Европы, 1870 г., январь.

²⁾ „Dziennik polityczny“ отъ 24 іюня 1848 г., № 44 „Jutrzenka“, отъ 24 іюня 1848 г., № 71.

страницахъ „L’Emancipation“, а также о томъ, что настоящимъ московскимъ славянамъ, собственно говоря, нечего было бы и дѣлать на Пражскомъ конгрессѣ...

„Но одновременно съ этими отборными людьми австрийскаго славянства—говорить Ровинскій, цитируя слова Иречека—прибыла многочисленная стая птицъ бури, которая всегда предвѣщаетъ близость сильной грозы. Это были, гладенькіе съ виду, люди, которые держались, какъ вообще поляки, и придравшись къ добавленію въ концѣ воззванія, явились на славянскій конгрессъ, несмотря на то, что ихъ никто не зналъ и не могъ указать, какое собственно призваніе они могутъ здѣсь выполнить. Русскій Бакунинъ и познанскій полякъ Либельтъ были ихъ вожаками“...

Дѣйствительно, гроза не замедлила разразиться и—потопить въ крови всѣ мечтанія юго-западныхъ славянъ..

IV.

По плану, составленному варшавскими заговорщиками, предполагалось въ великую субботу ночью, по сигналу со всѣхъ костельныхъ колоколенъ, напасть на гауптвахты, устроенныя въ разныхъ частяхъ Варшавы и, обезоруживъ находившіеся тамъ особые дозорные отряды, состоявшіе изъ пѣхоты и кавалеріи, произвести избіеніе въ городѣ всѣхъ „значительнѣйшихъ“ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Имя главнаго директора правительственной комиссіи финансовъ, сенатора Моравскаго, стояло первымъ въ спискѣ намѣченныхъ жертвъ этой варшавской ночи. Что касается намѣстника, то умерщвленіе его ставилось въ связь со взятіемъ б. королевскаго замка ¹⁾.

Для того же, чтобы находившаяся въ Лазенкахъ кавалерія не могла помѣшать осуществленію этого плана, предполагалось моментально воздвигнуть цѣлый рядъ баррикадъ на улицѣ Новый Свѣтъ и на другихъ, ведущихъ изъ Лазенокъ въ городъ. Одновременно съ этимъ особый отрядъ повстанцевъ долженъ былъ напасть на Александровскую цитадель, со стороны Пулькова...

Это былъ часъ, въ который, по общему сигналу, должна была подняться вся Польша, одновременно съ вторженіемъ въ предѣлы Царства Польскаго повстанскихъ от-

---

¹⁾ Между прочимъ. въ Позенѣ былъ заблаговременно напечатанъ именной списокъ 500 лицъ, предназначенныхъ къ повѣшенію по занятіи Варшавы мятежниками (Рапортъ слѣдственной комиссіи, учрежд. при намѣстн. и главноком. дѣйств. арміею — кн. Паскевичу отъ 21 января (2 февр.) 1850 г. за № 30).

рядовъ, подъ предводительствомъ Мѣрославскаго и Домбровскаго. Къ этимъ отрядамъ немедленно же присоединилась вся мѣстная молодежь, оставшаяся въ краѣ, а помѣщики, со своими крестьянами, вооруженными косами, должны были какъ можно скорѣе спѣшить къ Варшавѣ...

Заговоръ, однакоже, былъ открытъ, а вторженіе повстанскихъ отрядовъ со стороны Калиша не удалось ¹⁾.

Въ Варшавѣ было схвачено нѣсколько мастеровъ, тайно приготавливавшихъ палки съ кинжалами и шпагами; но добиться отъ нихъ указанія главарей не удалось, такъ какъ каждый зналъ лишь троихъ и много пятерыхъ изъ своихъ соумышленниковъ, „какъ это было установлено правилами *новаго масонства*“, то есть тайною революціонною организациею ²⁾.

Впрочемъ, разоблаченіе всѣхъ нитей заговора было лишь дѣломъ времени и энергіи административныхъ и судебныхныхъ властей...

Первая неудача не охладила заговорщиковъ и вскорѣ же сдѣлалось извѣстнымъ, что возстаніе назначено на 5 мая; но когда оказалось, что и это невозможно, то отъ Мѣрославскаго было получено сообщеніе, въ которомъ говорилось, что „еще не настало время для общаго возстанія во всѣхъ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, какъ-то: на Литвѣ, Подоли, Волыни, Украинѣ, въ Галиціи и Познани“, и потому—„въ Варшавѣ должны сидѣть смирно и не начинать бунта“. Впослѣдствіи уже было рѣшено воспользоваться моментомъ отправленія нашихъ войскъ въ Венгрію, при чемъ, неизвѣстно, на какомъ основаніи, выражалась положительная увѣренность, что „москали непременно будутъ разбиты венгерцами“.

Въ польскомъ обществѣ говорилось, что нужно спѣшить воспользоваться происходившимъ въ Европѣ замѣшательствомъ: „если мы теперь потеряемъ такой удобный случай, то намъ придется уже навсегда проститься съ мечтою о возстановленіи Польши“...

Австрія и Пруссія обнаруживали полнѣйшую растерянность. Изъ Познани бѣжала масса людей, ища защиты въ нашихъ предѣлахъ ³⁾. Между прочимъ, въ числѣ бѣглецовъ „дозволено“ было, съ Высочайшаго соизволенія,

---

¹⁾ Сообщеніе командира пограничнаго отряда ген.-лейт. Реада начальнику 3-го таможеннаго отряда отъ 24 марта 1848 г. № 63.

²⁾ Кн. Кн. Щербатовъ. Біографіи кн. Паскевича, т. V.

³⁾ Сообщеніе главнаго директора правит. комиссіи внутреннихъ дѣлъ директору канцеляріи намѣстника отъ 10 (22) апрѣля 1848 г. № 1358 и воен. начальника Радомской губ. въ канцелярію намѣстника отъ 15 мая 1848 г. № 3419.

„принимать также прусскихъ офицеровъ и даже цѣлыя части прусскихъ вѣрныхъ войскъ“¹⁾. Что касается Россіи, то положеніе ея, по общему мнѣнію поляковъ, было совсѣмъ плохимъ. Самое главное заключалось въ томъ, что Россія-де не въ состояніи была выставить противъ поляковъ большихъ войскъ, потому что принуждена была удерживать значительное количество ихъ на границахъ—турецкой, шведской и на Кавказѣ. Въ шинкахъ же распространились еще болѣе невѣроятныя вещи. Тамъ говорили о томъ, что многіе изъ русскихъ офицеровъ держатъ сторону поляковъ; что одного изъ офицеровъ „мусульманскаго“ полка арестовали за то, что, пригласивъ къ себѣ товарищей, онъ предложилъ тостъ за поляковъ; что правительство само сознаетъ опасность, такъ какъ перевезло въ цитадель всѣ деньги, хранившіяся въ главномъ казначействѣ и намѣрено отправить ихъ еще дальше; что государь не довѣряетъ офицерамъ-полякамъ и приказываетъ истреблять ихъ (tracić); что Турція готовится къ войнѣ съ Россіей и требуетъ возврата своихъ провинцій; что противъ Россіи вооружаются всѣ народы, что въ Петербургѣ бунтъ; что тамъ сожженъ какой-то мостъ; что французскій флотъ разбилъ русскій флотъ, при чемъ погибла находившаяся на немъ гвардія; что значительные отряды русскихъ войскъ бѣжали за границу и тамъ присоединились къ полякамъ; что посланный государемъ съ важными депешами въ Берлинъ генералъ Бергъ схваченъ по дорогѣ бреславльскими академиками и проч., и проч. Но за то Франція восхвалялась и возвеличивалась на всѣ лады. И было за что! Между прочимъ, секретарь Маримонтскаго агрономическаго института Антонъ Жабоклинскій, бесѣдуя съ литографомъ Пашковскимъ о вербовкѣ повстанцевъ среди варшавскихъ ремесленниковъ, пресерьезно увѣрялъ этого молодого чловека, что Франція, желая всѣми способами содѣйствовать замысламъ поляковъ, продаетъ имъ пушки „по рублю двадцать копѣекъ“, а ружья— „по золоту“ (15 коп.)!... Вѣроятно, это были тѣ самыя пушки и ружья, которыя ожидались поляками у береговъ Самогитіи, куда съ открытіемъ навигаціи, ихъ долженъ былъ доставить братъ „rana Ludwika“, капитанъ морской службы Янъ Мѣрославскій, служившій во французскомъ коммерческомъ флотѣ. Транспортъ долженъ былъ быть очень большой и состоять изъ оружія, закупленнаго не только во Франціи, но и въ Англіи...

---

¹⁾ Сообщение главнаго штаба дѣйств. арміи директору канцеляріи намѣстника отъ 23 марта 1848 г. за № 30, и письмо военнаго министра кв. Паскевичу отъ 9 мая 1848 г. за № 1341.

Понятно, всё такія вѣсти не могли не волновать простодушныхъ ремесленниковъ и не возбуждать въ нихъ самыхъ безумныхъ надеждъ и плановъ.

Совсѣмъ отбившись отъ работы, въ чаяніи будущихъ благъ, ремесленники только и знали, что шатались по шинкамъ, исполняя возложенную на нихъ миссію—сблизаться, „путемъ угощенія и подкупа“, съ будочниками и нижними чинами. ¹⁾). Послѣднихъ они очень старательно убѣждали: „что толку изъ того, что *наши* будутъ брать *вашихъ*, а *ваши нашихъ*? не лучше ли жить въ согласіи и всѣмъ быть за одно?!“, то есть—съ поляками. Не было также недостатка и въ разныхъ прокламаціяхъ и возваніяхъ... Хотя Кіевъ въ этомъ отношеніи превзошелъ Варшаву. Тамъ, въ самый первый день Пасхи найдены были на улицахъ возмутельнѣйшія возванія, къ русскому православному народу и воинству,—отъ имени „*благomyслящихъ соотечественниковъ*“... (?!) ²⁾).

Варшава съ каждымъ днемъ замѣтно деморализовалась; завелись доносы, шантажъ, грабежи, убійства... По ночамъ ремесленники бродили по городу въ польскихъ уланскихъ каскахъ, которыя у многихъ сохранились еще со времени возстанія 1830 года. Литографъ Пашковскій, избранный предводителемъ варшавскихъ бунтовщиковъ, ходилъ по фабричнымъ и ремесленнымъ заведеніямъ, вель тайныя совѣщанія съ рабочими и давалъ имъ разные инструкціи. Между прочимъ предполагалось, что, въ то время, когда Пашковскій, съ товарищами, будетъ громить гауптвахты, революціонный народъ успѣетъ собраться на улицахъ и тоже начнетъ дѣйствовать... Другой литографъ, Конвицкій распространялъ повсюду портретъ извѣстнаго сапожника Яна Килинскаго, предводительствовавшего варшавскими бунтовщиками въ 1794 году...

Въ большомъ распространеніи также были портреты „мучениковъ за ойчизну“: Конарскаго, Завиши, Воловича и др., а также портретъ „znanego żydowskiego bochatera“, Берека Йоселевича, ³⁾ верхомъ на арабскомъ скакунѣ. Не мало выпущено было тогда и картинъ аллегорическаго содержанія и всевозможныхъ брошюръ. Въ числѣ послѣднихъ ходила довольно странная книга, изданная нѣсколько лѣтъ назадъ въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „Переводъ открито-

---

¹⁾ Предписаніе князя Паскевича состоящему при начальникѣ III округа корпуса жандармовъ для особыхъ порученій подполковнику Повало-Швейковскому отъ 8 (20) апрѣля 1848 г. за № 908.

²⁾ Рапортъ ген.-ад. Бибикова къ Паскевичу отъ 17 апрѣля 1848 г. за № 462.

³⁾ Берекъ Йоселевичъ—одинъ изъ „героевъ“ польской революціи 1794 года.

венія св. Іоанна“ (на польскомъ языкѣ). Въ ней, между прочимъ, говорилось о томъ, что въ мірѣ уже народился антихристъ, и что это для него повсюду строятся желѣзныя дороги... Когда же ихъ заведутъ въ Польшу и въ Россіи, то антихристъ, въ сопровожденіи своихъ клеветовъ, сядетъ въ желѣзную карету, изрыгающую пламя и дымъ, и отправится съ запада на востокъ... Тамъ остановится онъ у „Великаго властелина востока“ и будетъ имѣть у него квартиру и столъ (stancja i obiad)...

Можно, конечно, съ увѣренностью сказать, что самъ антихристъ въ то время еще не проѣзжалъ по недавно построенной варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, но что касается клеветовъ его, то тѣ, навѣрное, очень часто катались по ней; въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Не мало также посодѣйствовала эта дорога быстротѣ полученія варшавскими революціонерами самыхъ свѣжихъ новостей изъ Европы, хотя бы и сотканныхъ изъ тончайшей лжи и клеветы. Знакомство же съ желѣзнодорожными чиновниками давало обильный матеріалъ для дружескихъ бесѣдъ въ варшавскихъ канцеляріяхъ и кавярняхъ, а портному Сербановичу дало возможность быстро разнести по всей Варшавѣ вѣсть о томъ, что во Франціи-де вся королевская фамилія уже вырѣзана и что „на-дняхъ“ тоже самое послѣдуетъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Затѣмъ, восплавъ извѣстнаго рода соревнованіемъ, тотъ же Сербановичъ рѣшилъ и самъ посягнуть на жизнь императора Николая, котораго ожидали въ Варшавѣ 16 (28) сентября 1848 года.

Чтобы покончить съ варшавско-вѣнской желѣздой дорогой слѣдуетъ еще замѣтить, что благодаря ей, молодые патріоты имѣли полную возможность безпрепятственно кататься за границу для усовершенствованія въ наукахъ и искусствахъ, какъ это сдѣлалъ, наприимѣръ, сынъ чиновника табачной монополіи, Дунскій. Подъ предлогомъ усовершенствованія въ скульптурѣ, онъ отправился прямымъ путемъ въ Берлинъ и дрался тамъ на баррикадахъ. По отзыву нѣмецкихъ студентовъ, Дунскій былъ „однимъ изъ самыхъ изступленныхъ польскихъ патріотовъ“. 1)

Какой-то машинистъ, Генрихъ Форнбергъ, возвратясь изъ за границы и рассказывая обо всемъ, что дѣлается въ Европѣ, объяснялъ варшавскимъ ремесленникамъ, какъ именно поляки должны дѣйствовать. Между прочимъ, по вопросу о баррикадахъ, онъ совѣтовалъ за техническими подробностями этого дѣла обращаться къ возвратившемуся

1) Предложеніе кн. Паскевича варш. воен. ген.-губернатору отъ 23 августа (4 сентября) 1848 г. за № 1945.

изъ за границы сыну богатаго фабриканта въ д. Озорково Шлессеру, который-де былъ одинъ изъ первыхъ на берлинскихъ баррикадахъ.¹⁾

Портной Квятковскій, отличавшійся искусствомъ— „съ поляками быть полякомъ, съ русскими—русскимъ“, рассказывалъ въ кавярняхъ о своихъ заграничныхъ странствованіяхъ, а также о томъ, какъ нужно устраивать бунты, возводить баррикады и добиваться увеличенія заработной платы.

Къ словамъ и разсужденіямъ Квятковскаго патріоты особенно внимательно прислушивались, потому что во время мятежа 1830 года онъ былъ офицеромъ „Валовой артиллеріи народной гвардіи“, а затѣмъ въ теченіи семнадцати лѣтъ пробылъ за границей, гдѣ, по его собственнымъ словамъ, набрался ума-разума.

Парижъ, Вѣна, Прага, Дрезденъ, Ліонъ, Лейпцигъ; Франкфуртъ-на-Майнѣ были ему также хорошо знакомы, какъ и Варшава. Между прочимъ, онъ рассказывалъ о томъ, какъ въ Парижѣ народъ боролся противъ правительства. Хотя послѣднее и пускало войска въ дѣйствіе, но бунтовщики устраивали баррикады, то есть загораживали улицы выломаннымъ изъ мостовой камнемъ, бочками, наполненными пескомъ, опрокинутыми повозками и разнымъ хламомъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баррикады возвышались до второго этажа. Прячась за ними, инсургенты, вооруженные чѣмъ попало, стрѣляли въ войска и всячески отстаивали свои позиціи. Другіе же, запершись въ домахъ, стрѣляли въ солдатъ изъ оконъ, или же бросали въ нихъ камни, бревна и все, что было подъ рукою. Конечно, послѣ продолжительной и упорной борьбы, войска все таки разогнали рабочихъ; но тѣ тотчасъ же собирались въ другихъ мѣстахъ и снова начинали борьбу, до крайности утомляя и измучивая ея своимъ противниковъ. Въ концѣ концовъ—торжественно заключалъ Квятковскій—правительство вынуждено было издать постановленія относительно увеличенія заработной платы²⁾.

---

¹⁾ Предложеніе кн. Паскевича варш. воен. ген.-губернатору отъ 19 сентября (1 октября) 1848 г. за № 2106.

²⁾ Въ парижской „L'Illustration“ того времени (за № 285, отъ 12 августа 1848 г.) встрѣчаемъ статью французскаго инженера Мориза (Mourize), предлагавшаго для борьбы съ баррикадерами особую систему подвижныхъ щитовъ („Système de barricades mobiles au moyen de boucliers roulants ou boucliers de siège“).

Изъ этой статьи видно, что баррикады, дѣйствительно, причиняли войскамъ весьма чувствительный вредъ и что французское правительство выискивало способы къ уменьшенію зла. Изъ числа представленныхъ по этому поводу проектовъ, проектъ Мориза оказался наиболѣе цѣлесообраз-

Весьма естественно, что франко-польскія симпатіи проявлялись и во взаимныхъ отношеніяхъ между поляками и проживавшими въ Варшавѣ французами. При этомъ особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ со стороны поляковъ пользовался французъ Фердинандъ Гюйо.¹⁾

Бывшій подпоручикъ „Великой арміи“, Гюйо въ 1812 году былъ взятъ въ плѣнъ. Нѣкоторое время онъ занимался гувернерствомъ въ домахъ разныхъ помѣщиковъ, потомъ сдѣлался учителемъ радомской гимназіи, содержавшейся пиарами, и наконецъ, преподавателемъ въ Жолиберскомъ институтѣ. Здѣсь его засталъ 1830 годъ и онъ, вступивъ въ ряды повстанцевъ, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ, сначала въ чинѣ капитана, а потомъ маіора. Въ 1831 году Гюйо былъ снова взятъ въ плѣнъ и высланъ въ Вятку. „По стараніямъ“, однакоже, „разныхъ лицъ“, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ освобожденъ изъ плѣна, подъ условіемъ „навсегда оставить Польшу“. Прибывъ въ Варшаву, Гюйо, подъ предлогомъ устройства здѣсь своихъ дѣлъ, выхлопоталъ разрѣшеніе на кратковременное пребываніе въ этомъ городѣ, а затѣмъ и совсѣмъ остался, купилъ домъ и занялся преподаваніемъ французскаго языка.

Не смотря на весьма строгій въ то время надзоръ за иностранцами, не разъ приглашавшимися даже къ военному генералъ-губернатору для соотвѣтственныхъ внушеній, Гюйо сумѣлъ внушить всѣмъ властямъ полное къ нему довѣріе. А, между тѣмъ, онъ очень зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Европѣ, получалъ изъ Парижа массу заграничныхъ газетъ и запрещенныхъ книгъ и, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ поляками, авторитетно увѣрялъ ихъ, что „всѣ политическія вопросы въ Европѣ должны быть разрѣшены въ 1848 году“..

Изъ числа другихъ иностранцевъ, принимавшихъ участіе въ революціонной пропагандѣ въ Варшавѣ, промелькнули легкими силуэтами артистъ-музыкантъ Смоляръ, стремившійся къ сближенію съ офицерами, и знаменитая балерина Лола-Монтесъ, о которой лордъ Мэльмсбюри выразился такъ въ своемъ дневникѣ (11 февраля 1848 г.): „это замѣчательная женщина (a most remarkable woman). Можно съ увѣренностью, сказать, что это она своимъ по-

---

нимъ и простымъ во своей конструкціи. Подъ прикрытіемъ моризовскихъ щитовъ, въ которыхъ были продѣланы бойницы, отряды солдатъ до двадцати человекъ могли, безъ всякаго вреда для себя, подвигаться впередъ, постепенно очищая путь отъ инсургентовъ и уничтожая баррикады. Къ сожалѣнію, эти щиты были придуманы нѣсколько поздно.

¹⁾ Письмо директора канцеляріи намѣстника къ попечителю варшавск. учебнаго округа Н. А. Окуневу отъ 14 (26) марта 1848 г. за № 566.

веденіемъ въ Мюнхенѣ зажгла революціонное пламя, которое распространилось потомъ по всей Европѣ и сдѣлало 1848 годъ столь памятнымъ. ¹⁾

Смоляръ и Лола-Монтесъ, впрочемъ, недолго оставались въ Варшавѣ и очень скоро были высланы изъ края Ближайшимъ поводомъ къ высылкѣ Лолы-Монтесъ послужила подвязка, брошенная ею со сцены въ партеръ... ²⁾

Варшавская интеллигенція, какъ и въ наше время, постоянно собиралась по кавярнямъ и тамъ втихомолку обмѣнивались новостями. Завсегдатаи кавярнъ становились близки другъ другу какъ братья родные и между ними устанавливались самыя простыя и дружественныя отношенія. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ особенно славилась кавярня пани Бржезинской и Пихля; послѣдняя у Желѣзной Браны. Въ слѣдственномъ же дѣлѣ о варшавскомъ заговорѣ особенно фигурируетъ кавярня пани Гавронской, на Подвальной улицѣ, привлекавшая къ себѣ множество посѣтителей своимъ якобы чуднымъ кофе и пирожками, услужливо подававшимися молодыми служанками, а также дешевизною.

За этой кавярней, также, впрочемъ, какъ и за другими, постоянно наблюдала полиція, безъ сомнѣнія, хорошо помнившая еще отзывъ Марата о парижскихъ кафе-ресторанахъ, кабачкахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ,—что „тамъ именно находятся настоящіе *трактиришки* свободы (Là sont les vraies restaurateurs de la liberté)“, и замѣчаніе Виктора Гюго, называвшаго эти своеобразные клубы „ядромъ революціонной кометы (le noyau de la comète Révolution)“... ³⁾

---

¹⁾ Лола Монтесъ, безъ сомнѣнія, была орудіемъ масоновъ. Плохая балерина, но очаровательная и экстравагантная красавица, она выдѣлывала такіе па и пируеты, что въ Мюнхенѣ чуть было не опрокинула тронъ Вительбаховъ (Карновичъ, Лола Монтесъ. „Историч. Вѣст.“ 1884 г.). Отзывъ о ней лорда Мельмсбюри (Memoirs of an ex-minister vol I. Leipzig 1885) приведенъ выше. Поль Жиниста, въ одномъ изъ примѣчаній къ изданнымъ имъ мемуарамъ канатной плясуньи, мадамъ Саки (Mémoires d'une danseuse de corde-Madame Saqui (1786—1866). Paris, 1907), говоря о Лолѣ Монтесъ, сообщаетъ еще болѣе интересныя вещи: оказывается, что она имѣла очень опредѣленные взгляды (des idées très nettes) на внутреннюю и вѣшнюю политику европейскихъ государствъ и при всѣхъ дворахъ у нея были свои агенты и корреспонденты.

²⁾ Antoni Weniarsky. Warszawa i warszawianie. Warszawa. 1857 K. W 1. Wójcicki. Kawa literacka w Warszawie (1829—1830). Warszawa' 1873.

³⁾ Franz Funck-Brentano. Les Nouvellistes. Avec la collaboration de M. Paul D'Estrée. Paris, 1905.

Слово restaurateur означаетъ и *трактиришки* и *возстановитель*. Маратъ, должно быть, употребилъ его въ этомъ послѣднемъ смыслѣ; но

Понятно поэтому, что каждый посетитель кавярни пани Гавронской едва входилъ туда, тотчасъ же дѣлался объектомъ весьма усерднаго наблюденія. Въ результатѣ впрочемъ, получались иногда, какъ это видно изъ сохранившихся агентурныхъ свѣдѣній, довольно курьезныя характеристики. Такъ, актеръ Мошинскій аттестовался, какъ свободный мыслитель („wolnomyślący“); землемѣръ (geometra) Янковскій — тоже; у актера Ястржембскаго былъ умѣренный образъ мыслей („sposób myślenia umiarkowany“); о балетникѣ Орчинскомъ сказано, что патриотъ и любить играть въ домино (patryota lubi grać w domino“); „литератъ“ Богуцкий былъ глубокомысленный политикъ („dumny polityk“) и т. д. Засимъ встрѣчаются такія аттестации: любопытный („ciekawny“), легковѣрный („łatwowierny“), любить новости („lubi wiedzić nowinki“); объ одномъ господинѣ сказано, что онъ — патриотъ и носить усы („patryota, nosi wąsy“), о другомъ — просто: „patryota“, о третьемъ: любить разсуждать о политикѣ („lubi rozmawiać o polityce“), о четвертомъ: расположенъ къ правительству („przychylny do Rządu“)... Былъ тамъ также спокойный завсегдатай („spokojny“); одинъ „цензурный чиновникъ“ оказался „lubownik polityki“, а какой-то кассиръ — „amator polityki“... Офицеръ б. цольскихъ войскъ обращалъ на себя вниманіе своею веселостію („wesoły“), а портной — болтовней („papla“)... Были, впрочемъ, и такіе, о которыхъ говорилось, что они заняты игрою въ домино и шахматы, безъ малѣйшаго, при этомъ, намека на ихъ политическія убѣжденія. Но изъ всѣхъ ярлыковъ, привѣшенныхъ таинственными наблюдателями къ кліентамъ пани Гавронской, ни одинъ, кажется, не былъ такъ рѣшителенъ, какъ тотъ, какимъ охарактеризовали одного изъ „балетниковъ“; объ этомъ скромномъ (а можетъ быть — и нескромномъ) служителѣ Терпсихоры было сказано, что у него — „pusta głowa!“... Бѣдняга, вѣроятно, такъ и сошелъ въ могилу, нисколько не подозревая о столь нелестной для него рекомендаціи?!..

Отъ Терпсихоры, конечно, только одинъ шагъ къ самой красивой изъ всѣхъ богинь Олимпа, вѣчно юной и вѣчно плѣнительной, часто скрывающей свое имя цодъ псевдонимомъ Афродиты... Въ больницѣ для несчастныхъ поклонниковъ этой богини, докторъ Качаровскій, полущутя, полусерьезно, говорилъ своимъ пациентамъ: „надо васъ, шляхту,

---

мы оставляемъ за нимъ первое значеніе, напоминающее отзывъ Генриха Гейне о мадамъ Сталь. Нѣмецкій поэтъ, какъ извѣстно, выразился о французской писательницѣ, что она была очень милой *маркитанткой въ войскахъ либераловъ* и бодро бѣгала по рядамъ сражающихся съ своимъ бочкомъ энтузіазма, поддерживая усталыхъ...

поскорѣ лечить, потому что вы нужны для бунта (teraz was szlachtę pędko leczyć potrzeba, gdyż jesteście potrzebni do buntu)“...

Вѣчно ожидаемый бунтъ призывалъ всѣхъ и каждаго подъ свои красныя знамена и заставлялъ бѣдныхъ патриотовъ клясться предъ образомъ Ченстоховской Божіей Матери въ вѣрности революціи... Молодежь, поддерживавшая въ себѣ патриотическій энтузіазмъ „Валленродомъ“ Мицкевича и „Иродіономъ“ Красинскаго, пылала жаждой самопожертвованія и неудержимо стремилась—какъ говорится въ одѣ Мицкевича „Къ молодости“—влетѣть туда, куда и взоръ не достигаетъ, ломать... чего расудку не сломать“...

Въ воздухѣ, между тѣмъ, какъ домокловъ мечъ, уже висѣло что-то страшное, неизбѣжное... То было отраженіе непреклонной рѣшимости императора Николая I—поразить на смерть революціоннаго змія, невидимо заползшаго въ предѣлы его великой имперіи и своимъ тлетворнымъ дыханіемъ отравлявшаго жизнь цѣлой страны. .

„Въ моихъ глазахъ—говорилъ Веллингтонъ,—военное положеніе рускаго императора въ Царствѣ Польскомъ есть якорь спасенія для цѣлой Европы. Это положеніе надобно удержать нетронутымъ до тѣхъ поръ, пока отношенія опредѣлятся въ прочихъ странахъ. Никто не можетъ предвидѣть, что произойдетъ изъ всего этого. Одно я очень хорошо понимаю: это то, что военное положеніе рускаго императора въ Польшѣ составляетъ единственный операціонный базисъ для монархической Европы. Вотъ почему, для общаго блага, необходимо, чтобы это положеніе оставалось нетронутымъ... ¹⁾

Многіе поляки отлично понимали все это. Но нужно было имѣть много мужества для того, чтобы во всеуслышаніе сказать, что всѣ замыслы къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя безумны, что они не могутъ имѣть успѣха и только приведутъ къ новымъ разочарованіямъ, горю и бѣдствіямъ. Они съ тяжелымъ чувствомъ молча смотрѣли на все то, что происходило вокругъ нихъ, и имъ уже рисовались въ будущемъ, во всей неприглядной наготѣ, ужасы голода и нищеты, испытанные въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и во время мятежа 1830 года, когда приходилось, буквально, думать только о спасеніи

---

¹⁾ С. М. Соловьевъ, академикъ. Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1949 г.г. „Русская Старина“, 1877 г. ноябрь.

Эмиль Пьерэ, говоря о бѣдахъ, грозящихъ Франціи („La Patrie en danger“. Paris, 1906) замѣчаетъ: „глухая демократія забываетъ, что только армія спасла Европу въ 1848 году отъ социалистическаго безумія“...

своей жизни, бросая все остальное на произволъ разбушевавшейся черни, жаждавшей лишь грабежей и насилій... Но они плыли вслѣдъ за общимъ теченіемъ...

Они боялись. Всѣмъ напр., въ Варшавѣ былъ извѣстенъ случай съ редакторомъ „Краковской народной газеты“, дерзнувшему было, на страницахъ своего изданія (№ 9, 1848 г.) порицать дѣйствія своихъ соотечественниковъ. Раздраженные краковскіе патріоты чуть было не повѣсили его, и только, благодаря заступничеству какихъ-то лицъ и „расскаянію измѣнника“, ограничились устройствомъ подъ окнами несчастнаго редактора грандіознѣйшаго шаривари, то есть кошачьей музыки.

Такіе концерты были въ тѣ времена въ большой модѣ за границей. Стоило только не угодить коноводамъ народнаго движенія—и сейчасъ же жди музыки. Дѣлалось это очень просто: по улицамъ собирали толпу мальчишекъ и заставляли ихъ подъ окнами инкриминированныхъ лицъ лаять по-собачьи, мяукать, колотить въ доски, въ мѣдную посуду и тому подобныя инструменты. Кошачьи концерты устраивались даже передъ окнами высокопоставленныхъ лицъ,—напр., въ Вѣнѣ передъ домомъ папскаго нунція.

Въ Лембергѣ такой концертъ былъ устроенъ командующему войсками, генералу Галфала; но послѣдній немедленно же прекратилъ его мужественною угрозою „переломать кости“, какъ музыкантамъ, такъ и ихъ дирижерамъ...¹⁾

Въ Варшавѣ, сколько извѣстно, кошачьи концерты не устраивались и благомыслящіе люди, пожалуй, могли смѣло заявлять о своемъ несочувствіи революціонному движенію. Врачъ евангелической больницы, извѣстный уже и въ то время докторъ медицины Титъ Халубинскій, такъ и поступилъ: онъ, какъ видно изъ официальной переписки, рѣшительно отказался примкнуть къ тайному обществу.²⁾

Варшавскій портной Александръ Яворовскій, на приглашеніе присоединиться къ мятежу, рѣзко отвѣтилъ, „поляки уже столько зла надѣлали, что за грѣхи свои должны молить Всевышняго о прощеніи, а не дѣлать новыя глупости“...

Какой-то Дзвонковскій, проживавшій въ Краковѣ, бесѣдуя съ однимъ изъ пріѣхавшихъ туда членовъ варшавскаго тайнаго общества, сказалъ, что „всѣ тайныя общества бесполезны, демократическія книги—одна глупость.. Нужно работать надъ истиннымъ религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ и самоисправленіемъ“...

¹⁾ Рапортъ Бибикова кн. Паскевичу отъ 20 марта 1848 года за № 504.

²⁾ Сообщение полевого генераль-аудитора дѣйствующей арміи директору канцеляріи намѣстника отъ 13 мая 1855 года за № 540 и предложеніе намѣстника варш. воен. ген.-губернатору отъ 6 (18) іюня 1856 г. за № 5945.

Въ такомъ же родѣ разсуждали и многія другія лица, очевидно, находившіяся подъ вліяніемъ ученія Товьяпскаго...

Въ изданной въ 1891 году въ Краковѣ книгѣ „Z nad grobu“, авторъ ея, Карль Байковскій, убѣжденный товьянистъ, весьма подробно разсказываетъ о своемъ нравственномъ перерожденіи. Съ самаго дѣтства мечтая о независимости отечества, онъ никакъ не могъ понять, какъ это, будучи христіаниномъ, онъ долженъ любить своихъ ближнихъ, а какъ полякъ—желать уничтоженія враговъ ойчизны. Поступивъ въ 1841 году въ кievскій университетъ, онъ не могъ побороть въ себѣ ненависти къ русскимъ и сказался большимъ во время посѣщенія университета великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Узнавъ, по возвращеніи въ Варшаву въ 1845 году, о готовившемся возстаніи, Байковскій поступилъ во канцелярію намѣстника съ специальною цѣлью добывать тамъ разныя свѣдѣнія, необходимыя для вожаковъ бунта; но такъ какъ замышлявшійся тогда мятежъ былъ подавленъ въ самомъ зародышѣ, при чемъ были обнаружены и всѣ сношенія Байковскаго съ повстанцами, то онъ бѣжалъ въ Парижъ, захвативъ съ собою 669 рублей казенныхъ денегъ. Получивъ затѣмъ отъ русскаго посла въ Парижѣ, графа Киселева, предложеніе возвратиться въ Варшаву для явки въ военный судъ, Байковскій дерзко отвѣтилъ графу Киселеву, что не считаетъ себя русскимъ подданнымъ и какъ сынъ края, неправильно занятого русскими войсками, никогда не перестанетъ сражаться за независимость Польши. Спустя три недѣли послѣ этого отвѣта, Байковскій отправился въ Швейцарію къ Товьянскому, образовавшему тамъ кружокъ эмигрантовъ, къ которому принадлежали Мицкевичъ, Рожицкій и другіе. По словамъ Байковскаго, онъ всегда будетъ благословлять тотъ день (25 февраля 1848 г.), когда познакомился съ Товьянскимъ, съ этимъ „великимъ человѣкомъ, который научилъ его любить враговъ своихъ и Польши, какъ самого себя. Съ тѣхъ поръ эти враги сдѣлались для него братьями и друзьями во Христѣ. И онъ пришелъ къ заключенію, что Польша должна работать надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ, покорно исполняя всѣ предписанія русскаго правительства, въ чемъ, собственно и состоитъ ея величіе и значеніе!...

Придя къ такому заключенію, Байковскій немедленно же написалъ графу Киселеву извинительное письмо, съ возвращеніемъ похищенныхъ изъ канцеляріи намѣстника денегъ, но самъ не рѣшился возвратиться въ Варшаву..

Превосходнымъ дополненіемъ исповѣди Байковского могутъ служить письменныя показанія, данныя военно-слѣдственной комиссіи чиновникомъ варшавскаго губернскаго правленія Чеславомъ Михаловскимъ, содержащимся въ Х павильонѣ Александровской цитадели по дѣлу о заговорѣ 1848 года.

Перебѣгая съ одного предмета на другой. то—вспоминая свое дѣтство, то—говоря о своей прежней учительской дѣятельности, то—упрекая своихъ судей въ безсердечности, то—взваливая на себя всѣ вины и требуя безпощаднаго къ нему отношенія, Михаловскій, строго говоря, представляется не вполне нормальнымъ человѣкомъ и, во всякомъ случаѣ, зараженнымъ товьянизмомъ. Весьма возможно также, что онъ мистифицировалъ судей, стараясь скрыть отъ нихъ свои настоящіе взгляды на вещи, т. е. взгляды польскаго патріота.

Онъ говоритъ о происходящей въ немъ борьбѣ между эгоизмомъ и обязанностями, налагаемыми не него коренящимся въ польскомъ обществѣ пониманіемъ общаго блага; говоритъ о своихъ политическихъ и религіозно-философскихъ вѣрованіяхъ и, затѣмъ весьма пространно и такъ же туманно, распространяется о великой роли славянства въ будущей исторіи человѣчества. Тутъ есть у него и стихіи византійскаго востока (Россія), и стихіи мусульманскаго міра (турецкіе славяне); все это, по его словамъ, должно слиться въ будущемъ и дать „прекраснѣйшіе плоды“. Въ какой же формѣ это осуществится—„того никто не знаетъ“: быть можетъ, это будетъ „въ видѣ федеральнаго союза, или же въ формѣ демократической, или же въ видѣ огромной монархіи“... При этомъ Михаловскій настаиваетъ на необходимости вѣроисповѣднаго сліянія всѣхъ славянскихъ народовъ.¹⁾

Но все это, понятно, было очень далеко отъ той картины, какую рисовалъ извѣстный чешскій панславистъ Колларъ, когда, призывая славянъ къ объединенію, говорилъ

---

¹⁾ Сліяніе вѣроисповѣданій—это вопросъ, которымъ Товьянскій одно время былъ очень занятъ. На это указываетъ то, что Адамъ Чарторижскій обвинялъ Товьянскаго „въ распространеніи ереси“ и, въ тоже время, „въ потворствіи православію и въ вѣрноподанничествѣ“ (проф. Макушевъ. Андрей Товьянскій). Но еще важнѣе сообщеніе кievскаго ген.-губернатора князю Паскевичу (въ рапортѣ отъ 9 декабря 1847 г. за № 10102) о томъ, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, „эмигранту Товьянскому будто-бы поручено составить проектъ, чтобы изъ двухъ исповѣданій: православнаго и католическаго составить одно, и чтобы ни папа, ни патріархъ (государь) не имѣли на оное вліянія“. При этомъ ген.-адъют. Вибиковъ присовокупляетъ: „Предположено выслать для сего агентовъ въ Россію“.

„если бы славянскія вѣтви были золотомъ, серебромъ и другимъ металломъ, то я изо всѣхъ ихъ вылилъ бы одинъ истуканъ, головой котораго была бы Россія, плечами и руками Чехи, туловищемъ—Поляки, ногами Сербы, а остальные меньшія вѣтви славянъ—одеждою и оружіемъ; передъ этимъ истуканомъ, который ростомъ былъ бы вровень съ облаками и ногами потрясалъ бы землю, должна была бы преклониться вся Европа...“

Далѣе Михаловскій, выражая несогласіе съ Ламенэ (Lamennais) ²⁾—который, по его глубокому убѣжденію, впалъ въ крайность, проповѣдуя терроръ и кровопролитіе, —тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что безъ заговоровъ невозможно обойтись, потому что, нѣдь, и въ семьѣ, этой ячейкѣ государства, тоже бываютъ несогласія между отцами и дѣтьми...

„Когда рѣшаюсь уже сознаться во всемъ—продолжаетъ онъ,—во мнѣ замираетъ духъ. Господи, управляй мною!...“

„Если сказать правду, то я ничѣмъ недоволенъ: мнѣ бы хотѣлось—то монархическаго, то демократическаго управленія... И вся моя жизнь была такова: я ничѣмъ не былъ доволенъ, всего мнѣ было мало,—или, лучше сказать: я ничѣмъ не могъ быть... То я мечталъ быть знаменитѣйшимъ полководцемъ, то—желалъ остаться человѣкомъ тихимъ и смиреннымъ; то—увлекался славою ученаго, мудреца, то... хотѣлъ быть папою, то—поэтомъ, то—живописцемъ, то—красавцемъ, то, наконецъ... женщиной... Однимъ словомъ, желалъ быть всѣмъ, и во всемъ достигнуть полного совершенства. А на дѣлѣ выходитъ, что я—слабый, бѣдный человѣкъ, доказательствомъ чего служатъ мои протоколы, въ которыхъ нѣтъ ни порядка, ни логической связи... Я знаю это,—но дѣйствовать иначе не могу: что дѣлаю—дѣлаю безъ размысленія, какъ безумецъ; если же размышляю, то запутываюсь въ безконечности, не зная, за что взяться и, наконецъ, избираю то, что всего хуже. Однимъ словомъ оправдываю пословицу: „*mądry Polak po szkodzie...*“

„Я бы желалъ земли, но и землей я недоволенъ; стремлюсь къ небесамъ—и мнѣ жаль земли... Я бы хотѣлъ взглянуть даже въ адъ...“

---

¹⁾ Ламенэ (Lamennais), знаменитый проповѣдникъ, авторъ „*Paroles d'un croyant*“, „*Essai sur l'indifférence en matière de religion*“ и др., былъ ревностный католикъ, но держался при этомъ чисто демократическихъ и даже социалистическихъ воззрѣній, чѣмъ оказывалъ сильное вліяніе на умственную жизнь Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

„Но вы станете смѣяться... Не смѣйтесь, господа!...“
Искренняя, или неискренняя эта исповѣдь,— и въ томъ и въ другомъ случаѣ, она весьма характеристична; отъ нея такъ и вѣетъ Огаревскимъ:

„Чего хочу?.. чего?... О! такъ желаній много...“

. . . . .
. . . . .

„И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая, и губя,
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много...“

. . . . .
. . . . .

V.

Наступившее въ Ц. П. и сѣверо-и-юго-западномъ краѣ затишье, явившееся, очевидно, результатомъ новыхъ инструкцій заграничныхъ коноводовъ, не замедлило тотчасъ же отразиться и на поступающихъ къ князю Паскевичу донесеніяхъ „подлежащихъ властей“, начавшихъ, по-прежнему, стереотипно докладывать намѣстнику, что „во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ все обстоитъ благополучно“ и, „по наблюденію за духомъ и образомъ мыслей жителей, ничего не замѣчено такого, что рождало бы подозрѣніе въ политическомъ отношеніи...“

Конечно, вся суть дѣла тутъ была совсѣмъ не въ инструкціяхъ Мирославскаго или Высоцкаго; но, дѣйствительно, все, повидимому, говорило за то, что городское населеніе уже успокоилось, а революционеры, взявшись за умъ, окончательно выбросили изъ головы всѣ свои планы и фантазіи. Что касается помѣщиковъ и крестьянъ, то они повидимому, были такъ заняты своимъ хозяйствомъ и инвентаремъ, что имъ, въ сущности, и некогда было думать о политикѣ.

Въ этомъ отношеніи, ярмарка въ мѣстечкѣ Ленчно, открывшаяся 28 августа и продолжавшаяся шесть дней, можетъ служить наилучшею иллюстраціей перехода взбудораженныхъ обывателей на мирное положеніе.

Объ этой ярмаркѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Главное ея достоинство заключалось въ томъ, что она была очень оживленна. Народу наѣхало множество, а еще болѣе было навезено разныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Было также доставлено около 1000 лошадей, 680 воловъ, 360 коровъ, около 800 штукъ барановъ и до

200 свиней. Изъ Варшавы пріѣхали купцы съ красными товарами и торговали весьма бойко. Съѣхались всѣ помѣщики, и въ числѣ ихъ нѣсколько графовъ, ксендзы, пріѣхавшіе за покупкою лошадей, и нѣсколько человѣкъ изъ Галиціи, Кракова и Пруссіи; но этихъ было очень мало, сравнительно съ прежними временами.

Рестораны и шинки были биткомъ набиты народомъ. Изъ открытыхъ оконъ раздавалась музыка, слышался шумный говоръ, крики. Послѣдніе иногда сливались съ доносившимися съ рынка воплями мужиковъ и бабъ, гонявшихся за базарными жуликами и ворами, занимавшимися обычной экспроприаціей. Въ кондитерскихъ Семадени и Старкопа также было шумно, хотя тамъ и засѣдала исключительно аристократія, какъ мѣстная, такъ и пріѣзжая. Между прочимъ, у Старкопа шла непрерывная карточная игра и, то и дѣло, били шулеровъ, специально пріѣхавшихъ въ Ленчно на гастроли. Шумъ и крики, раздававшіеся здѣсь, постоянно нарушали общественную тишину и порядокъ. Бургомистръ пригрозилъ было Старкопу закрытіемъ кондитерской, но Старкопъ довольно нахально отвѣтилъ, что ничего не боится, такъ какъ у него-де въ Варшавѣ есть очень важные знакомые господа, которые не дадутъ его въ обиду.

Но все таки безъ политики трудно было обойтись. Такъ, въ тѣхъ же кондитерскихъ толковали о томъ, что въ Варшавѣ соберется въ скоромъ времени конгрессъ, на которомъ будутъ присутствовать государь императоръ, прусскій король и уполномоченный австрійскаго двора. На вечерѣ же у одного изъ графовъ раздавались жалобы и нареканія на сенатора Моравскаго, который якобы былъ главнымъ виновникомъ того, что правительству былъ поданъ проектъ о реквизиціи, и что не будь этого—все было бы иначе... Разсуждали также о томъ, что теперь въ Галиціи и Познани подати будутъ значительно уменьшены; у насъ же всѣ страшно обременены ими... Не обошлось, конечно, и безъ намековъ на угнетенія вообще.

Неожиданное появленіе холеры въ Ленчно произвело сильный переполохъ и разогнало многихъ помѣщиковъ по домамъ; тѣ же, что остались, продолжали играть и пить...

Упомянутая выше реквизиція, то есть „правительственное распоряженіе о поставкѣ для войскъ разнаго продовольствія“, дѣйствительно, могла вызывать нареканія, но не столько со стороны помѣщиковъ, сколько со стороны крестьянъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему случаю, имѣвшему мѣсто въ г. Плоцкѣ. Дѣло въ томъ, что еврей-спекуляторы, узнавъ о реквизиціи, тотчасъ же рас-

пустили среди сельскаго населенія слухи о томъ, что правительство намѣрено-де отбирать всѣ продукты бесплатно; вслѣдствіе этого въ ближайшій базарный день крестьяне навезли въ Плоцкъ столько хлѣба, что цѣна на него „вдругъ необыкновенно понизилась“, чѣмъ евреи и не замедлили воспользоваться. ¹⁾

Въ концѣ лѣта, въ юго-западномъ краѣ начали распространяться слухи о томъ, что въ Петербургѣ и Варшавѣ революція, и что 25 сентября во всѣхъ бывшихъ польскихъ провинціяхъ долженъ вспыхнуть всеобщій мятежъ. ²⁾ Эти вѣсти, должно быть, находились въ связи съ пріѣздомъ Мирославскаго въ Курляндію, по англійскому паспорту на имя какого то негоціанта ³⁾, а также со свѣдѣніями о томъ, что Дверницкій и Скаржинскій употребляютъ всѣ старанія къ тому, чтобы собрать подъ свои знамена всѣхъ польскихъ эмигрантовъ, хотя и опасаются, какъ бы вѣсти о холерѣ въ Петербургѣ и Ц. П. не породили въ эмигрантахъ „упадка въ духѣ и не охладили стремленія къ свободѣ“ ⁴⁾.

Между тѣмъ, эта „свобода“, благодаря анархіи, царствовавшей въ Австріи и Пруссіи, казалось, сама давалась въ руки полякамъ. По крайней мѣрѣ, наглядное представленіе объ этой анархіи даетъ намъ одинъ изъ агентовъ князя Паскевича, подполковникъ Кушковскій, ѣздившій, по порученію намѣстника, въ Млавскій уѣздъ и Сувалки ⁵⁾.

Подп. Кушковскій, захавшій изъ млавскаго уѣзда въ м. Добржинь, надъ Дрвенцою, и побывавши въ прусскомъ городѣ Голюбѣ, видѣлъ тамъ баталіонъ пѣхоты, „въ коемъ совершенно потеряна воинская дисциплина; солдаты, днемъ шатаются пьяные по улицѣ, кричатъ, не внимая увѣщаніямъ офицеровъ“. Эти же послѣдніе объясняли Кушковскому, что „причиною сему анархія, существующая у насъ (т. е. въ Пруссіи) доселѣ въ высочайшей степени“.

Тамъ же Кушковскій узналъ о томъ, что ландратъ изъ Торна, Бессеръ, находившійся въ Берлинѣ въ качествѣ „депутата“, писалъ своей женѣ весьма неутѣшительныя вещи. Между прочимъ, по его словамъ, оказывалось, что у берлинскихъ жителей было скрыто до 100 тысячъ оружія.

---

¹⁾ Рапортъ главнаго директора правит. комиссіи внутр. и дух. дѣлъ кн. Паскевичу отъ 1 (13) апрѣля 1848 г. за № 16359.

²⁾ Рапортъ Влбикова кн. Паскевичу отъ 24 августа 1848 г. за № 926.

³⁾ Письмо гр. А. Ѳ. Орлова кн. Паскевичу отъ 4 сентября 1848 г. за № 1817.

⁴⁾ Донесенія Бибикова кн. Паскевичу отъ 4 сентября 1848 г. за № 947 и воен.-нач. Люблинской губ. ген.-маіора Гостомилова отъ 6 (18) октября 1848 г. за № 1949.

⁵⁾ Донесенія сост. по кавалеріи подп. Кушковскаго кн. Паскевичу отъ 1 (13) и 17 (29) сентября 1848 г. за № № 100 и 138.

„Часть старой Пруссіи, войска и всѣ служащіе чиновники держать сторону короля, все же остальное противъ него, съ тою разницею, что надрейнская провинція и Силезія, по прежнему, хотятъ республики...“

Далѣе, сообщая о томъ, что Пруссія задалась цѣлью переустроить Германію, создавъ вмѣсто союза народовъ, союзное государство, въ составъ котораго не могла бы войти разноплеменная Австрія, Кушковскій прибавляетъ, что (по словамъ Бессера) въ Берлинѣ, а также во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ собрались депутаты отъ всѣхъ союзныхъ государствъ для пересмотра конституціи германскаго союза, происходятъ весьма жаркія пренія.

Засимъ Кушковскій сообщаетъ о разнесшемся въ Пруссіи слухѣ, будто бы Россія, признавъ Французскую республику, условливается теперь съ нею о раздѣлѣ Германіи. „Но слухъ этотъ, какъ говорятъ, распускается съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, повліять на скорѣйшее образованіе германской имперіи, а съ другой—для возбужденія противъ насъ негодованія“.

Въ заключеніе Кушковскій доводитъ до свѣдѣнія кн. Паскевича о пріѣздѣ во Франкфуртъ князя Адама Чарторижскаго и о любопытномъ тостѣ, произнесенномъ послѣднимъ на одномъ большомъ обѣдѣ: когда стали пить здоровье Чарторижскаго, то онъ, поблагодаривъ, сказалъ: „господа, я потерялъ имя, состояніе и здоровье для восстановления моего отечества,—но все тщетно. Позвольте мнѣ провозгласить тостъ (но не сердитесь) за здравіе всероссійскаго императора, отъ могущества и покровительства котораго зависитъ участь моихъ собратьевъ и счастье Польши! Тостъ этотъ былъ принятъ всѣми“...

Но вотъ начался мятежъ въ Венгріи. Въ Пештѣ была провозглашена республика, а диктатура для веденія войны была возложена на Кошута, о которомъ Шерръ выразился, что онъ и его товарищи отлично знали самое классическое мѣсто между всѣми классическими пассажирами у нѣмецкихъ поэтовъ:

„Кто спекулируетъ на глупость,
Тотъ бьетъ всегда навѣрняка“...

Уже въ октябрѣ 1848 года значительная часть австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Галиціи, должна была двинуться къ границамъ Венгріи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались, между прочимъ, львовскіе демократы и произвели во Львовѣ возмущеніе, которое, впрочемъ, было подавлено оставшимися тамъ войсками.

Австрійцы, занявъ выгодную позицію, господствовавшую надъ городомъ, успокоили мятежниковъ пушеч-

ными выстрѣлами, отъ которыхъ въ городѣ оказались „большія опустошенія“; въ особенности пострадали отъ гранатъ зданія городской ратуши и театр.

Попытка львовскихъ демократовъ къ возбужденію мятежа имѣла своимъ результатомъ то, что галиційскіе помѣщики стали опасаться, какъ бы это не подстрекнуло крестьянъ къ повторенію ужасовъ 1846 года. Опасенія эти были настолько основательны, что нашими властями сдѣлано было распоряженіе о предоставленіи въ нашихъ предѣлахъ убѣжища всѣмъ тѣмъ, кто будетъ искать спасенія.¹⁾

Подобные же безпорядки произошли въ Лембергѣ и другихъ мѣстахъ; но, затѣмъ, благодаря тому, что эмигранты начали торопливо уходить въ Венгрію, порядокъ сталъ постепенно восстанавливаться²⁾. Въ герцогствѣ Познанскомъ, наоборотъ, безпорядки все болѣе и болѣе увеличивались, снова поляки начинаютъ срывать съ вывѣсокъ прусскихъ орловъ и набивать вмѣсто нихъ польскихъ, а въ правительственныхъ учрежденіяхъ должности вновь замѣщаются поляками и т. д.³⁾. И здѣсь также—встревоженное нѣмецкое населеніе спѣшитъ обезпечить себя убѣжище въ нашихъ предѣлахъ.⁴⁾

Какъ извѣстно, революціонеры возлагали большія надежды на вторженіе Бема въ Галицію. Предполагалось, что какъ только „армія Бема“ появится тамъ, то моментально все населеніе встрѣтитъ ее съ распростертыми объятіями. Пришлось, однакоже, разочароваться. Крестьяне, въ которыхъ заключалась вся сила, „боясь потерять льготы и права“, дружно стояли за правительство и встрѣтили Бема весьма недружелюбно.

Интересно, что при первомъ появленіи Бема въ Буковинѣ, генераль Геслерштейнъ, желая усилить находившіяся подъ его командою войска, обратился, при посредствѣ духовенства, съ призывомъ къ крестьянамъ и тѣ, черезъ нѣсколько же дней явились къ нему въ числѣ 20.000 человекъ, всѣ вооруженные и подъ предводительствомъ русина Шелеха, того самаго, который въ 1846 году называлъ себя „королемъ“ крестьянскимъ⁵⁾. Они, дѣйстви-

¹⁾ Донесеніе замостскаго уѣзднаго начальника люблинскому губернатору отъ 29 окт. (10 ноября) 1848 г. за № 226 и сообщеніе глав. дир. правит. ком. внутр. и дух. дѣлъ директору канц. намѣстника отъ 6 (18) ноября 1848 г. за № 1692.

²⁾ Рапортъ Вибикова кн. Паскевичу отъ 23 ноября 1848 г. за № 762.

³⁾ Докладъ нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 18 октября 1848 г. № 4300.

⁴⁾ Отношеніе воен. нач. Калишской губ. въ канцелярію намѣстника отъ 8 (20) февраля 1849 г. № 994 и предписаніе намѣстника воен. начальнику Калишской губ. отъ 15 (27) фев. 1849 г. № 1539.

⁵⁾ См. „Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства“.

тельно, оказали большое содѣйствіе австрійскимъ войскамъ въ подавленіи демонстраціи Бема ¹⁾. Усмиреніе же венгерскаго мятежа принадлежало императору Николаю, къ которому австрійскій императоръ, какъ раньше прусскій король, принужденъ былъ обратиться за помощью.

Въ венгерскомъ возстаніи, какъ извѣстно, принимали участіе и поляки. Между прочимъ, въ польскомъ легионѣ, дѣйствовавшемъ въ Венгріи подъ начальствомъ Дембинскаго, находилось 810 выходцевъ изъ Ц. П. ²⁾. По сообщенію нашей дипломатической миссіи въ Константинополь, 124 польскихъ выходца, сражавшихся въ Венгріи и бѣжавшихъ затѣмъ въ Турцію, были отправлены турецкимъ правительствомъ изъ Варны на пароходѣ „Таифъ“ на островъ Мальту, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Англію. ³⁾

Несчастные выходцы, потерявъ всякую почву подъ ногами, устрашаемые отвѣтственностью за свои дѣянія, преслѣдуемые австрійскими и прусскими властями, всѣми проклинаемые и сами проклинавшіе свою легкомысленность, обращаются къ князю Паскевичу съ ходатайствами о дозволѣніи имъ безнаказанно возвратиться въ Россію. Впослѣдствіе же, когда положеніе выходцевъ еще болѣе ухудшилось, отъ нихъ стали поступать заявленія, что они „предаютъ свою участь на безусловное рѣшеніе правительства“, „чего прежде вовсе не случалось“. ⁴⁾

„Изъ этихъ временъ горя и несчастья—говорится въ одномъ частномъ письмѣ изъ Галиціи ⁵⁾ мы, по крайней мѣрѣ, извлекли для себя ту пользу, что увѣрились, наконецъ, въ безуспѣшности и величайшемъ вредѣ всѣхъ революцій, имѣющихъ цѣлью возстановленіе Польши. Поэтому можетъ быть, Богъ дастъ, что это были послѣднія жертвы, приносимыя нами для этой цѣли“...

VI.

„При общемъ стремленіи на западъ Европы къ ниспроверженію всего, что доселѣ считалось законнымъ—писалъ

---

¹⁾ Докладъ нач. IV окр. корп. жанд. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 31 января 1849 г. за № 48.

²⁾ Сообщение нач. дипломат. канц. главнокомандующаго дѣйств. арміи Крузенштерна директору канц. намѣстника Еліашевичу отъ 21 февраля (5 марта) 1850 г. за № 308.

³⁾ Сообщение нач. дипломат. канц. главнокоманд. дѣйств. арміи Крузенштерна директору канц. намѣстника Еліашевичу отъ 29 іюля (10 августа) 1850 г. за № 1466.

⁴⁾ Письмо кн. Паскевича гр. А. Ѳ. Орлову отъ 20 марта 1851 г. за № 497.

⁵⁾ Рапортъ ген.-ад. Бибикова кн. Паскевичу отъ 29-го марта 1849 г. за № 168.

кн. Паскевичъ графу А. Ѳ. Орлову, отъ 28 октября (9 ноября) 1848 г. за № 2313,—необходимо бодрствовать, не пренебрегая никакими мѣрами предосторожности, ибо нельзя допустить, чтобы поджигатели бунта, со всѣхъ сторонъ насъ окружающаго, не употребляли всевозможныхъ тайныхъ пружинъ, чтобы поколебать внутренній порядокъ въ Россіи, который составляетъ послѣдній оплотъ неспровергнутой повсемѣсто законности. При такихъ обстоятельствахъ, считая невозможнымъ оставаться равнодушнымъ, я по временамъ посылаю въ разныхъ направленіяхъ агентовъ за границу, для собиранія ближайшихъ свѣдѣній съ самыхъ мѣстъ происшествій. Одинъ изъ подобныхъ агентовъ привезъ извѣстіе, что въ Дрезденѣ проживаетъ нѣсколько семействъ изъ Россіи, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ поименованныхъ, а также нѣкоторые изъ Ц. П., и что они, собираясь для чтенія газетъ въ одной тамошней кондиторской (Balduni), громко разсуждаютъ о должествующемъ скорѣ возникнуть въ Россіи мятежѣ. Не ручаясь за достовѣрность этого свѣдѣнія, я не вижу, однако, причинъ, которыя могли бы оправдывать пребываніе русскихъ среди общихъ соціальныхъ волненій: ибо если они изъ одной только предосторожности, для охраненія себя лично противу наглости демагоговъ и руководимой ими черни, принуждены разсужденія свои согласовать съ тамошними мнѣніями, то и это уже вредно, ибо разыгрывая, хотя и по принужденію, ролю, противную чувствомъ вѣрноподданнаго, подкрѣпляютъ въ общемъ мнѣніи подстрекателей къ бунту, которые указываютъ на нихъ какъ на представителей русскаго общества. Поэтому, приказавъ собрать свѣдѣнія о времени и причинахъ пребыванія въ Дрезденѣ здѣшнихъ жителей, нужнымъ считаю отнести на соображеніе вашего сіятельства, удобно ли и даже прилично ли русскимъ оставаться при настоящихъ обстоятельствахъ за-границею не по надобности, а только для простого препровожденія времени, и не слѣдуетъ ли сдѣлать пребывающимъ теперь тамъ сообразное сему внушеніе, съ тѣмъ, чтобы старались скорѣе возвратиться; а до времени выдачу паспортовъ всѣмъ, кромѣ торговаго сословія, ограничить самую крайнею необходимостью“...¹⁾

. . . . .

¹⁾ Несомнѣнно, что всѣ лица, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, принадлежали къ категоріи „знатныхъ иностранцевъ“, потому что по отношенію къ простымъ смертнымъ уже давно были сдѣланы самыя категорическія распоряженія. Такъ еще 10 (22) марта 1848 года государь писалъ Паскевичу: „Выѣздъ за-границу я вовсе запретилъ, сдѣлай тоже у себя“... (кн. Щербатовъ, т. VI). Во всякомъ случаѣ, относительно „здѣшнихъ жителей“ такое предположеніе вполне подтверждается спискомъ ихъ, оставленнымъ при дѣлахъ канцеляріи намѣстника.

„Хороши стали наши соотечественники!—писала Гоголю 18 мая 1849 года извѣстная А. О. Смирнова,¹⁾ по поводу конспираціи россійскихъ сверхлибераловъ и какой-то „дрезденской штуки“ (?), выкинутой Бакунинымъ.

„О нашихъ коммунистахъ—продолжаетъ она, въ томъ же письмѣ—ничего не слышать, надъ ними производится судъ. То, что рассказывали въ первые дни, если не преувеличено, такъ гадко, такъ мерзко, что нельзя довольно благодарить Бога, что ихъ во время переловили. Сочувствія они ни въ комъ не возбудили, а презрѣніе во всѣхъ“... „А, межъ тѣмъ, кто образумился и перемѣнилъ ладъ жизни? Никто, и даже теорія перемѣны чисто индивидуальной пугаетъ всѣхъ. На устахъ у всѣхъ, *mais c'est du fanatisme religieux*; и боятся фанатизма въ эпоху страшнѣйшаго безвѣрія, когда онъ невозможенъ, потому что сильныхъ убѣжденій ни у кого нѣтъ; потому что всѣ сбились съ толку“...

Сообщая, затѣмъ, Гоголю о томъ, что она была у императрицы и великой княжны Ольги, А. О. Смирнова говоритъ, что великая княжна „ясно видитъ причины разрушенія порядка общественнаго на Западѣ, корень зла, и во все не утѣшаетъ себя минутными призраками водворяющагося порядка, видитъ ясно, что и мы зашли въ *impasse*, и до какой степени“...

Въ заключеніе же, А. О. Смирнова въ такихъ выраженіяхъ рисуетъ нравственную распущенность петербургскаго общества: „Скажу вамъ, что Конкордія и всѣ заведенія, покровительствуемыя Излеромъ,²⁾ другомъ человечества, процвѣтають. И тошно, и гадко смотрѣть, какъ стараются заводить то, что обезобразило Парижъ и весь Западъ“...

А на Западѣ въ это время уже подготовлялись новые мятежи, въ которыхъ собирались принять участіе и поляки. Но самое главное—это то, что Россія уже была обреченной жертвой революціонныхъ замысловъ... *якобинцевъ!*..

12 мая 1849 года въ лондонской газетѣ *Globe*, вдохновляемой Пальмерстономъ, занимавшимъ видное мѣсто въ масонской іерархіи, появилась статья, въ которой многозначительно говорилось о томъ, что „нужно-де опасаться, чтобы событія прошлаго года не оказались лишь первымъ дѣйствіемъ большой драмы...³⁾

¹⁾ Письмо къ Гоголю Александры Осиповны Смирновой. В. Г. „Новое Время (еженед.)“, 20 февр. 1902 г., № 9327.

²⁾ Извѣстный въ свое время антрепренеръ увеселительныхъ заведеній въ С.-Петербурѣ.

³⁾ „Il est à craindre que les évènements de l'année précédente n'aient été que la première scène d'un drame fécond en résultats plus larges et moins pacifiques (*** Le Secret de la Franc-Maçonnerie)“.

Въ тоже время, въ портфель этого самаго Пальмерстона уже лежалъ готовый планъ новаго передѣла Европы, съ созданиемъ германской имперіи, которая должна-де стать стѣною между Франціей и Россіей и образованіемъ польско-венгерскаго королевства для увѣнчанія борьбы съ сѣвернымъ колоссомъ (pour compléter l'oeuvre contre le géant du Nord)...¹⁾

„Опасенія“ Пальмерстона оказались вполне основательными. Доказательствомъ этого служатъ весьма важные документы, препровожденные (въ русскомъ переводѣ) къ князю Паскевичу, по высочайшему повелѣнію, при письмѣ графа А. Ѳ. Орлова, отъ 3 ноября 1849 г. за № 2710.

Это были ноты австрійскаго министра-президента, кн. Шварценберга на имя австрійскаго посланника при нашемъ дворѣ, графа Буало, отъ 28 октября 1849 года и нашего посланника въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, на имя государственнаго канцлера, графа Нессельроде, отъ 15 (27) октября того же года.

Въ депешахъ кн. Шварценберга заключались свѣдѣнія о распространеніи по всей Германіи революціоннаго союза, подъ названіемъ: „Турнербундъ“, основаннаго на чисто демократическихъ началахъ и состоявшаго изъ десяти округовъ. Въ каждомъ округѣ имѣлся свой окружной комитетъ, ежемѣсячно посылавшій донесенія центральному комитету и имѣвшій въ своемъ подчиненіи такъ называемые „турнорты“, находившіеся въ большей части городовъ Германіи и Швейцаріи. Въ рейнскихъ же провинціяхъ, кромѣ турнортовъ, функционировали еще „союзы Пюса“ (Pius verein), тѣсно связанные съ турнербундомъ. Главныя управленія турнербунда дѣйствовали по инструкціямъ изъ Лондона и находились въ данное время въ Брауншвейгѣ и Эйзенахъ. Въ Эйзенахъ управление какъ разъ передъ этимъ было переведено изъ Кельна, такъ какъ заговорщики „предвидѣли“, что правительство уничтожитъ его, какъ уничтожило раньше кобленцкій турнортъ, распространявшій свои дѣйствія на рейнскія провинціи. Точно также, для того, чтобы избѣгнуть закрытія существовавшаго въ Кельнѣ „ремесленнаго общества для чтенія“, „съ самымъ вреднымъ направленіемъ“, оно было преобразовано въ „общество для распространенія просвѣщенія“.

„Цѣль сего союза (т. е. турнербунда)—учрежденіе соціальной республики и приготовленіе къ необходимой при семъ борьбѣ, посредствомъ военныхъ и другихъ тѣлесныхъ упражненій“.

---

¹⁾ Тамъ же.

Далѣ, въ нотѣ кн. Шварценберга сообщалось „о настоящемъ стеченіи въ Англіи изъ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Америки самыхъ отчаянныхъ демократовъ, и о намѣреніи ихъ сдѣлать тамъ огромную демонстрацію со стороны выходцевъ всѣхъ націй, избравъ для сего время прибытія въ Англію Кошута“. Къ этому прибавлялось, что тѣ изъ выходцевъ, которые уже уѣхали въ Америку, теперь поспѣшно возвращаются въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ этими депешами князю Паскевичу была препровождена „выписка изъ обширной революціонной переписки, открытой при арестованіи въ прусской Силезіи уже извѣстной намъ Лисовской, въ рукахъ которой соединялись нити происковъ, направленныхъ изъ Бреславля и Кракова на Силезію, Галицію, Буковину и Царство Польское, съ цѣлью возмутить всѣ земли, въ коихъ говорятъ польскимъ нарѣчіемъ и учредить *Польскую республику*“.

Изъ этихъ документовъ оказывается, что роль, которую играла Лисовская въ заговорѣ польскихъ революціонеровъ была, дѣйствительно, очень значительна, благодаря связямъ Лисовской съ заграничными „пропагандами“ а также съ „мѣстными жителями и лицами, состоящими при варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ“.

Но еще болѣе любопытныя вещи открываетъ намъ полученный барономъ Мейендорфомъ отъ прусскаго правительства и затѣмъ пересланный графомъ Нессельроде князю Паскевичу „протоколъ рѣшеніямъ генеральнаго комитета великой европейской пропаганды въ Парижѣ, подписанный отъ имени тайнаго собранія Циглеромъ“.

Изъ этого протокола, составленнаго, по предположеніямъ барона Мейендорфа, послѣ венгерской войны, видно, что „европейская пропаганда“ намѣревалась „привести въ исполненіе слѣдующее: 1) собрать свѣдѣнія о силахъ, на которыя могутъ разсчитывать демократы въ Европѣ и приготовить возстаніе въ большемъ размѣрѣ; 2) устроить клубы и приготовить оружіе, аммуницію и припасы для войска; 3) возстаніе въ Германіи должно обнаружиться не позже, какъ въ половинѣ ноября мѣсяца, и германская пропаганда должна соединиться съ обществомъ московской и пражской пропагандъ. Цюрихскіе статуты должны быть исполняемы всѣми тремя пропагандами; 4) Пруссія, Саксонія и Мекленбургъ входятъ въ составъ федеральной или союзной республики, подъ названіемъ „Германія“. Прилегающія къ Балтійскому морю провинціи, Литва и Польша, составятъ „Штаты Кошута“, а Россія преобразуется въ республику, подъ именемъ: „Юная Россія“. Начальники сихъ трехъ республикъ назначены цифрами, а именно: Германіи „2. 7.

9. 0. 3., Штатовъ Кошута: „11. 12. 0. 0.“ и Юной Россіи: „X. 21. 22.“ И такъ далѣе.

Въ 5 и 6 пунктахъ протокола предлагается мѣстнымъ „пропагандамъ“ сообщить „Великой европейской пропагандѣ“, „въ какой степени онѣ согласны на такое политическое раздѣленіе“, при чемъ указывается, что возраженія будутъ приниматься только до 31 октября и затѣмъ „Великая пропаганда“ объявляетъ, что о размѣрахъ „предполагаемаго возмущенія“ будетъ особое совѣщаніе съ мѣстными „пропагандами“.

Седьмой пунктъ окончательно выясняетъ намъ, съ какого рода организаціей мы имѣемъ дѣло. Въ этомъ пунктѣ говорится: „Наконецъ, это собраніе предполагаетъ требовать отъ трехъ означенныхъ отдѣленій пропаганды, чтобы они болѣе не принимали членовъ, которые не прошли предписаннаго статутами испытанія въ трехъ классахъ.“

Если мы вспомнимъ, что масонская организація слагается изъ трехъ символическихъ разрядовъ: *apprenti* (ученикъ), *compagnon* (товарищъ) и *maître* (учитель), то поймемъ, что судьбы всей Европы, вмѣстѣ съ Россіей и Польшей, находились въ 1848 и 1849 годахъ, какъ находятся, несомнѣнно, и въ настоящее время, въ рукахъ извѣстной масонской организаціи, носящей названіе „клуба пропаганды (*le Club de la Propagande*)“.

Цѣль этого клуба—говоритъ Тальмейеръ—заключается, какъ извѣстно, не только въ томъ, чтобы утвердить республику во Франціи, но еще и въ томъ, чтобы водворить ее у всѣхъ народовъ Европы, опрокинувъ, одновременно съ тѣмъ, всѣ существующія правительства ¹⁾.

Такой именно сюрпризъ предполагалось преподнести всей Европѣ въ памятный „безумный годъ“—и, только благодаря императору Николаю, изъ этого ничего не вы-

---

¹⁾ Ce club a pour but, comme chacun sait, non de consolider la République en France, mais de l'introduire chez tous autres peuples de l'Europe. et de culbuter tous les gouvernements actuellement établis (Maurice Talmeyeur. La Franc Maçonnerie et la Révolution Française. Paris. 1904.

Въ спискахъ членовъ этого клуба, въ эпоху „Великой революціи“, приведенныхъ у Тальмейера, встрѣчаемъ, рядомъ съ именами Мирабо и Робеспьера, много такихъ именъ, которымъ, казалось бы, совсѣмъ тамъ не мѣсто: разные графы, маркизы, герцоги, аббаты, министры, генералы; въ провинціальныхъ и заграничныхъ отдѣленіяхъ клуба—тоже самое. Всѣ эти аристократы, какъ оказывается, были такъ же „закабалены“, какъ и „les avocats“, „les medecins“, „les procureurs“ и др., о которыхъ сохранились положительныя данныя, что они были—„les plus cabalés“ (M. Talmeyeur. Comment on fabrique l'opinion. Paris, 1905).

шло: революціонная волна, катившаяся съ Запада, разби-
лась о гранитный утесъ...

VII.

Революціонное броженіе, столько времени волновав-
шее царство польское, весь сѣверо-западный и юго-запад-
ный край, наконецъ, улеглось, и князь Паскевичъ 12 мар-
та 1851 года могъ уже всеподданнѣйше донести императору
Николаю, что „съ 1849 года въ краѣ не обнаружено
болѣе никакого заговора или зловреднаго общества съ
политическою цѣлью“¹⁾.

„Впрочемъ—прибавляетъ Паскевичъ,—какъ вашему
императорскому величеству не безызвѣстно, обстоятель-
ство сіе, къ несчастію, не доказываетъ безусловной пре-
данности жителей царства...“

Такого же мнѣнія былъ и шефъ жандармовъ, графъ
А. Ѳ. Орловъ, писавшій князю-намѣстнику (отъ 20 того
же марта за № 497), что „наружное спокойствіе царства
не ручается за безусловную преданность жителей...“

Но за то, въ томъ же письмѣ, гр. Орловъ, съ чув-
ствомъ особаго удовольствія, сообщалъ о томъ, что „въ
последніе два года общее спокойствіе имперіи не было
тревожимо ни однимъ случаемъ, который бы обнаружилъ
какое-либо политическое злоумышленіе, и ежели открыва-
лись какіе либо частные случаи, то оныя не заключали въ
себѣ никакой особенной важности, а минувшій годъ былъ
однимъ изъ спокойнѣйшихъ и счастливѣйшихъ для Россіи.
Наибольшимъ же утѣшеніемъ служить то, что вообще
русскій народъ безпредѣльно преданъ государю и непоколе-
блемо твердъ въ монархическихъ началахъ.“

Тѣмъ не менѣе, проектированныя императоромъ Ни-
колаемъ, [въ началѣ 40-хъ годовъ, разныя преобразованія
были надолго заторможены, благодаря революціи 1848 г.²⁾.
Подобное явленіе, какъ извѣстно, повторялось у насъ не
разъ, — словно кто то таинственный старался изо-всей мо-
чи не допустить Россію выйти на путь благодѣтельныхъ
для нея реформъ...

¹⁾ Всеподданнѣйшая записка кн. Паскевича отъ 12 (24) марта
1851 года „о состояніи умовъ въ Ц. П. въ политическомъ отношеніи
и дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи“.

²⁾ „Императоръ Николай I и его сподвижники (Воспомнанія графа
Оттона де-Брэ, 1849—1852 гг.)“ Русская Старина, 1902 г., январь. „Запис-
ки „Александра Ивановича Кошелева“, Всемирный Вѣстникъ, 1906 года,
августъ.

1 марта 1855 года кн. Паскевичъ снова докладываетъ государю, что „по наружному спокойствію нельзя однако заключать о совершенномъ исправленіи образа мыслей жителей царства,—но можно полагать, что оно продолжится до того времени, пока снова порядокъ въ Европѣ не будетъ нарушенъ...³⁾).

И они не ошибались: ни князь Паскевичъ, ни графъ Орловъ.

Въ томъ же 1852 году, польская эмиграція, воспользовавшись подготовлявшимся принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ государственнымъ переворотомъ, обратилась къ будущему императору французовъ съ такимъ адресомъ: „l'adresse des réfugiés polonais à Son Altesse Impériale Monseigneur le Prince Président Louis Napoleon Bonaparte:

„Ваше высочество!

„Старые польскіе солдаты, служившіе имперіи. почтительноѣе просятъ васъ соблаговолить ихъ принять выраженіе ихъ глубокой преданности.

„Гдѣ бы они ни находились, они не могутъ глядѣть безъ глубокаго волненія на возстановленіе той славной эпохи, которая объединяла ихъ въ чувствахъ любви и преданности безсмертному императору Наполеону, этому благодѣтелю и возстановителю ихъ отечества.

„Поляки убѣждены, что въ величіи Франціи и во властности ея голоса въ Европѣ лежитъ залогъ европейскаго мира и спокойствія.

„Они уже видятъ это въ той высокой миссіи, которая возложена на ваше высочество всей Франціей и признана Европой.

„Какъ-бы ни были скромны поляки, они позволяютъ себѣ надѣяться, что ваше императорское высочество удостоитъ принять увѣреніе въ ихъ искренней преданности.

„Эти чувства продиктованы нашему сердцу глубокою нашею признательностью императору Наполеону и Франціи. Ихъ выражаютъ вашему высочеству польскіе эмигранты, въ теченіе уже двадцати лѣтъ страдающіе, но, по-прежнему, настойчивые въ своихъ стремленіяхъ. Они ставятъ себя и свои несчастія подъ высокое покровительство вашихъ великодушныхъ чувствъ.

„И если вновь противъ Франціи ополчатся враждебныя силы,—поляки, какъ чести, будутъ просить позволить имъ стать подъ тѣ знамена, подъ которыми они научились

---

³⁾ Всеподданнѣйшая записка кн. Паскевича отъ 1 марта 1852 года „о состояніи умовъ въ Ц. П. и о дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи“.

побѣждать или умирать за императора, за Францію, за Польшу“¹⁾.

Этотъ адресъ былъ составленъ въ Парижѣ 5 ноября 1852 г. и подписанъ генераломъ Рыбинскимъ, а также другими польскими эмигрантами, въ числѣ 222 человекъ.

Объ адресѣ тогда же появились извѣстія въ иностранныхъ газетахъ, и это побудило кн. Паскевича обратиться къ нашему посланнику въ Парижѣ, графу Киселеву, съ просьбою о сообщеніи ему копій адреса и списка выходцевъ, подписавшихъ его.

Графъ Киселевъ, какъ видно изъ сообщенія кн. Паскевича шефу жандармовъ, отъ 31-го марта 1853 г. за № 205, выяснилъ, что надѣлавшій шуму адресъ былъ составленъ бывшимъ редакторомъ газеты „Nowa Polska“, Юсафатомъ Островскимъ, который еще въ 1837 году былъ высланъ изъ Франціи за возмутительныя сочиненія и возвратился туда только въ 1843 году. Такъ какъ Островскій не пользовался уваженіемъ и довѣріемъ выходцевъ, то для большаго успѣха въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ именемъ бывшаго генерала польскихъ мятежниковъ, Рыбинскаго; „но кажется достовѣрнымъ, что послѣдній не подписывалъ его и имя его помѣщено на адресѣ самимъ

---

1) „Monsieur,

„Les polonais anciens soldats de l'Empire, civils ou citoyens, vous prient respectueusement de daigner accueillir l'expression de leur dévouement.

„Les polonais, quelque part qu'ils se trouvent ne peuvent voir qu'avec une émotion profonde le rétablissement de cette époque à jamais glorieuse et dans laquelle il leur a été donné de s'unir, d'aimer et de garder la fidélité la plus religieuse à l'immortel Empereur Napoléon, bienfaiteur et restaurateur de leur patrie.

„Les polonais sont convaincus qu'il n'y a pas de repos et de salut pour l'Europe qu'à la condition que la France soit grande et que sa voix soit écoutée et acceptée en Europe.

„Les polonais ont l'intime conviction de cette mission immense et sublime qui Vous est confiée, Monsieur, par la France entière et par la science Européenne. Si humbles qu'ils soient, les polonais croient devoir prier Votre Altesse Impériale de vouloir bien agréer l'assurance de leur attachement et de leur sincère dévouement.

„En Vous exprimant, Monseigneur, les vœux qui nous sont dictés par notre reconnaissance pour l'Empereur Napoléon et pour la France, les émigrés polonais, éprouvés par les souffrances de vingt années, mais décidés à persévérer dans leurs convictions, placent avec confiance leurs malheurs sous la protection de Vos sentimens magnanimes.

„Si des haines veilles s'enveillaient contre la France, si l'on osait l'attaquer, dans ces cas les polonais réclameront l'honneur d'être appelés sous ces drapeaux sous lesquels dans l'époque de l'Empire ils sont appris à vaincre ou à mourir pour l'Empereur, pour la France et pour la Pologne.

de Votre Altesse Impériale

les très humbles et très dévoués serviteurs.

Paris, le 5 Novembre 1852. (Signé) general Rybinski“.

редакторомъ.“ „Впрочемъ, Рыбинскій ничѣмъ не изъявилъ неудовольствія противъ роли, которую ему приписываютъ въ настоящемъ случаѣ...“ Что касается остальныхъ подписей, то, по свѣдѣнiямъ, полученнымъ отъ графа Киселева, „подлинность ихъ сомнительна.“ Самый же адресъ, согласно тѣмъ же свѣдѣнiямъ, „не выходилъ изъ кабинета Людовика-Наполеона.“

Въ 1853 году, во всеподданнѣйшей запискѣ, отъ 11 (23) сентября, „о духѣ жителей, о католическомъ духовенствѣ и о дворянахъ, поступившихъ въ военную службу“, намѣстникъ въ Ц. П., между прочимъ, писалъ государю: „какъ всегда вижу себя въ необходимости всеподданнѣйше доложить вашему императорскому величеству, что по случаю Восточнаго вопроса, который произвелъ столь сильное впечатлѣнiе на Западѣ, жители Царства Польскаго оказали свое обыкновенное легкомыслiе...“ „Влiянiе происшествiй въ Европѣ, всегда столь сильное на Польшу, въ текущемъ году въ особенности замѣтно было на католическомъ духовенствѣ. По наружности покорное, оно, возбужденное распоряженiями папы въ Голландiи, Франци и Пруссiи, желало бы попробовать противодействовать мѣрамъ правительства...“

Но вотъ началась Восточная война; польская эмиграція вновь встрепенулась. Снова забродили революцiонные элементы, снова стали распространяться воззванiя объ „отбудованiи ойчизны“, и слухи о побѣдахъ турокъ, объ усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ и проч., съ разными при этомъ комментарiями, обидными для русскаго сердца...

Впрочемъ, по словамъ Авейде ¹⁾, поляки въ это время были совершенно безсильны. „Люди, не знавшiе нашего положенiя—говорится въ запискахъ этого революцiоннаго дѣятеля,—но вспоминавшiе наши до 1850 года конвульсивные революцiонные порывы, предлагали вопросъ: отчего не возстали мы во время Крымской войны, не смотря на всю нашу ненависть къ русскому правительству? Мы не возстали потому, что не могли возстать, потому что мы отупѣли и были слабы, невыразимо слабы...“

Кончилась крымская война, наступило новое царствованiе. Молодой монархъ, исполненный самыхъ великодушныхъ намѣренiй, „съ забвенiемъ прошлаго“, обратился 10 мая 1856 года къ собравшимся предъ нимъ въ Варшавѣ депутатамъ отъ дворянства, сената и духовенства съ рѣчью, въ которой призывалъ все населенiе Царства Польскаго

---

¹⁾ Н. В. Бергъ. Записки о польскихъ заговорахъ и возстанiяхъ. Москва. 1873.

къ мирному труду и къ осуществленію великихъ христіанскихъ завѣтовъ... Въ своей, не знавшей границъ, добротѣ, императоръ Александръ II хотѣлъ приобщить къ святому дѣлу и тѣхъ несчастныхъ, которые, увлекшись ненавистью къ Россіи, безумно тратили свою жизнь на осуществленіе фантастическихъ мечтаній. Вслѣдствіе этого, Царь-Освободитель даровалъ амнистію всѣмъ польскимъ выходцамъ, а также политическимъ ссыльнымъ.

И вотъ какъ отвѣтили на эту монаршую милость находившіеся въ Парижѣ выходцы!

Извѣстный Карлъ Ружицкій представилъ государю объясненіе причинъ, по которымъ помилованіе не можетъ быть принято ¹⁾).

„Государы!—говорилось въ этомъ объясненіи.—Ниже-подписавшійся, полякъ, русскій подданный, съ 1807 года по 1827—солдагъ польскихъ войскъ, въ 1831 году—начальникъ повстанцевъ на Волыни и съ этого времени—эмигрантъ, поселившійся во Франціи, обращается къ вашему императорскому величеству, отъ своего имени и отъ имени части польской эмиграціи...“ Загѣмъ Ружицкій заявляетъ, что хотя эмигрантамъ и стало извѣстнымъ дозволеніе государя возвратиться въ отечество, они, тѣмъ не менѣе, не считаютъ себя вправѣ воспользоваться этою милостью, такъ какъ не выполнили возложенной на нихъ Богомъ обязанности: „имѣемъ позволеніе отъ правительства, но не имѣемъ позволенія отъ Бога!“ Далѣе, въ разъясненіе этого положенія приводится то, что, начиная съ 1831 года, всѣ эмигранты считали своею первою обязанностью—постоянно поддерживать въ себѣ ненависть и злобу къ русскому правительству, бороться съ нимъ и вредить ему всѣми средствами... Такое настроеніе было чувствомъ, религіей, жизнью всѣхъ эмигрантовъ. Но вотъ въ 1840 году прибылъ во Францію Андрей Товьянскій, и то что эмигранты услышали отъ него и увидѣли въ его жизни и поступкахъ, совершенно измѣнило и переродило ихъ. Съ этого времени началась новая эпоха и въ ихъ отношеніяхъ къ отечеству и правительству. Эмигранты, съ первыхъ же словъ Товьянскаго, узнали въ немъ слугу Божьяго, посланнаго для оживленія и поднятія христіанства. Товьянскій указалъ имъ, что именно долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы преложить гнѣвъ Божій на боже-

---

¹⁾ Въ 1857 году эти объясненія были издапы въ Парижѣ особой брошюрой, на польскомъ и французскомъ языкахъ. Польское заглавіе этой брошюры: „Powody, dla których amnestja przyjęta być nie może, przedstawione przez część emigracyi Polskiej Jego Cesarskiej Mości Alexandrowi II.“

ственное милосердіе. Выясняя завѣты Христа, Товьянскій примѣнилъ ихъ ко всѣмъ путямъ человѣческой жизни — частной и общественной, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаль польской эмиграціи неизвѣстную ей до того времени цѣль. Эмигранты поняли, что Богъ перенесъ горсть поляковъ на чужую землю для приготовления ихъ къ выполнению возложенныхъ на нихъ свыше обязанностей,—для того, чтобы они воспріяли и выполнили тѣ стремленія, которыя Богъ предназначилъ для людей, и чтобы стремленія эти они передали всѣмъ своимъ соотечественникамъ. Они поняли, наконецъ, что должны будутъ служить Польшѣ на томъ пути, который выведетъ поляковъ изъ несчастія и рабства; однимъ словомъ, они должны быть „апостолами Польши“...

Далѣе, идутъ разсужденія въ богословско-мистическомъ духѣ и, между прочимъ, проводится параллель между тою жертвой, которую Спаситель міра принесъ на крестѣ, и жертвой, которую приносятъ поляки своими страданіями: и та, и другая ведутъ къ торжеству высшей справедливости на землѣ. Богъ, отнявшій у народа отечество, рано или поздно возвратитъ его...

„Съ тѣхъ поръ,—продолжаетъ авторъ, — какъ милосердіе Божіе просвѣтило насъ, мы уже перестали быть врагами (nieprzyjacielami) російскаго правительства, ни въ мысляхъ, ни въ веденіи этого народа на путь очищенія“...

А вдаль уже надвигался 1863 годъ!..

Кровавой грозой пролетѣлъ онъ — и кануль въ вѣчность...

Затѣмъ наступилъ 1877 годъ. Снова закипѣла революціонная дѣятельность и снова начали создаваться самые безумные планы. Въ Краковѣ появился „Nasz Program“, во Львовѣ была учреждена „конфедерація польскихъ земель“; все кипѣло и неудержимо рвалось къ бою...

Между прочимъ, тамъ находились такіе „красные“, которые требовали немедленнаго формированія повстанскихъ отрядовъ, для вторженія въ предѣлы російскаго имперіи. Въ Вѣнѣ собираются депутаты изъ всѣхъ бывшихъ польскихъ провинцій и учреждается „народное правительство“ (Rząd narodowy). Послѣднее тотчасъ же принимается за революціонную организацію и входитъ въ сношенія съ русскою революціонною партіей за границей...

И все это тоже кануло въ вѣчность...

Но поляки не теряли надежды. Къ тому же, у нихъ было еще много друзей, считавшихъ для себя обязательнымъ поддержаніе польскихъ мечтаній. Въ числѣ такихъ друзей находился, между прочимъ, членъ англійскаго парламента, сэръ Гарри Верней (Harry Verney), умершій въ 1894 году. Другъ Замойскаго и другихъ польскихъ дѣяте-

лей, Верней, стараясь оживить заграницей интересъ къ „забытой націи“, написалъ даже цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: „The Forgotten Nation“, въ которой впервые было высказано мнѣніе о возможности возстановленія Польши при содѣйствіи *азіатскихъ государствъ*... Въ общемъ же, благородный лордъ совѣтоваль полякамъ „терпѣливо ждать, надѣяться и готовиться“¹⁾...

Въ 1889 году, сигнальнымъ рожкомъ, протрубила „Робудка“, вышедшая въ Парижѣ — какъ слѣдуетъ, въ красной обложкѣ,—по случаю исполнившагося въ томъ году столѣтія „Великой революціи“. И, словно, отвѣтнымъ: „здесь!“ — откликнулась Варшава уличными демонстраціями 1891 года...

Совершившіяся и еще совершающіяся на нашихъ глазахъ событія: русско-японская война съ ея неудачнымъ исходомъ для насъ; внутреннія смуты и знаменитое „освободительное движеніе“, съ Израилемъ во главѣ; повсемѣстный бандитизмъ, какъ своеобразная форма партизанской войны въсѣхъ ополчившихся на Святую Русь супостатовъ; якобинизмъ первой и второй Государственной Думы и сепаратистскія стремленія окраинъ,—все это, надо полагать, является послѣднимъ актомъ той драмы, о которой Генрихъ Гейне говорилъ, что она должна закончиться (вѣроятно, въ видѣ апофеоза?) тѣмъ, что „съ сѣвернаго медвѣдя сдерутъ шкуру“²⁾...

1) *Słowo Polskie*. 1904. № 557.

Въ этой же газетѣ (№ 569) было помѣщено весьма характерное сообщеніе о томъ, какъ на всемірной выставкѣ въ Санъ-Луи, устроенной американцами какъ разъ во время русско-японской войны, какой-то культурный японецъ, сердечно пожимая руку корреспонденту „Польскаго Слова“, многозначительно говорилъ: „kiedyś, w przyszłości weźmiemy jezwaze Moskala wedwaognie“, —на что культурный полякъ, умилно улыбаясь, отвѣчалъ: „Daj Boże!“

Не менѣе интересны свѣдѣнія о томъ, что во время той же войны при дворѣ микадо находился, въ качествѣ представителя Польши, специальный посолъ (ambasador), якобы отъ имени польскаго народа,—нѣкто г. Д., въслѣдствіи децугать отъ польскаго населенія Варшавы во второй Государственной Думѣ (см. „Варш. Дневн.“ 1907 г., № 155 — ст. г. Описка: „Поляки и евреи“ и „Новое Время“, 1907 г., № 11220—корресп. изъ Варшавы г. Георгіевскаго).

²⁾ Относительно сепаратистскихъ (автономныхъ) стремленій Польши достаточно свидѣтельствуютъ интересныя выдержки изъ разныхъ польскихъ газетъ, приводимыя „Минскимъ Словомъ“ (1907 г., № 157—„О полякахъ ихъ же собственными словами“) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Мы, поляки, долго скрывали наши стремленія, но теперь должны настаивать на своемъ. Вѣдь послѣдняя война сдѣлала глубокія перемѣны въ международномъ положеніи Россіи. Она теперь размягчена какъ глина

Нужно, однакоже, думать, что успѣхъ этого эффектнаго и столь желаннаго для враговъ Россіи финала будетъ зависѣть не столько отъ дерзости и проворства „освободителей“ и ихъ „товарищей“, сколько отъ затемнѣнія національныхъ началъ и государственнаго смысла у русскаго народа, у того самаго народа, который въ теченіи слишкомъ тысячи лѣтъ неустаннымъ трудомъ и энергіей, созда-

---

и стала безплодной сама для себя, какъ глина же Это даетъ намъ возможность съ полной свободой въ дѣйствіяхъ осуществить наши польскія мечты“ („Goniec“ № 500, стр. 1).

„Автономіи Польши некому помѣшать. Австрія сама занята своими смутами, и тамъ стоитъ у власти сильная польская партія, которую правительство побойтся возстановить противъ себя. Нѣмцы не могутъ противъ насъ разсчитывать ни на Австрію, ни на Италію, да и побоятся внимательства Англіи, которая издавна намъ симпатизируетъ“. („Goniec“, № 500, Autonom Polski a Niemcy“).

„Не оглядываясь на интересы Россіи, имѣя своихъ людей на всѣхъ безъ исключенія службахъ по Россіи, подготовивъ себѣ польскую армію въ 200—300 тысячъ, мы, поляки, черезъ 5—10 лѣтъ будемъ уже не сосѣдями Россіи, а ея господами, потому что наши братья-поляки, пользуясь независимостью у себя дома въ Польшѣ и обладая свободой и властнымъ положеніемъ надъ москалями, вѣдь не станутъ же дремать, какъ не дремали 40 лѣтъ, подрѣзывая крылья и когти у проклятой Россіи“ („Gazeta War.“ № 253) и т. д., и т. д.

Эти откровенности вылились изъ польскихъ сердецъ тотчасъ же по обнародованіи манифеста 17 октября 1905 г. На состоявшихся же въ концѣ 1906 года въ Варшавѣ и Вильнѣ съѣздахъ польскихъ политическихъ дѣятелей былъ выработанъ и соотвѣтствующій планъ дѣйствій польскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ (см. „Кіевлянинъ“ 1906 г., № 351).

М. О. Меньшиковъ, говоря о польскомъ вопросѣ („Великорусская партія“, Новое Время, 1907 г., № 11243), высказываетъ, между прочимъ, такую мысль: „Мнѣ всегда казалось, что если вы не можете проглотить кусокъ, то лучше выплюнуть его“... „Въ отношеніи Польши я держусь мнѣнія Николая I, который думалъ, что лучше бы намъ вовсе не владѣть ею. Я не знаю, что отклонило императора отъ мудраго совѣта, даннаго Паскевичемъ: обмѣнять у Австріи Польшу на Червонную Русь. Этимъ простымъ и честнымъ поступкомъ мы развязались бы съ братскими обьятїями, что насъ душатъ; мы ввели бы обѣ славянскія народности въ ихъ естественныя русла. Къ сожалѣнію, этнографическое размежеваніе не состоялось. Оставшись въ чертѣ нашей, Польша никакъ не можетъ забыть, что она была когда то „отъ можа до можа“. Такъ какъ всѣ элементы прежней политической уніи на-лицо, польская идея уродуется старой мечтой—владѣть не только Польшей, но Литвой и Русью. Переходный моментъ русской жизни однихъ поляковъ ставить въ выжидательное положеніе. другихъ толкаетъ къ бунту“...

Въ заключеніе же по поводу приведенныхъ „Минскимъ Словомъ“ выдержекъ изъ польскихъ газетъ, г. Меньшиковъ замѣчаетъ: „Великоросамъ, мнѣ кажется, пора очнуться. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ разные друзья и братья подбираются къ нашей родинѣ. Чрезвычайно быстро развертываются процессы трагическаго для насъ значенія. Мы ухватились за парламентскую реформу, какъ за якорь спасенія, но видимо вамъ не даютъ съ ней справиться и *не дадутъ*. Два парламента уже сорваны — при господствѣ въ нихъ той партіи, которая соединила въ борьбѣ съ правительствомъ всѣ инородческія группы во главѣ съ польскою. Намъ не даютъ очухаться

валъ великое государство и теперь, словно погруженный въ глубокий гипнозъ, готовъ, кажется, навѣки утратить вѣру въ себя и свою мощь...

Но — неужели же это возможно?! Нѣтъ!..

„Никогда не падайте духомъ, впрѣте въ великое будущее Россіи“... ¹⁾

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 73
Tel. 26-68-63

отъ погрома, насъ разстраивають — безъ того разстроенныхъ, насъ хотятъ задержать, измотать до полной потери силъ. Если есть еще искра въ насъ государственнаго сознанія, если есть хоть капля любви къ Россіи, — неужели теперь время толковать объ отгѣнкахъ партій? Неужели не ясно, что единственная партія, какая теперь цужна въ парламентъ, — это великорусская партія съ всероссійскимъ знаменемъ? Иностранцы хотятъ быть господами нашими. Они уже становятся нашими господами! Они уже успѣли запугать русское сознаніе до робости, до отреченія отъ своего отечества. Неужели Великой Россіи не пора очнуться?”

¹⁾ Слова Государя Императора, сказанныя Его Величествомъ 27 іюня 1907 г. въ Петергофѣ при производствѣ юнкеровъ среднихъ классовъ Михайловскаго и Константиновскаго артиллерійскихъ училищъ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
27	20 сверху	въ 1848 году	въ 1842 году
56	10 снизу	1792 года	1772 года
114	21 сверху	призраками	признаками

Цѣна 1 руб.

F

18.275

18.275